

love_fantasy

Вера
Андреевна
Чиркова
b7c887e6-a974-11e0-9959-47117d41cf4b

Ведунья против князя

Многие путают старинное знание ведовства с прочими способностями. С чародейством, ведьмачеством, травознанием и даже целительством. Эти ошибки, разумеется, смешат настоящих ведуний, но они не собираются открывать истинный смысл этого понятия и никому и никогда не будут объяснять, в чем состоит различие между ним и прочими талантами. Оставляя всем любопытным их грубейшее заблуждение ради сохранности тайны своих особых умений.

романтическое фэнтези
2019

ru

On84ly

FictionBook Editor Release 2.6.7
2019-09-13
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44197887
Текст предоставлен правообладателем
d1d55414-d5e2-11e9-bdfd-0cc47a5f3f85
1.0

v 1.0 – создание fb2 – (On84ly)

Литагент
Альфа-книга
c8ed49d1-8e0b-102d-9ca8-0899e9c51d44

Ведунья против князя: Роман
Альфа-книга
Москва
2019
978-5-9922-2931-8

Вера Чиркова
Ведунья против князя

Семнадцатое сеноставня

Приграничный городок Заленс

Дилли

– Ой, Дилли... кажется, к тебе гость...

В растерянном голосе Соны, белошвейки из соседнего салона, отчетливо слышались изумление и зависть. Едкая, зеленая и древняя как мир женская зависть к подруге, которой внезапно сказочно повезло.

– Семнадцать, восемнадцать... – Дилли невозмутимо досчитала до двадцати, аккуратно сыпала пилюли в коробочку, запечатала, наклеила руководство и подала сверточек Соне:

– С вас десять серебрушек.

И лишь получив монеты и заперев кассу, перевела взор на следующего клиента. Вернее, на огромный сноп полевых цветов, над которым наливалось жаркой обидой круглое, губастое и носастое лицо колбасника.

– Добрый день, господин Шульц. У вас праздник? – Ее кроткий голосок звучал по обыкновению мягко и приветливо, и это подействовало на хозяина колбасной лавки как большая кружка холодной мятной настойки.

– Это у вас праздник, дорогая Дилли, – объявил он, высокомерно задрав нос. – Я решил сделать вам предложение. Не благодарите, я не глуп и сам прекрасно понимаю, как вы счастливы. У меня вам не придется столько работать, и ваше доброе имя будет надежно защищено. Я, конечно, отлично знаю, что у вас нет ни приданого, ни фамильных украшений, и не собираюсь вас за это упрекать. Зато вы скромная и приветливая девушка, и вполне достаточно, если будете помогать за прилавком. Не каждый день, разумеется, только в праздничные. У меня большой дом, и его нужно содержать в чистоте.

– Благодарю вас за доверие, – проникновенно произнесла Дилли и поднесла к глазам белоснежный платочек. – Я так тронута. Сколько времени у меня есть на раздумья?

– Да чего ж тут думать?! – искренне изумился колбасник. – Запирай свою лавчонку, и идем в храм! Жрец Парвентий весьма уважает копченые гусиные колбаски, прихватчу корзинку – и он сразу проведет для нас обряд единения. Через три дня ярмарка, как раз успеешь вникнуть в дела.

– Простите, уважаемый господин Шульц! – В голосе тоненькой, какой-то бесцветно-бледной девицы неопределенного возраста звенели оскорбленное достоинство и обида. – Но вы не подумали, что скажут обо мне люди! О нас! Если я сейчас бегом побегу с вами в храм, как нашкодившая дебютантка! Та же ваша соседка, булочница Онесса! И белошвейка Сона, которая вас тут видела! Нет уж. Оставляйте ваш букет и гордо идите домой, сообщая всем, что я как разумная девушка попросила два дня на раздумья.

– Но Дилли! – взревел Шульц, уже распределивший на ярмарочные дни задания для всех своих работников, и молодая, аккуратная жена очень удачно вписалась в его планы.

– Ни слова больше! – остановил его гневный взгляд невесты. – Если кто-то скажет, что этого много, поясните, что изначально я просила пятицу, но вы же умеете уговаривать? К тому же я не собираюсь идти в храм в старом платье. И не волнуйтесь, новое я куплю за свои, некрасиво тратить деньги жениха, пока не проведен обряд.

– Ну да, – пробормотал колбасник, сраженный здравомыслием Дилли, втиснул ей в руки свой венчик и, важно задрвав голову, отправился восвояси.

– Проклятье... – шипела Дилли, разбирая пучок цветов на букетики и выставляя их на подоконнике. – И принесла же его нелегкая, вот приспичило! А я ведь так надеялась пережить тут зиму! Придется менять планы...

Это было не так-то просто, хотя она всегда заранее готовила пути отступления. Ну или побега, если честно. Дилли сразу знала, что поживет на новом месте годик-полтора и помчится дальше, как улетающий от зимы яркий листок. Зато не было ни слез, ни боли, ни особого разочарования, хотя от жизни в этом маленьком приграничном городке Дилли втайне ждала намного большего. И ничего тут не поделает, девушки всегда живут надеждами, независимо от того, как они выглядят и какие секреты прячут в рукаве. И ведунья тоже была не против замужества, пусть бы жених и не вызывал пресловутой дрожи в коленях.

Ну хотя бы не был противен до глубины души, не пах чесноком и застаревшим свиным салом и не ковырял в ухе толстым волосатым пальцем! Но раз уж так случилось, нужно воспользоваться вырванной у колбасника форой и запутать следы как можно надежнее.

Лавку Дилли закрыла пораньше и шла в снятую комнатуху с пышным букетом в одной руке и неизменной сумкой – в другой. Волнуя знакомых горожан загадочно-мечтательным видом и рассеянной улыбкой, абсолютно не замечая понимающих и заинтересованных взглядов. Пусть думают, будто она их не видит и не ведает, кто просто завидует, а кто еще и злорадствует, доподлинно зная, как несладко придется молодой жене в зажиточном доме.

Дома она прежде всего вытащила изо всех карманов и из искусно сплетенного из ромашек туеска, который даже вблизи трудно было отличить от простого букета, все свои самые ценные пилюли и мази, а также провизорский инструмент и весы.

Сначала наскоро перекусила, затем быстро переделалась и умело сложила свой багаж. Только самые новые и ценные вещи, остальное раскладывая так, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что хозяйка ушла ненадолго и скоро вернется.

И на минуту замерла в задумчивости. Теперь предстояло самое трудное: забрать свое имущество так, чтобы никто ничего не заподозрил раньше времени. Разумеется, вынести незаметно пару сундуков и саквояж не удастся никому, но разве обязательно тащить их с собой?

Девушка покосилась на потемневшие от времени, сильно потертые, но крепкие еще сундучки и сокрушенно вздохнула, признавая неизбежность их потери. Зато можно будет сложить в них все то, что она изначально брать не собиралась. Разумеется, кроме особого невзрачного, бесформенного, поношенного платья, скрывающего любую женщину от мужских взоров надежнее самого сильного наговора. Хотя ей отвод глаз без надобности: ведуньи обходятся своими силами, к тому же магические вещички и зелья очень дороги.

Черкнув записку хозяину постоялого двора, Дилли отправила ее с хозяйским сынишкой и принялась переупаковывать багаж. Вскоре заполненные старьем сундучки заняли свое место, а перед дверью появились два тючка, в которых любой мог без труда опознать свернутые валиком пуховую подушку и одеяло. И только Дилли было известно, что это лишь выцветшие верхние чехлы, набитые ее теплой одеждой. Где-то в серединке, надежно замотанные, прятались обувь и ценные вещицы, а все остальное уместилось в саквояже.

Громоздкий подсвечник, купленный из-за высоты подставки, пришлось оставить. Зато, оглядев в последний раз комнату, в которой прожила с прошлой осени, Дилли с удовольствием признала, что даже сама не заподозрила бы, что временная хозяйка собирается покинуть ее навсегда.

– Дилли! – постучав, заглянула в дверь хозяйка дома, слегка увядшая дама в домашнем капоте и папилютках. – Там прибыл Джис на коляске, ты куда-то едешь?

– Да, дорогая госпожа Лота, моя жизнь резко изменилась, – с искренней печалью сообщила Дилли. – Господин Шульт сделал мне предложение. Я взяла на раздумье два дня, но на самом деле намерена согласиться. Вы же понимаете, что это очень достойная партия?

– Несомненно, – убежденно кивнула Лота, и сама мечтавшая заполучить в полное распоряжение кладовые колбасника. – Но у меня нет денег вернуть за квартиру...
– Пусть это будет оплатой за вашу доброту, – вздохнула Дилли, страстно мечтая поскорее уйти. – Присмотрите, чтобы никто сюда не входил, пока не вернусь. Мне нужно купить платье для свадьбы и заодно отдать поменять наперники, сама я не рискну этим заниматься, весь дом будет в пуху.
– Какое разумное решение, – с энтузиазмом подтвердила Лота, пропуская выходявшую постоялицу, легко несущую в одной руке тюк с якобы подушкой, а в другой – саквояж и скрученное одеяло. – А лавку ты так и будешь арендовать?
– Пока не решила, – с сомнением призналась ведунья, забрасывая на сиденье тюки, и устроилась рядом, с удобством на них облокотившись. – Жених считает, что мне проще будет иногда помогать ему в делах.
– Ну да, – согласилась хозяйка и, проводив взором резво рванувшую вперед повозку, саркастически добавила: – Так-то жадному коротышке в разы выгоднее.

Двадцатое сеноставня

Брагод, столица свободного княжества Онзирского

Гард

– Лорд Тровенг, – дежурный охранник учтиво склонил голову перед идущим мимо тайным советником князя, по совместительству начальником тайного сыска, – вам принесли срочную почту.
– Спасибо, – легко взбегая по лестнице, отозвался высокий мужчина из тех, о ком говорят «ладно скроен и крепко сшит».
Особое, экстренное письмо он рассмотрел с порога: узкий конверт с алой полосой не лежал вместе с остальными посланиями на подносе, а был воткнут в подставку для бумаг, так, чтобы не заметить его не смог и самый рассеянный человек. А Тровенг таковым никогда не был, наоборот, отличался внимательностью, быстротой суждений и нестандартностью решений. Сбросив на спинку стула легкую форменную накидку, Гардант аккуратно разрезал конверт и достал лист бумаги.
Всего несколько строк: «Гард, ты просил оповестить, если у нас будут сведения о женщинах с именем, входящим в твой список. Не знаю, заинтересует ли тебя заявление колбасника Шульта из Заленса о пропаже восемнадцатого сеноставня его невесты, аптекарки Дилли, худощавой невзрачной девицы примерно двадцати шести – тридцати лет. Преданный тебе Саберт».
– Уже три дня, – сунув письмо в карман, сердито фыркнул лорд и дернул шнур звонка. – Этот жених не очень-то торопился ее искать.
– Лорд Тровенг? – Юнтас, секретарь, всегда подтянутый и щеголеватый, как княжеский гвардеец, мгновенно возник на пороге ведущей в канцелярию двери.
– Вызови немедленно крылет и Ланса, я улетаю в Заленс, – скомандовал начальник, подхватил накидку и направился в личную комнату, где стояла кровать и хранилось несколько мужских костюмов разной стоимости и степени изношенности.
На этот раз он надел простую форму, застегнул на торсе пояс с оружием и инструментом дознавателя. Прихватил длинную теплую куртку, перчатки и шлем с очками и забросил за плечо походную сумку. В ней было все нужное на случай, если полет не удастся и придется

добираться до жилья своими ножками. Такое случалось хотя и очень редко, но судьбу лучше не дразнить.

Через несколько минут появился Ланс, одетый точно так же и с такой же сумкой, но на крышу здания они поднялись лишь после того, как получили известие, что крылет уже прибыл. Удерживаемая замком, легкая лодка чуть покачивалась в причальных сетях у вершины слегка наклонной гладкой площадки. Карлик-погонщик обходил кархов, оделяя кусками мяса, политыми придающим силу и послушание зельем. Мощные птицы не любили своих сородичей и без этой предосторожности рвались бы в разные стороны. Устроившись полулежа в похожей на плоское корыто кабинке крылета, мужчины натянули шлемы, опустили очки и до глаз надвинули меховой полог. Наверху было холодно и сильно продувало.

Вскоре погонщик вернулся, устроился в узкой крохотной передней кабинке и шелкнул рычагом, отцепляя замок. Затем раздалась резкая команда, и первая из шести пар птиц ринулась вперед, к краю крыши. Это были самые неприятные для пассажиров секунды: казалось, будто голенастые кархи не сумеют раскрыть тяжелые на вид волочащиеся крылья, не смогут подняться в небо и вместе с люлькой покатаются вниз по балконам и террасам.

Но, как обычно, все обошлось. Срываясь с твердой поверхности, отлично выдрессированные летуны мощными взмахами огромных крыльев моментально поднимали себя вверх и занимали свои места в сложной связке. Едва вся стая оказалась в воздухе, а люлька закачалась под ними, погонщик умело развернул крылет на восток, и тот, все набирая высоту, плавно устремился к Заленсу.

За несколько часов, пока они летели до стоящего на торговых путях Зарта, среднего, по меркам княжества, городка, начальник тайного сыска успел выспаться, проголодаться и промерзнуть. Не спасали ни меховой полог, ни теплая одежда, ни прижавшийся сбоку маг.

– У меня есть фляжка... – часа за два до прилета предложил Ланс, и до Тровенга донесся запах рома.

Хорошего, выдержанного и мягкого, какой варили только травники из Метносы. Гард сделал пару глотков и вскоре ощутил, как по занемевшим пальцам ног прокатилась теплая волна.

– Наговоренный?

– Разумеется, – буркнул Ланс и осторожно осведомился: – А с чего это мы мчимся отыскивать чужую невесту, словно нам своих не хватает?

– Шутник, – хмыкнул Тровенг. – Откуда у тебя невеста?

Близкими друзьями они не были, не так-то просто подружиться с главным сыскарем его светлости князя Сайморса Онзирского. Но по делам встречались частенько, приходилось, как и в этот раз, работать в паре. И потому каждый многое знал о сильных и слабых сторонах напарника, о предпочтениях в еде и быту и, разумеется, о личной жизни.

– У меня их четыре, – ничуть не хвастаясь, заявил Ланс и невесело усмехнулся: – Осталось дожидаться, пока хоть парочка отсеется.

– А последние две? – лениво спросил главный сыскарь, уже догадываясь, какой получит ответ.

– Предложу тройной союз. Меня часто не бывает дома, им будет не скучно.

– Заботливый... А не боишься, что объединятся?

– Этого нужно бояться только тому, – убежденно сообщил Ланс, – кто выбирает женщин наглых, вздорных, капризных и непредсказуемых. Лично я таких терпеть не могу. Все мои невесты тихие, покладистые, добрые, не ревнивые... Жаль, нельзя жениться на всех сразу.

– Очень правильный запрет, – буркнул сыскарь через полчаса, когда маг уже считал, что начальник забыл и о нем, и о его женщинах. – Иначе у таких прохиндеев, как ты, будут целые гаремы, а остальным не достанется и по одной жене.

И непонятно было, шутил он или прорвалось наружу нечаянное откровение. К тому же Ланс не зря работал на тайный сыск, где все были в курсе чужих секретов и знали о том, куда иногда ездит с приватными визитами их шеф.

В Зарт они попали поздно ночью. Ориентируясь лишь по памяти птиц, знавших в этом направлении все посадочные площадки, опустились на крышу самой большой гостиницы. И едва люлька крылета закачалась в причальной сети, отстегнутая от ринувшихся к кормушкам и поилкам кархов, к прибывшим устремились услужливые ловкие горничные. Путешествие на

крылетах было очень дорогим удовольствием, доступным лишь избранным, и слуги отлично это знали.

Приказав доставить ужин в номер и заказать крылет на утро, Тровенг отправился умываться. А когда вышел из ванной комнаты, обнаружил накрытый стол, бутылку темного вишневого ликера и миленькую служаночку в кокетливой крахмальной наколке.

– Убереешь утром, – холодно глянув на нее, бросил лорд на уголок стола серебряную монетку. – И передай хозяину: он лишится лицензии, если ночью возле моей двери будут петь, скрестись или вздыхать. Иди.

Горничная обиженно поджала губки – жирная добыча, которую она уже считала своей, уплывала прямо из рук, и судя по колючему, неприязненному взгляду непроницаемо черных глаз, вернуть ее не было никакого шанса.

Сыскарь запер за ней дверь и сел ужинать. Открывать вино он и не подумал, пробовать соусы и десерты – тоже. Быстро сжевал свежепожаренное мясо с ломтем хлеба, запил бокалом воды, куда бросил особую пилюлю. Такие готовил для него Эрбиус, алхимик князя, уверявший, что она защитит от любого приворота, наговора и яда.

Хотя до недавнего времени Гард втайне считал, что не только во всем их княжестве, но и в соседних странах не найдется ни одного сумасшедшего, способного поднять руку на его жизнь или честь. Но после того как на подобное решилась сумасбродная леди Николла, в его убежденности была пробита сокрушительная брешь.

Утро для кархов наступало, едва небо на востоке начинало сереть. Они были не ночными птицами, а именно утренними, и могли выслеживать своих жертв даже в легком тумане. Чаще всего кархи кормились возле деревень и поместий, и бредущие на выпас овцы, еще сонные куры и гуси были их излюбленной дичью. При случае взрослый карх легко уносил за десятки миль в свое гнездо даже месячного теленка.

И потому рассвет считался лучшим часом для начала перелета.

Гард стоял на крыше, жуя толстый ломоть сыра, лично взятый на кухне из большой миски. Заспанное лицо спутника было бледноватым, но за мага начальник сыска не беспокоился. Тот никогда не забывал повесить себе на грудь целую гроздь различных амулетов.

– Ланс, – едва они устроились в крылете и погонщик отправился раздавать мясо, тихо проговорил он тем самым тоном, который заставлял его подчиненных вытягиваться в струнку, – твое дело – найти что-то необычное. Не знаю, что именно, но если вдруг обнаружишь – не подавай виду. Не хмыкай, не дергай бровью и не свисти. Доложишь мне только в тот момент, когда мы будем вдвоем.

– Ого, – присвистнул напарник.

– Так делать тоже не нужно. И имя придумай другое. И мне заодно.

– Тогда ты будешь Франом.

– Почему?

– Пса я так зову, точно не забуду. А я – просто Том. Амулет личины дать или есть?

– Есть, – хмыкнул его начальник и больше не разговаривал до самого Заленса.

Двадцать первое сеноставня

Приграничный городок Заленс

Гард

На крыше ратуши, куда доставил сыскарей крылет, их встречала целая делегация во главе с мэром. Здесь был и командир городской стражи, и судья, и даже глава местной знати, лорд Трилбенз.

Он и начал осторожную беседу, когда столичные гости неохотно представились:

– Меня зовут Том. А мой спутник – Фран.

– Не сочтите за наглость, – сиял радушием лорд, – но наша гостиница несколько... простовата для таких важных гостей. Позвольте пригласить вас остановиться в моем доме? Спальни уже готовы, обед тоже, слуги у меня вежливые и ловкие...

– Где жила невеста господина Шульта? – Без разрешения начальника Ланс предпочел не отвечать на это приглашение, а Гард упорно молчал.

– Понятно, – стараясь не показать досады, натянуто улыбнулся лорд Трилбенз. – Про невест колбасников вам лучше всех поведаст наш доблестный мэр. Позвольте откланяться? Но если надумаете – мой дом для вас открыт.

– Аптекарька Дилли снимала комнату у госпожи Лоты, хозяйки небольшого прибыльного дома, – провожая столичных гостей к лестнице, деловито пояснял еще бодрый, но уже обремененный заметным животиком командир стражников. – Она лучше всех изучила эту девицу. Но все жители отзываются о ней лестно. Спокойна, вежлива, рассудительна и аккуратна. Я и сам покупал у нее пилюли – могу подтвердить. Да и господин Шульц в нашем городке жених завидный, несмотря на возраст и внешность. И выбор у него был, однако предложение он сделал Дилли. Все говорят, она была рада, шла домой как на крыльях. Дома сразу вызвала коляску и отправилась в Холмор за платьем...

– Так где она пропала? – перебил стражника Гард, начиная подозревать, что они зря летели лишних два часа.

– В Холморе и пропала. Коляску отпустила у постоялого дома, обещав вернуться на другой день, с оказией. Но так и не вернулась. Вы не желаете перекусить с дороги?

– Веди нас к госпоже Лоте. А по пути покажи лавку. Помещение она купила или снимала?

– Снимала. У Лоты же, – торопливо пояснял стражник, открывая перед ними двери на улицу. – Там все осталось как было, мы смотрели.

– Протокол дайте, – потребовал Ланс.

– А... Сейчас отправлю человека, он принесет. Но, возможно, они сделали беглый осмотр... без оформления... – Командир стражи стремительно серел. – Раз еще нет тела, мы имеем право...

– Принесите указ, подтверждающий это право. – Маг не хуже самого Гарда знал все правила и законы проведения досмотров.

– В присутствии родственников... – хватался за призрачное оправдание стражник, – там был жених.

– Ритуал обручения был подтвержден договором? – Ланс терпеть не мог подобного неряшества подчиненных, доставлявшего ему самому море лишней работы.

– Как будто... – Командир стражи понимал, что топит сам себя, но остановиться и признаться, что упорно лжет начальству, уже не мог.

Простые имена гостей его не обманули, как и ничем не примечательные лица. Не бывает таких у тех, кто прилетает из столицы на срочном крылете.

– Вызовите его в лавку, – скомандовал Ланс, но почувствовал, как его резко дернули за куртку. – Впрочем, пока не нужно. Так где эта аптека?

– Вот... – указывая на крохотную, не больше двух шагов в ширину, лавчонку, угрюмо пробормотал командир стражи, заранее прощаясь с должностью.

Позавчера шел дождь, и все приходившие в аптеку оставили на единственной ступени, обычно чистенькой, как стол, грязные отпечатки.

– Оцепить подходы сетью, опечатать двери и окна ваши люди тоже не додумались? Или и на это был указ? – начал понемногу звереть маг.

– Просто никто не верил... – сломался наконец стражник, – что она пропала. Такая разумная и ловкая девица... думали, вот вернется...

– И приготовили подарочек, – съязвил Ланс. – Стащили в ее лавку всю окрестную грязь.

За пять минут, пока ожидали появления старшего стражника, исполнявшего обязанности дознавателя и потому забравшего ключ от аптеки, гости успели осмотреться и сделать собственные выводы.

Городок был точно таким же, как десятки подобных ему. Единственная площадь, на которой в центре высохшего фонтана высилась невразумительная статуя, была окружена лавками, салонами и закусочными. В самом центре располагался небольшой крытый рынок, и Гард, сделав напарнику знак, направился туда. Есть хотелось все сильнее, но идти в гости к людям, которых они сегодня, возможно, лишат всего достигнутого в жизни, было по меньшей мере неосмотрительно.

За прилавками стояло с десятков торговков, но ничего из товаров, привычных взору столичного жителя, перед ними не нашлось. Ни горячих пирогов, ни жареных цыплят, ни малосолевой рыбы. Только сырые яйца и мясо, овощи и первые яблоки. Да малина в туюсах. Лишь чуть подалше, под вывеской «Колбасы Шульта», стоял лоснящийся довольством статный торговец.

– Это ты – Шульт? – спросил у него сыщик с самым простодушным видом.

– Я приказчик, – важно объявил тот и сунул в рот розовый ломтик ветчины.

– Вкусно? – с неподдельным интересом смотрел на него странный незнакомец.

– Да, – почему-то заволновался торговец.

– Покажи.

– Что?

– Кусок покажи, от которого отрезал.

– В-вот... – Приказчик приоткрыл пропитанную солью тряпицу.

– Взвесь.

– Сколькo?

– Весь.

– Эт-то дорогое...

– Ну да. Ты же не дурак, самое дешевое жевать. Взвешивай, не волнуйся.

Через минуту Гард выходил из широко распахнутых ворот рынка с корзинкой, в которой лежало восемь фунтов ветчины, два десятка яиц и пяток сочных молодых луковиц. Каравай хлеба он купил в замеченной по пути булочной и оказался возле дверей аптеки как раз в тот момент, когда туда подбежал запыхавшийся дознаватель.

– Можно открывать, ваша светлость, – попытался он польстить гостям, но они не обратили на это никакого внимания.

Оба давно подсчитали, что сразу вылететь в Холмор им никак не удастся, птицы должны отдохнуть хотя бы два, а лучше три часа. И потому никуда пока не спешили.

– Нельзя, – коротко отказал Гард. – Нет сетей, понятых, писаря и бумаги.

Стражники помрачнели, но спорить не решились, отправили посыльного за всем перечисленным, не забыв на этот раз добавить в список лупу, зелья и все прочие мелочи, необходимые для официального осмотра места происшествия.

Восемнадцатое сеноставня

Холмор, уездный город

Дилли

Утро еще не наступило, а Дилли уже была на ногах.

С вечера, расставшись с возницей возле крыльца самой невзрачной гостиницы, она успела переделать кучу дел. Сначала, осведомившись у хозяйки о цене комнатки, минут пять

изображала сомнения и душевные муки, затем, убедившись, что повозки и след остыли, спокойно покинула гостиницу.

В ближайшей лавчонке Дилли купила слегка поношенную, но вполне еще пристойную шелковую летнюю накидку и неброский, но тоже не самый дешевый баул. И в первой же подворотне, пользуясь быстро сгущающимися сумерками, засунула в него свои тюки и саквояж. А затем, проведя по лицу ладонями, минуту постояла, привыкая к ощущениям, и, выйдя на дорогу, смело остановила первого попавшегося извозчика.

– Приличную гостиницу, милоч, и не слишком далеко от центра.

Уже через четверть часа, умывшись и перекусив прихваченными в дорогу бутербродами, она сладко спала в снятой на ночь комнатке с видом на главную улицу города.

План, как поступить и куда отправиться, был спокойно обдуман ею за те четыре с половиной часа, что они добирались до Холмора. И это при том, что за скорость она доплатила и кучер всю дорогу гнал лошадей.

Внизу было непривычно тихо и пустынно, лишь швейцар дремал в кресле у входа. Вполглаза проследив, как немолодая и явно небогатая постоялица сдает ключ, поднялся и распахнул перед ней двери.

– Извозчики налево, за углом, – сообщил учтиво, даже не надеясь на награду, но получил мелкую серебряную монетку.

И сел на место, так и не узнав, что дама, шагнувшая с освещенного фонарем крыльца в предрассветную дымку, свернула не влево, а вправо.

Уверенно забросила на плечи баул и быстро направилась по узкому переулку в сторону стоянки дилижансов. Расписание она прочла еще с вечера, выкупая номер.

Подходя к небольшой площади, ярче других освещенной фонарями и оживленной почти как днем, Дилли сняла багаж с плеча и повесила за спину, как делали многие женщины, не способные нанять носильщика. У ведуньи деньги были, в последние месяцы удалось скопить, но носильщика она не брала по другой причине. Не хотелось, чтобы хоть кто-то ее запомнил. Дилижансы стояли под вывесками, и к каждому уже выстроилась очередь. Куда-то больше, куда-то меньше. На Мшарье было всего несколько человек, и это стало для Дилли самой неприятной неожиданностью за последние месяцы.

Но она даже не вздрогнула и не передумала. По-прежнему размеренно добрела до потрепанного ветрами и временем громоздкого экипажа и остановилась в конце жидкой цепочки, с явным наслаждением опустив на скамейку свой баул.

Возле соседних дилижансов шустрые помощники кучеров уже собирали деньги и пристраивали в багажные ящики и на крышу сундуки, мешки и баулы, а здесь пока было тихо. И лишь когда в очереди собралось более десятка желающих ехать на этом дилижансе, из него вылез сумрачный парень лет двадцати, окинул путников оценивающим взглядом и объявил:

– Предупреждаем, в доме «У родника» теперь никто не живет. Уже с зимы. Можете поехать убедиться своими глазами, но запомните – к нам потом никаких обид. И бесплатно обратно никого не повезем. Кто решит ехать, распишитесь, чтобы потом не было спора.

– А куда же они делись? – возмутилась стоящая впереди дама в дешевой шляпке с темной вуалью.

– Никто не знает. Вроде в гости поехали... и не вернулись. – В голосе парня помимо воли прозвучала тоска, но он сразу спохватился, прикрикнул бодро: – Ну, кто едет?

– Но родник хоть остался? – задумчиво осведомился немолодой господин, судя по выправке – военный.

– Да, – сухо бросил парень, – но в дом не пускают. Сторож там живет, староста указ получил. – Я не поеду, – вздохнув, отступила в сторону молодая женщина с потухшим взором. – Чего бесполезно кататься?

Дилли сейчас тоже следовало бы повернуться и уйти, не рисковать и не совать голову в возможную ловушку. Но тлела в душе безумная надежда на оставленный для нее знак или хоть крохотную подсказку, где его искать. Она недогнувшей рукой написала на листке: «Лиана», – и поставила незамысловатую подпись.

Парень взял двадцать серебрушек, загрузил багаж, выдал ей медный номерок и сообщил, что отправление через полчаса, желающие могут позавтракать и умыться в харчевне напротив.

Остановка будет только через три часа.

Девятнадцатое сеноставня

Небольшой поселок Мшарье

Дилли

В затерявшийся среди холмов маленький городишко дилижанс прибыл только на следующий день, ближе к вечеру. Почти за двое суток пассажиры успели перезнакомиться и определиться с симпатиями, но Дилли в эту игру давно не играла. Точно зная: выпытав чужие тайны и вывалив на голову новой подруги все собственные беды, спутники обменяются адресами и наказаниями писать и приезжать, но, едва расставшись, никогда уже друг о друге не вспомнят.

Поэтому большую часть пути она делала вид, будто спит или мучается мигренью. А выйдя из дилижанса и получив свой баул, не пошла вместе со всеми к новенькой гостинице, а направилась вниз по улице, к неказистому трактиру, где сдавали на ночь комнатухи в мансарде.

Разумеется, намного дешевле, чем в просторном двухэтажном здании гостиницы, воздвигнутой благодаря славе дома «У родника», однако сейчас для Дилли главным были вовсе не деньги.

В трактире вечерами собирались старожилы, и можно было узнать не только последние новости, но и обо всех событиях, произошедших в поселке за последние двести лет. Народная память старательно хранила все мало-мальски интересные происшествия, хотя и добавляла им со временем сочности и несуществующих подробностей.

В этот час народу в зале было еще маловато, и Дилли, сняв комнату и переодевшись, отправилась размять ноги. Разумеется, они сами принесли ее к знакомой калиточке. Такой невысокой и хлипкой, что сразу становилось ясно: либо у хозяев просторного приземистого дома нет ничего ценного, либо они не боятся никаких воров. И все в поселке были убеждены в верности первого предположения, и только Дилли и ее сородичи знали, что второе намного точнее.

Пройти за ограду никто не помешал, и девушка, выглядевшая сейчас вдвое старше собственных ровесниц, неторопливо побрела к роднику, попутно оглядывая все, до чего смогла дотянуться цепким, все запоминающим взором.

Деревья и кусты целы, кем-то ухожены и политы, дорожки старательно расчищены и посыпаны песочком – вроде мелочь, но очень выразительная. С одной стороны, было похоже на ловушку, приготовленную для сбежавших хозяек дома кем-то, кто считал их способными клонуть на безмятежный покой, властвующий в их владениях. А с другой – на извинение, предложение мира и, возможно, помощи.

Однако бывшей аптекарке было доподлинно известно, что прежние обитатели дома ничему не поверят и никогда не вернуться. Так как рискуют не просто своей свободой или жизнью, а будущим детей. Но сообщать об этом Дилли никому не собиралась.

Она медленно шла по центральной аллее, полого спускавшейся в лощинку, и вскоре добралась до замшелого валуна, из-под которого выбивался крохотный родничок. Булькал в выдолбленной давным-давно гранитной чаше, перетекал через позеленевший край и вскоре терялся в сырой траве.

Здесь тоже видны были следы чьих-то заботливых рук: чаша отмыта, вокруг валуна подметено, а скамеечка для немощных посетителей прикрыта от дождя и солнца новеньким навесиком.

Дилли невесело усмехнулась: пока тут жили те, кто стал ей семьей, почему-то никто не считал нужным помочь почистить дорожки или соорудить навес. Хотя поселок неплохо кормился на приезжающих к роднику страждущих.

Точнее, ехали-то они к ведуньям, но вслух этого и тогда не говорили, и сейчас лучше не поминать. Заслышав приглушенные шаги, Дилли достала из кармана плоскую фляжку и склонилась над чашей, набирая стекающую воду.

– Она обычная, – ненавязчиво предупредил подошедший от дома мужчина.

– Спасибо, мне это известно, – не поворачиваясь, спокойно отозвалась Дилли.

– Тогда зачем? В гостинице вода ничуть не хуже.

– В память о тех, кто тут жил, – пояснила она и бросила в чашу серебряную монетку. – Не убирай деньги. И если другие захотят, пусть кладут. Только не медные.

– Откуда вы знаете? – сразу насторожился собеседник.

– Они сказали. – Девушка подняла голову и указала взглядом на дом. – Я здесь уже бывала.

– И помогло? – В голосе сторожа, теперь Дилли в этом не сомневалась, звучала едва заметная усмешка.

– Да, – твердо кивнула она и перевела разговор на другое: – А пройти по дому не разрешается? Раз хозяева его бросили.

– Ну если вы расскажете, как вам помогла эта вода... – делано засомневался он.

– Когда я сказала, что помогла вода? Тем более мне? – Дилли с истинным изумлением широко открыла глаза.

Вот теперь ей стало ясно, что никакой он не сторож, хотя именно так и считают все вокруг. Это сыщик. И не важно чей: княжеский, ковена магов или гильдии целителей. А может, даже и из соседних стран – бродячие сказители и комедьянты зубы съели на байках о всевозможных чудесах. Так ведь иначе бы их никто и не слушал.

– Как... – начал он, запнулся и с досадой сжал губы, сообразив, что с головой выдал себя своими поспешными выводами. – Ну хорошо, в виде исключения открою вам дом.

– А разве вы живете не там? – Теперь нужно было его успокоить и показать, как мало она придала значения его занятию.

– В домике для гостей... мне хватает места. – Мужчина пошел впереди, указывая дорогу. Хотя Дилли и сама могла бы показать ему, где и что тут располагается, и ни грана не сомневалась, что некоторые сюрпризы очень удивили бы опытного сыскаря.

Двадцать первое сеноставня

Приграничный городок Заленс

Гард

Растягивая сети и устанавливая стол для писаря, стражники искоса поглядывали на странных гостей, отказавшихся от роскошного обеда в особняке лорда Трилбенза. И вместо устриц в белом вине и фаршированных рябчиков едят теперь ветчину с хлебом и луком, запивая простым квасом, купленным у случайно проходившего разносчика.

Да к тому же переговариваются на непонятном языке.

– Что будешь делать с командиром стражи? – буркнул маг на древнелерейском, который тайный сыск использовал как раз в подобных случаях.

Достал из корзинки яйцо, подержал пару секунд в кулаке и обжигающе-горячее бросил в корзинку. Везти с собой на крыльце сырые яйца – очень скверная затея.

– Вкачу выговор, – вздохнул Гард. – Некого пока сюда послать. Но проверю через пару декад, как он понял мою доброту.

Протянул руку, взял еще ломоть тающей во рту ветчины и снова вздохнул. Сейчас лучше бы поспать в мягкой кровати, ведь ясно, что после визита этих дуболомов чистоты картины можно не ждать.

– Ваша светлость, – прибежал стражник, – все готово! Можем открывать?

– Ну идем, посмотрим, что там у вас готово. – Ланс нехотя вытер льняной салфеткой руки и встал со скамьи.

Неторопливо подошел к сети, достал из походной сумки амулет с записывающим кристаллом и, повесив на шею, начал невозмутимо диктовать:

– Перед нами аптекарская лавка. Подходы загорожены сетью, стоят предупреждающие знаки. Вывеска обычная, никаких нарушений не заметно. Крыльцо густо заляпано грязью, отчетливо видны следы мужских сапог. По свидетельству мэрии, дождь прошел здесь девятнадцатого сеноставня, а аптекарка Дилли выехала из города семнадцатого сеноставня через три часа после обеда. Письменную версию, кто за это время мог проникнуть за сетку, предоставит командир городской стражи. Дверь не опломбирована, заперта на всякий замок типа Ам-20. Ключ хранился у штатного дознавателя... – Ланс оглянулся на помрачневшего мужчину средних лет и ощутил укол жалости, но тут же убил в себе это вредное чувство.

Если сейчас не припугнуть их как следует, они и в другой раз, когда случится настоящее преступление, поступят как самые последние разгильдяи.

К тому моменту как маг закончил осмотр, стражники напоминали толпу каторжников перед казнью. Высокий гость не упустил ни одного промаха, перечислил все. И рассыпанные пилюли, и вонь зелий из плохо закрученных фиалов. И в конце, сделав вывод, что невозможно без хозяйки лавки определить, сколько и каких лекарств было похищено злоумышленниками в воинских сапогах, заставил дознавателя при нем запереть дверь и опечатав замок собственной печатью.

А потом кивнул спокойно следившему за ним напарнику и направился в дом госпожи Лоты, проверить жильё пропавшей невесты.

Гард шел рядом, бросив на скамье ненужную корзину. Остатки еды он ловко поделил пополам и свою долю упаковал в сумку. Ланс молча проделал то же самое, хранить в пути продукты в одном месте их еще в зеленой юности отучили наставники. Хотя у каждого они были свои. Начальник тайного сыска обладал очень незначительными магическими способностями, и потому его сначала муштровал отставной лейтенант княжеской роты, а после – училище юнкеров.

А Ланса воспитывал магистр ковена, еще пятилетним малышом выкупив у многодетной семьи. Одаренные дети встречались нечасто, поэтому родителям платили за них хорошие отказные. Впрочем, юные маги никогда об этом не жалели. Дома наставников были удобными и просторными, а сами они – добрыми и заботливыми. Да и не было времени о чем-либо жалеть, когда мир вдруг открывался с такой интересной и разнообразной стороны.

Осмотр комнаты дал чуть больше, но Ланс еще по пути туда сделал знак, что ему все понятно. И Гард ему поверил, он и сам давно пришел к твердому мнению, что аптекарка сбежала, очень ловко обведя всех вокруг пальца. И все же довел процедуру осмотра и опроса свидетелей до конца, желая преподать наглядный урок обленившимся подчиненным.

И к тому же нужно же было куда-то потратить три свободных часа?

Поэтому он с огромным облегчением вздохнул, когда погонщик наконец объявил, что птицы готовы к перелету. Вскоре, удобно вытянув ноги в люльке крылета, Тровенг с напарником летели по направлению к Холмору. Мысли о том, что Дилли там долго не пробудет, они старательно отгоняли, предпочитая пока решать более простые вопросы.

– Как думаешь, почему она ему просто не отказала?

– Да как и ты, – лукаво хмыкнул Ланс. – Сейчас аптекарка считается пропавшей, и ей сочувствует весь город. Да и самоуважение того толстячка ни капли не пострадало. А если бы она отказала...

Маг насмешливо фыркнул и смолк, но Гард и сам все знал и считал точно так же. Не важно, что колбасник на двадцать лет старше девицы, если ей на самом деле двадцать восемь, как записано

у ее домохозяйки, госпожи Лоты. И ничего не значит, что он ниже ее на полголовы, толст и коренаст, как бочонок. Не имеет также никакого значения, что он пропах чесноком и специями. Вообще ничто не существенно, кроме одного: по меркам городка, колбасник довольно богат, у него большой дом и три лавки. Потому он и считается завидным женихом. И если станет известно, что ему решилась отказать какая-то обнаглевшая полунищая аптекарка, ее немедленно дружно осудят все остальные незамужние девицы и дамы. За высокомерие, гордыню, спесь и просто невероятную, по их мнению, глупость. Но в первую очередь конечно же за то, что сами они никогда не смогли бы себе этого позволить. Ну а вслед за старыми девами привередницу осудят степенные матроны и мужчины. Да какое право имеют серые нищие мышки перебирать женихов, тем более завидных?! Можно подумать, у нее приданое в сундуках не умещается или очередь воздыхателей у порога стоит! Если обратил внимание порядочный и состоятельный мужчина – беги с ним в храм, будь счастлива и всю жизнь благодарна, а не показывай дурных примеров юным бунтаркам. Чуть позже поползут и сплетни, и шепотки, и едкие насмешки. И стропливой старой деве придется вытерпеть назойливое внимание всех слоев населения, от добрых старых леди до вздорных торговки. Выслушать не один десяток душеспасительных бесед, сотни назойливых советов, лживых сочувствий и неприкрытых издевок. Вскоре это превратится в любимое развлечение скучающих кумушек маленьких городков, а постепенно и в откровенную травлю. Вот тогда аптекарке можно будет забыть обо всяком уважении, и никто больше не будет просить у нее рекомендаций. А как следствие – от лавки не станет никакой выгоды. Дилли ведь далеко не единственная, кто торгует в городке пилюлями и мазями, и неплохо зарабатывала до этого только благодаря хорошей репутации.

Двадцать первое сеноставня

Уездный город Холмор

Гард

Крылет опустился на крышу монументального старинного здания казарм городской стражи часа за три до заката, и Ланс почти бегом ринулся вниз, где его уже должен был ожидать коллега из ковена.

А Гард, прибывший сюда без личины, неторопливо двинулся к встречавшим знатным горожанам и подчиненным, заранее думая, как бы избежать непременно торжественного застолья и просто спокойно поесть горячей рыбной похлебки, какой славился этот городок. Но в этот раз ему неожиданно повезло.

Неподалеку от сияющей улыбками толпы стоял, независимо усмехаясь, худощавый жилистый мужчина средних лет с жесткими глазами прокурора. Или бывалого дознавателя по особым случаям. Незаметно кивнув ему, Гард на минуту повернулся к градоначальнику и его помощникам.

– Благодарю за встречу, господа. Но мы тут неофициально, всего лишь проездом на несколько часов. И я давно обещал встречу старому сослуживцу. Хочется вспомнить молодость, так сказать... Прошу извинить.

Он отлично понимал, что этим заявлением поднял авторитет Джерта на небывалую высоту, но ни секунды не сомневался в правильности своего поступка. Если бы Джерт этого не желал,

никогда не пришел бы сюда лично, а просто прислал посыльного или письмо. Почтовая пирамидка ему полагалась по должности.

Еще раз скупно улыбнувшись раздосадованным лордам, Гард решительно отвернулся и направился к ожидавшему его бывшему дознавателю. Крепко обнялся с другом, похлопав по налитым сталью плечам, и, повинувшись взгляду, пошел следом к выходу.

Во дворе Джерта ждал парнишка, державший поводья оседланных дромадеров, и начальник тайного сыска изумленно фыркнул.

Как-то отвык он от этих вредных животных.

– Тут недалеко, – понял его удивление Джерт и усмехнулся: – Я все время на них езжу, не хочу радовать народ сменой вкуса.

Гард беспрекословно уселся на дромадера, тот нехотя поднялся на ноги и под любопытными взорами всех несостоявшихся сотрапезников вывез столичного гостя на улицу. Ехать и в самом деле было недалеко, всего через десять минут перед ними распахнулись глухие ворота городской тюрьмы, где Джертис Мазголд уже второй год служил начальником.

– Я не стал брать городской дом, – пояснил Джерт, спрыгивая на высокое крыльцо донжона. – Замучают посетители с просьбами и взятками. Потеснил немного писарей и кладовщика и занял верхнюю часть башни.

– Джерт, если нужно, просто кивни, и тебе выделят деньги на пристройку, – поднимаясь по узкой каменной лестнице, осторожно предложил Гард. – Ты ведь не один живешь?

– С Надией, – в глазах тюремщика словно светлый лучик мелькнул. – Она сегодня твой любимый суп варит. А пристройка – неплохое, конечно, дело, но не для меня. Но об этом позже, сначала умойся, выпей с дороги стакан кваса и поешь. А я расскажу, что узнал по твоей просьбе. Хотя времени маловато и ребята еще копают, но пару странностей мы все же нашли.

Гард только кивнул – все правильно, поговорить они еще успеют. И пока умывался в небольшой, по-солдатски непритязательной ванной комнате с простой медной ванной, думал о том, как сделать удобнее жизнь старого друга. И отчасти наставника.

Сам он, попав по воле князя на службу в тайный сыск, вскоре стал лучшим из молодых наблюдателей, но оставался в то время совершенно неопытным дознавателем. А Джерт и Надия уже два года были напарниками и вели между собой борьбу за негласное лидерство.

И неизвестно, чем бы она закончилась, если бы Гарду не вздумалось пофлиртовать с миловидной сотрудницей. Джерт ответил вспышкой такой яростной и неожиданной для всех ревности, что юному стажеру пришлось удирать от его гнева через окно, а Надие – прикрывать парнишку своим телом.

С тех пор они вместе, хотя Надия лишь через три года решила пойти с любимым в храм. Но на то у нее были свои веские причины.

Гард набросил приготовленную для него свежую рубашку, пахнущую солнцем и тагетисом, и поспешил спрятать тоскливый вздох. Ему самому никто не сушит рубахи на жарком солнце, чтобы долго хранили аромат свежести, и не пересыпает их лепестками цветов. Несмотря на положение и состоятельность.

– Как думаешь, он не уснул случайно в нашей ванной? – нарочито громко и язвительно осведомилась под дверью хозяйка, и гость, усмехнувшись, распахнул дверь:

– Здравствуй, Надия.

– И ты... – она внимательно изучала его лицо, – здоровым будь. Да иди уже есть уху, пока не остыла. Подогревать ее нельзя, если ты не знаешь.

– Теперь знаю! – засмеялся он с неожиданной легкостью.

Она была все такой же крепенькой, жизнерадостной и невыразимо уютной. А еще – проницательной и неподкупной, и вот этого никто не заподозрил бы, глядя на ее округлое, миловидное лицо с глазами лани.

Суп оказался именно таким, о каком мечталось, а еще к нему был рыбный пирог и совсем чуточку хмельной квас. И все это: простая еда, возможность не проверять на яд каждый кусок и глоток и не напрягаться, когда кто-то проходит за спиной, – привело Гарда в давно забытое благодушное настроение.

Он с удовольствием остался бы тут на пару дней: ездил на дромадерах на рыбалку, жарил на костре рыбу и купался в светлой воде Ильхона. И забыл бы про всяких ведуний, все равно интуиция подсказывает, что никакой пользы от них не дождешься.

– Поел? – вырвал из нирваны насмешливый вопрос Джерта. – Тогда слушай. Странность первая. В тот день, восемнадцатого числа, в гостиницах и на постоянных дворах города никакая Дилли не останавливалась. Зато в одной из лучших гостиниц ночевала Танна, женщина лет сорока пяти, с баулом и саквояжем. Одетая была как обедневшая леди, в накидку из чесучи и шляпку с вуалью. Рано утром женщина ушла на стоянку извозчиков, но там ее никто не видел. След потерялся, хотя мы на всякий случай проверили все отправлявшиеся в тот день барки и дилижансы. И как раз сегодня обнаружилась вторая странность. Вернулся дилижанс из Мшарья. Так вот, среди пассажиров, которые уехали туда рано утром восемнадцатого, была очень похожая по описанию женщина, они хорошо запомнили, так как пассажиров было всего восемь, а ехать, как ты знаешь, более суток. Но звали ее Лиана, они составляют списки.

– Она сейчас в Мшарье? – резко поднялся из-за стола Гард, досадуя на самого себя. Почти час потерял...

– Сиди, там ее уже нет. Она выехала обратно с тем же дилижансом, как только извозчики поели и сменили лошадей. Но в Холмор не вернулась. Еще вчера утром сошла в Огеле. Там начальником стражи мой хороший знакомый, я уже послал ему письмо и людей. Но ты же знаешь, что оттуда можно выехать в шести направлениях, и она явно не сидит на месте.

– Это не важно, – мотнул головой Гард. – Мы сейчас же легим туда. У вас ведь есть своя упряжка кархов? Я забираю на обмен. Спасибо, Джерт! Ты очень помог.

– И мы даже не узнаем... – пробормотала Надия и смолкла, не желая вслух напоминать о священном правиле сыскарей.

Помогать друг другу чем можешь, но платить за это сведениями, которые могут пригодиться по службе.

– Узнаете, – не стал отказываться Гард. – Обязательно. Но это долгий рассказ. Пока скажите, чем могу помочь прямо сейчас? И не скромничайте.

– Кухня нужна новая, – оглянувшись на мужа, решительно объявила Надия. – Старая расположена очень неудачно и занимает много места. А вода далеко, и дрова тоже. Да и жарко там летом.

– Нанимайте мастеров и выгоняйте на работу всяких воришек, вернись домой – подпишу указ. На первое время вот деньги... – Гард торопливо написал распоряжение городскому главе и почти бегом ринулся вниз.

– Лучше бы хоть намекнул, что такого она сделала, – буркнула вслед Надия, зная, что он услышит.

– Ничего! – донеслось снизу.

Двадцатое сеноставня

Торговый город Огел, расположенный на берегу реки Ресны

Дилли

Покинув дилижанс, ведунья наняла носильщика, и он отвел ее в ближайшую харчевню, где недорого сдавались крохотные комнатухи. Хоть на час, хоть на месяц. Ванная общая, поесть можно в нижнем зале, но это сейчас волновало Дилли менее всего.

Самым главным стал вопрос – куда ехать дальше.

Теперь она понимала, что желание съездить в Мшарье было не самым разумным, но ругать себя за это не собиралась. Это вообще одно из правил, по которым они живут: никогда ни за что себя

не ругать. И не оттого, что всё делают правильно или считают себя непогрешимыми. А по той простой причине, что никто из них не способен на зло, и если что-то делает, то только с самым добрым и чистосердечным намерением. Ну а если вышло не так, как хотелось, то это судьба или случайность, кому как больше нравится называть. Но корить себя за это глупо.

К тому же теперь она совершенно точно знала, что уходили они второпях, унося лишь самое необходимое и ценное. Детей. И еду на первые пару дней.

А вот куда – неизвестно. Ни в одном из тайничков, которые она проверила с ловкостью фокусника, не было ни записки, ни знака. Только словно случайно оброненная новенькая детская шапочка, теперь аккуратно лежавшая на столике в прихожей. Люди, следившие за домом, содержали его в идеальном порядке.

«Ушли под новую крышу», – вот что говорил Дилли этот знак, заставляя огорченно вздыхать. Не так просто найти удобный и просторный дом, где могут разместиться все, кому нужна помощь сородичей.

Но намного труднее поселиться там, не привлекая ничего внимания и не вызывая волны любопытства и слухов.

Конечно, лучше всего подошел бы городской дом, и такой у нее был. И именно она, Дилли, являлась в тот раз причиной их бегства, как, возможно, и теперь. Но не могла ничем помочь... кроме одного.

Исчезнуть куда-нибудь на несколько лет, стать незаметной и никому не нужной, чтобы про нее навсегда забыли те, кто уже три года идет по ее следу.

Решено.

И она даже знала, куда ехать. На юг, в маленький портовый городок, где летом много таких одиноких дамочек, пытающихся отогреть под жарким солнцем промерзшие сердца. Если снять жилье попроще и жить очень экономно, до весны денег ей хватит, все равно посылать некуда. Хотя она никогда и не посылала – отвозила сама, так надежнее. И заодно отдыхала душой, глядя в дорогие глаза и улыбаясь от чистого сердца.

Оставив баул, Дилли торопливо покинула харчевню и отправилась на пристань. На ее счастье, барка на Краст отправлялась в этот же день, к вечеру, как только закончится погрузка. И можно было уже не только купить билет, но и занять свое место.

Так она и поступила. Купила билет и помчалась в харчевню, по пути заглядывая в дешевые лавки, торгующие всяческими мелочами. И вернулась в свой номер с невзрачным потертым плетеным сундучком. Торопливо пообедав, Дилли ненадолго поднялась в свою комнату.

Переделалась в недавно купленное полотняное платье, по-новому уложила волосы и, прикрыв прическу примелькавшейся всем шляпкой, навсегда покинула харчевню.

А чуть позже, немного не дойдя до причала, присела отдохнуть в пустынном уголке скверика.

Через минуту небрежно сняла накидку и шляпку и спрятала в баул, отправив туда же и саквояж. Затем вытащила из сундучка пару полосатых чехлов и ловко надела на сундучок и баул.

Бдительно огляделась, прикрыла лицо ладонями и, посидев немного, со вздохом поднялась со скамьи. Теперь никто из слуг и подавальщиц харчевни не узнал бы грустную немолодую даму, недавно снимавшую у них комнатку, в бледной неприметной девушке, шагавшей к пристани с двумя полосатыми тюками в руках.

Двадцать пятое сеноставня

Приморский порт Краст

Дилли

На барке Дилли вела себя еще тише, чем в дилижансе. Не гуляла по палубам, не сидела в шезлонге, любуясь красотами устья Гельи, а позже и заливом. Все пять дней лежала в игрушечной каютке, сосала мятные леденцы и читала толстенный роман.

А сойдя по трапу на причал, почти сразу ощутила, как испуганно дернулось и забилося пойманной птичкой сердце. В трех шагах от нее, облокотившись на распахнутую дверцу крытой коляски, устало рассматривая суетившуюся публику, стоял подтянутый мужчина в белом морском френче с пронзительными черными глазами.

Его светлость граф Гардант Тровенг, начальник тайного сыска и одновременно тайный советник князя Сайморса Онзирского.

На несколько мгновений девушка замерла на месте, пытаясь понять, каким образом он тут оказался и сумеет ли ее узнать? Одновременно стремительно просчитывая, в какой момент можно попытаться от него скрыться. В толпе это не так уж сложно, ей нужно лишь пару минут... Под дорожный костюм надето старое выцветшее платье, деревенский платочек спрятан в кармане. Тридцать секунд, чтобы сбросить и сунуть в кусты юбку с блузкой и шляпкой и повязать голову вылинявшим платком. Потом сесть, уткнувшись лицом в ладони, и подняться уже конопатой девчонкой-побирушкой.

И начать с пустого места непростой путь к возможности спать на чистой постели.

Но с другой стороны, Дилли ведь не преступила ни одного закона, зачем ей снова бежать? И проговориться она теперь ни о чем не сможет даже перед амулетом правды. Ей ничего не известно о том, куда исчезла семья. Так зачем снова бросать себя на самое дно, к тем, кому чужой кошелек и бутылка дешевого пойла дороже всех человеческих чувств? К тому же если он ее вычислил, то вряд ли пришел сюда в одиночку.

И вообще, ведь очень легко проверить, кого он тут ловит.

Дилли слабо усмехнулась и поставила тюки прямо на пыльные доски причала.

– Извозчик!

– Позвольте вас подвезти, госпожа Танди? – Черные глаза его светлости испытующе смотрели, казалось, прямо в душу ведуньи.

– Тандилиана, – с достоинством поправила она и тут же смиловилась: – Позволю.

Он стрельнул повелительным взглядом куда-то вбок, и ловкие руки выросшего как из-под земли кучера мигом подхватили багаж, загрузив в ящик.

– Прошу, – подал руку сыщик, и ведунья, бестрепетно на нее опершись, птичкой взлетела в коляску.

Граф так же ловко и быстро сел напротив, захлопнул дверцу, и коляска тронулась, хотя кучер так и не получил указаний.

– Куда вас отвезти? – не дождавшись от спутницы ни одного вопроса, учтиво осведомился Гард через несколько минут, когда копыта коней зацокали по булыжной мостовой.

– А вы еще не придумали? – изумленно приподняла она бровь.

Гард мысленно ругнулся – вовсе не так он представлял эту встречу. И на какой-то краткий миг даже посчитал, будто все идет по плану и сейчас она ринется в бега, чтобы попасть в ловко расставленные Лансом сети. Но ведунья вдруг повернула все по-своему, и теперь придется играть по ее правилам.

– Я живу в небольшом особняке с видом на море, не желаете погостить несколько дней, пока решите, как поступить? – Все это было чистой правдой, но в каждом слове Гарда, в едва заметных усмешках и паузах сквозила еще не угроза, но уже намек.

– Желаю, – совершенно спокойно согласилась Дилли и снова смолкла, заинтересованно рассматривая мелькавшие мимо дома, сады и гостиницы.

– Вы бывали прежде в Красте? – только ради того, чтобы Ланс потом не дразнил его букой, осведомился сыщик через несколько минут.

– Нет, – качнула она головой и печально улыбнулась: – Не приходилось.

– А теперь что-то изменилось?

– Да... Всё. Но, может, ваша светлость достанет уже бумагу и начнет писать протокол? Чтобы потом не повторяться.

– А разве вы совершили что-то такое, что требует допроса с протоколом? – вмиг сделал стойку Гард.

– Разумеется, нет, – ответила девушка с такой непоколебимой уверенностью, что зародившееся у сыскаря подозрение в бесполезности всех затрат и усилий последних пяти дней начало стремительно расти. – Но вы ведь должны в этом убедиться? Проверить меня амулетом правды, устроить мне ночной пятнадцатичасовой допрос, накормить соленой кашей и выдавать воду лишь за признания в преступлении.

– Стой! – рявкнул, разозлившись, Гард и приказал заглянувшему в переднее оконце изумленному Лансу: – Разворачивай, госпожа Тандилиана едет в гостиницу.

– Не нужно, – твердо глянула на мага ведунья. – Меня пригласили пожить в доме с видом на море, и мне это подошло.

– Мы поймали не ту девушку, – отворачиваясь, громко проворчал маг. – Та – была скромной и приветливой.

Гард снова мысленно ругнулся. Ланс явно что-то почувствовал или понял, раз так откровенно давал понять, что они зря тратят время и силы.

– А зачем вы ее ловили? – не пожелала смолчать Дилли.

– Не ловили, – сухо возразил Гард, – а искали по требованию жениха.

– В таком случае вы ошиблись, – спокойно заявила девушка. – У меня нет жениха. Но назад поворачивать не нужно, от приглашения я не отказываюсь.

– Как это «нет»? – попытался запутать спутницу сыскарь. – А колбасник из Заленса, господин Шульц? Весь город знает, что он сделал вам предложение.

– Насколько мне известно, – усмехнулась Дилли, – сделать предложение и стать женихом – совершенно разные вещи. И весь город в курсе, что аптекарка Дилли, которую он выбрал в жены, взяла два дня на размышление. Но ей хватило и двух часов, чтобы найти двадцать доводов против этого союза. Хотя можно было ограничиться одним – она его не любила и не видела ни одной причины полюбить со временем.

– И нельзя было сказать ему честно? – укоризненно уставился на девушку Гард, хотя отлично понимал, насколько она права.

Он сам на ее месте сбежал бы еще быстрее.

– В тот момент – нет. Но она написала ему длинное письмо и надеется, что господин Шульц не обидится.

А вот в последнем сыскарь даже не засомневался. О ведуньях было известно очень мало, но одно проверке не подлежало. Они умели договариваться и брали не лестью, не шантажом или золотом, а добротой и чистосердечием. Но ему это не грозило, да и не требовалось. Ведунья желала заполучить сам Сайморс, и совершенно для другого дела.

– А зачем ей понадобилось убежать с такими хитростями? – усмехнулся Гард.

Раз есть возможность, почему бы не получить ответы на все вопросы? Вдруг мелькнет что-то нужное.

– Чтобы не нашли. Дилли знала, что господин Шульц – очень упорный человек и своей выгоды не упустит. И понимала, что городские стражники будут ее искать.

Она явно недоговаривала, и вновь почувывший сыскной азарт Тровенг уже строил в уме план беседы, но вновь вмешался бесцеремонно подслушивавший их Ланс:

– А почему вы говорите о себе как о другом человеке?

– Но это так и есть, – невозмутимо ответила девушка. – Я несколько месяцев была аптекаркой Дилли, но этот период в моей жизни завершен. Теперь я – Тандилиана, а на Дилли могу отозваться только в крайнем случае и лишь друзьям.

– А как вы меня узнали? – осторожно осведомился Гард, решив попытаться открыть хоть одну тайну ведуний.

– По взгляду, – невинно улыбнулась Дилли. – Кроме вас, никто в нашем княжестве не смотрит так пронзительно.

Сыщик снова с досадой стиснул губы, понимая, что в этом ответе недостает главного и все же он правдив. Спрашивать о том, где и когда она его видела, было так же бессмысленно. Кто из столичных жителей не знает начальника тайного сыска? Хотя он и не стремится стать известным, но поневоле приходится находиться рядом с Сайморсом на различных празднествах и выездах. После одного наглого нападения он сам никому больше не доверяет охрану князя.

– Прибыли, – возвестил Ланс, останавливая коляску возле крыльца, и лихо спрыгнул с облучка. – Позвольте вам помочь, Тандилиана! А может быть, ради знакомства можно все же называть вас Дилли?

Ведунья легко спрыгнула на дорожку, едва коснувшись его руки, и молча шагнула мимо, словно не заметив предложения.

– Багаж захвати, Ланс, – с саркастичной усмешкой намекнул напарнику начальник тайного сыска, решив, что пора забыть об условленных именах, и соскочил с подножки следом за гостьей.

– Тогда уж лучше Анди, – наконец ответила магу Дилли и спокойно направилась к двери, совершенно не заботясь о своих вещах.

Тровенг смотрел ей в спину и с тоской думал, как неудачно все складывается. И истово жалел о том, что нельзя знать заранее, чем закончится даже самый хороший замысел. Если бы ему кто-то надежный намекнул, что не нужно читать то письмо, пять дней назад, он не мотался бы по различным провинциальным городам и сейчас, вполне возможно, праздновал бы помолвку. Сваха почти уговорила его сделать предложение дочери графа Меррода, тихой и печальной шатенке с бледно-голубыми глазами.

А теперь Гард ни за что так не поступит. Ведь у графской дочери нет ни малейшей возможности отказать нелюбимому мужчине, если он начальник тайного сыска.

Двадцать пятое сеноставня

Приморский порт Краст, усадьба «Магнолия»

Гард

Определив то ли пленницу, то ли гостью в одну из лучших комнат и дав ей полчаса на переодевание, Гард вернулся в столовую и небрежно скинул френч.

– Рассказывай, – велел он магу, наливая себе холодного морса.

– Она не лжет ни единым словом, – мгновенно понял приказ его напарник, – и прекрасно умеет держать себя в руках. Если бы женщины брали в дознаватели – лучшей кандидатуры не найти. Если она обратит на меня внимание, немедленно забуду всех остальных кандидаток и женюсь.

– Ты меня пугаешь, – пошутил сыщик, и сам установивший это с помощью перстня истины, который постоянно носил на пальце. – Разве она похожа на тихую и покладистую? И кроме того, ты же ненавидишь непредсказуемых.

– Эта девушка – исключение из всех правил, – очень серьезно сообщил маг. – Умная и выдержанная. Такие женщины – большая редкость, и я постараюсь ей понравиться. Не знаю, повезет или нет, но хочу попросить – не мешай. У меня есть три выходных дня, я их беру.

– Хорошо, – скрепя сердце согласился Гард. – Но я все равно намерен задать ей все вопросы, какие сочту нужным. И не знаю пока, на сколько дней смогу остаться, – возможно, улечу уже завтра с утра.

– И доверишь мне доставить ее в столицу, – твердо произнес Ланс.

– Да, хотя впервые сомневаюсь в верности собственного решения, – честно признался сыщик и настороженно оглянулся на дверь.

Тренированный слух доложил ему о чем-то приближении. И поскольку прислугу они отпустили заранее, это могла быть только ведунья.

– Проходи, Анди, – ринулся ей навстречу маг и едва не подавился собственной улыбкой.

Блеклой, незаметной девицы неопределенных лет больше не было. Вернее, это была она, Ланс точно мог установить своим чутьем мага. Это именно ее бледная аура, лишенная магических способностей, ее тепловой контур и стройная фигурка среднего роста. Но у этой девушки было

миленькое, задорное личико проказливой кокетки, с него лукаво глядели серо-зеленые глаза, а по плечам струились чуть рыжеватые пышные локоны, небрежно стянутые синей лентой.

– Спасибо, – улынулась она открыто и весело, – из моего окна видно море, оно такое огромное!

– Прегняя ваша... личина... – недовольно проскрипел озадаченный Гард, – более подходила... к случаю.

– А какой у вас случай? – любознательно поинтересовалась гостья и направилась к накрытому столу: – Давайте поедим, пока не остыло? Я ужасно проголодалась.

– Так почему ничего не ела на барке? – Обращаться к этой девчонке почтительно, как к леди, сыщику казалось неуместным и неверным.

– Говорят, в море на людей нападает морская болезнь, – спокойно наполняя свою тарелку едой, сообщила она. – Не хотелось проверять, подвержена я ей или нет. Но понемногу ела свои запасы. Не стала пробовать только еду, которую готовил повар.

– Кок. Матросы зовут повара – «кок», – поправил Гард, чувствуя себя ментором.

– Но я же не матрос? – изумленно распахнув глаза, беспечно отмахнулась девушка.

– Позволь положить тебе эту рыбу? Это местный деликатес, ее нужно есть горячей, – подвинулся ближе к ведунье пришедший в себя Ланс.

– Благодарю, – улынулась она в ответ. – А что в графинах?

– Различный морс и квас. Мы не пьем вино на работе, – сухо ответил сыщик.

– Я взял три дня отпуска, – словно невзначай сообщил Ланс и невинно добавил: – Но вино маги не пьют вообще. Какой морс тебе налить?

– Земляничный, если есть, – улынулась Дилли, стараясь понять, это уже допрос и мужчины специально играют в доброго и злого дознавателя или все значительно серьезнее?

– А ведуньи пьют вино? – вскользь поинтересовался сыщик у рыженькой нахалки, обращающейся с ними как с обычными покупателями пилюль.

Хотя девчонка отлично знала, что от их решения зависит ее судьба. Но вела себя как прирожденная княгиня, свободно орудуя столовыми приборами, которые он сам загодя выложил полными комплектами, будто для торжественного приема послов.

– Зависит от обстоятельств, – уклончиво вздохнула девушка и, внезапно смилостивившись, пояснила: – Некоторые настои и бальзамы делаются на вине и вытяжке, да и при простуде неплохо выпить пару глоточков горячего грога.

– Анди, – задумчиво рассматривая на свет бокал с вишневым морсом, решил Тровенг на предложение, каких еще не делал никогда и никому, – мы ищем ведуний уже три года, потому и поймали тебя так быстро...

Говорить, что это заслуга Джерта, пославшего ей вслед своих лучших людей, сумевших не потерять девушку, менявшую внешность вместе со шляпкой, он не стал. Ей незачем, а у них с Джертом свои счеты.

– Зачем? – коротко спросила она.

– А тебе не известно? – Теперь, когда Лансу вдруг приспичило жениться, у Гарда почти не осталось способов ее разговорить.

Попытаться подкупить – бесполезно. Припугнуть, хотя бы осторожно и туманно, нельзя – Ланс обидится. Этика магов, лешие бы ее завели. С избранными женщинами все одаренные носятся как со свадебным тортом. А все остальное Гард и прежде не собирался на ней испытывать.

Никто не знает, чем сильны ведуньи, но все жители уверены, что иной раз они бывают мощнее магов. Потому и едут страждущие со всех сторон к тем, в ком заподозрят этот странный дар.

– Точно – нет. А догадки строить не возьмусь, – ответила Дилли и прямо глянула ему в глаза: – Но если ваша светлость намекнет...

– Три года назад... – начал он и сделал паузу, но девушка спокойно молчала, и ему пришлось продолжить: – У престарелого графа Ланмера вдруг появилась жена, молодая и красивая женщина. Вскоре он умер, а она пропала, не взяв из дома даже медной монетки. А поместье оставила его незаконнорожденному сыну и его матери-простолюдинке.

Она задумчиво смотрела в окно и улыбалась бледно и загадочно, явно видя в раскинувшейся за ним пронзительной синеве что-то свое.

– Ее звали Илиана, – положил Гард последний ненадежный козырь в жидкую стопку известных сыску фактов.

– Вы оскорбились, – укоризненно взглянула на него девушка, – когда я сказала про пересоленную кашу, а ведь эти байки в разных вариантах повторяют в каждом трактире. Как говорят, дыма без огня нет.

– Иногда мы можем немного... – сыщик помолчал, подбирая слова и истово жалея, что не сдержался там, на дороге, – припугнуть особо опасного преступника. Но мы не палачи и не садисты. И мы бы ее не искали, но родственники покойного не перестают писать жалобы князю. А среди них есть люди, которым он не может отказать без веской причины. Еще они представили свидетелей, утверждающих, что граф давно и очень серьезно рассорился со своей селянкой и не пожелал признавать ее сына своим. Поэтому нынешнее положение они считают надругательством над волей покойника, а его последнюю жену – мошенницей, приворожившей старика по заданию бывшей любовницы. Наши дознаватели опросили всех слуг и не пришли ни к какому выводу. Но случайно выяснили, что граф называл жену ведуньей и очень ценил, – можно сказать, молился на нее. И тогда тем более неясно, почему она так легко отказалась от наследства, раз имела на него полное право. В общем, дело темное, и поэтому мы ищем любые упоминания о ведуньях с похожими именами.

Рассказывая о простом, на первый взгляд, деле, тем не менее стоимшем ему многих часов зря потерянного времени и сил, а в награду принесшем лишь несколько колких упреков князя, Гард все больше злился и мрачнел.

Напрасно он не согласился на предложенный племянниками графа мировой вариант. Если вернуть им имущество дяди, взамен они отдадут селянке дом в предместьях и оплатят обучение мальчишки в хорошей школе. Хоть и понимал, что это не совсем честная сделка, но ведь если они нажалуются князю в очередной раз, бастард и вовсе ничего не получит.

– Он был очень одиноким и несчастным человеком, – тихо и печально произнесла ведунья, и на ее лицо словно тень легла, моментально добавляя беззаботной девушке с десяток прожитых лет и не одну телегу житейского опыта, – и невероятно гордым. Болезненно гордым, и это испортило ему жизнь. Всем им. Но поссорились они не сами. Оксон Ланмер на склоне лет встретил свою самую большую любовь, и его не смущало, что она селянка. И тем более не волновало мнение родичей, не стеснявшихся еще при жизни делить его имущество. Сильнее всего графа беспокоил ребенок, поэтому Оксон и провел с любимой тайный ритуал в часовне собственного дома. В присутствии своего секретаря, управляющего и адвоката.

– Но они ни слова не проронили, когда их спрашивали!

– Мне это известно, – слабо улыбнулась Дилли. – Но хочу рассказать по порядку. Лично меня в этом деле изначально насторожило другое: почему их свадебный ритуал был тайным.

Оказалось, такое условие поставила Натилия. Селянка хорошо знала подлинный нрав графских родичей и чрезвычайно волновалась за будущего ребенка. Племяннички могли сделать все что угодно, лишь бы он не родился... По деревне полз слухок, что они уже погубили первую жену графа.

– Это можно будет проверить на амулете, – многообещающе прищурился Ланс, не сводивший с ведуньи внимательного взора.

– Граф с его тайной женой скрывали свои отношения и ее положение как могли, – продолжила повествование ведунья. – Но от всех недобрых глаз не закроешься. Особенно когда некоторые слуги не против положить в карман несколько монет за чужую тайну. Родственнички сначала ездили и устраивали скандалы, обвиняя бедную женщину в наговоре и привороте. Но Оксон никого не желал слушать, лишь все упорнее прятал и охранял любимую. И когда родился ребенок, был вне себя от счастья. Вот тогда родичи поняли, что наследство почти уплыло из их рук, и наняли комедьянта. Очень способного, и подготовился он хорошо. Все разузнал про характер Натилии, про особые метки – золото легко развязало языки преданным прежде служанкам. Лицедей явился к графу с повинной, дескать, не может и дальше обманывать несчастного старика. Ребенок якобы не от Оксона, а от него, и отказываться от сына «отец» не намерен. Граф бы не поверил, но слишком много было различных тонкостей, улик, как вы говорите. Он, конечно, выгнал наглеца и дня три молчал, носил все в себе. Но когда Натилия заволновалась и начала расспрашивать... сорвался. А она тоже гордая и, считая себя невиновной, оправдываться не стала. Взяла ребенка и ушла куда глаза глядят.

– Ясен свет, – огорченно фыркнул Ланс. – Все они такие дурочки... извини, Анди. Никогда не понимал, как можно бросить любимого человека, не попытавшись бороться с ложью? Хотя бы

ради своих детей. Но теперь мне уже почти все ясно. Кроме одного... зачем ты выходила за него замуж?

– Когда я такое сказала? – изумленно распахнула глаза гостя, и маг досадливо прикусил губу. Девушка ничуть не солгала, он это чувствовал. Да и действительно ничего подобного не говорила.

– Дальше в их истории все очень печально, – снова посмурнев, продолжила рассказ Дилли. – Граф постепенно остыл и понял собственную неправоту. Да и родичей своих заподозрил. Через некоторое время отыскал жену с сыном и начал тайно помогать им через ее мать. Но гордость пересилить, попросить прощения так и не смог. И чрезвычайно от этого страдал – чем дальше, тем больше. Ему было обидно, что долгожданный сын растет без него: не ему дарит первую улыбку и первое слово, не к нему бежит за защитой. Домочадцы осторожно намекали, что можно бы отправить к ней послов, но он не пожелал. Просто втайне переписал завещание на сына и признался в проведенном ритуале, но под клятвой запретил своим свидетелям кому-либо открывать эту тайну до его смерти и без крайней нужды. Так бы все и шло, но Натилия серьезно заболела. И ее мать, испугавшись за дочь и будущее внука, устав от собственной двуличности и неуверенности, пришла ко мне. Не знаю, кто ее направил, но горе женщины было таким глубоким и искренним, что я не могла отказать.

– Но ведь все ведуньи утверждают, что не умеют исцелять, – насторожился Гард.

– Вот сейчас я должна оскорбленно вскочить и побежать прочь из этого уютного дома, – с легкой насмешкой вздохнула Дилли, – так как это такие же байки, как рассказы о дознавателях. Хотя один вор показывал мне страшный шрам от ожога, но я же не говорю, будто так поступают все сыскари поголовно.

– Анди... – маг смотрел на девушку ласково и открыто, как на давнюю подругу, – мы, конечно, расспрашивали не самих ведуний, вас найти невозможно. Но есть одна тонкость, которую я хочу тебе пояснить. Магов в нашем мире очень немного, поэтому все люди, имеющие сколько-нибудь заметные магические способности, известны ковену. И среди них нет ни одной ведуньи. И значит, вы действительно не способны никого исцелить.

– Спасибо, – мило улыбнулась ему гостя, и Ланс порозовел от удовольствия. – Все это мне известно, и ничего иного я и не утверждала. А теперь достань кинжал и уколи мне руку.

– Не буду, – наотрез отказался маг и метнул в напарника предупреждающий взгляд: – И ему не позволю.

– Да я и сам не собираюсь, – недовольно фыркнул Гард. – И вообще, давайте до конца разберемся с графом. Как случилось, что он любил одну, а женился на другой?

– Это ваша светлость сказала, а не я, – на миг став легкомысленной девчонкой, лукаво глянула на него Дилли и тут же стала серьезной: – Но вы правы, пора закончить историю. Я пришла в дом графа в грозу... якобы случайно заблудилась. Представилась гувернанткой, сбегавшей от слишком фривольного хозяина. Разумеется, меня не выгнали в дождь и даже пригласили к ужину. Оксон отчаянно скучал, но не пускал в дом ни родичей, ни друзей, пытавшихся помирить его с племянниками. За месяц мне удалось излечить его от упрямства и гордыни, и он согласился тайком посмотреть на сына.

Девушка невесело усмехнулась, вспомнив те нелегкие дни, отпила морса и, подавив вздох, продолжила рассказ:

– Очень обидно, когда хорошие люди сами портят свою жизнь, словно надеются, что у них есть еще парочка, про запас. Через три дня после этой прогулки граф отправил меня к Натилие, и разговор с ней был очень нелегко. Мы беседовали и спорили весь день, почти не спали ночь, потом договаривались еще полдня. В конце концов она согласилась на уступку. На следующий же день Натилия уже открыто вышла замуж за своего мужа, но перед жрецом на ритуале стояла я, подменяя ее по доверенности. Натилия слишком осторожная и недоверчивая мать и ни за какие блага не желала подвергать сына опасности. Ей однажды уже пригрозили вполне однозначно, что долго бастард в поместье не проживет.

– Но он же живет там сейчас? – насторожился Ланс.

– Теперь там хорошая охрана и больше нет продажных слуг, – пояснила Дилли. – Но алчные родственнички никак не унимаются, и я начинаю все сильнее волноваться за подопечных. Иначе никогда бы не открыла вам этой тайны.

– Мне придется лететь в столицу прямо сейчас, – поднялся со стула Гард. – А вы отдыхайте тут спокойно. Ланс, ты получаешь премию – пять дней отпуска.

– Спасибо, – признательно глянул маг и поперхнулся, услышав голос Дилли:
– Возьмите меня с собой, ваша светлость. Мне известно, что князь велел вам привезти ведунью, – встала перед Гардом девушка.
– Но вы мечтали поглядеть на море! – пораженно рассматривал ее начальник тайного сыска.
– Я уже посмотрела, – беспечно улыбнулась она, – мне понравилось. Как-нибудь поселюсь здесь... года на два.
– Анди, вы не понимаете... – попытался отговорить ведунью расстроенный Ланс. – У князя невыполнимое желание, ни один из магистров ковена не справился! Он вас замучает и не поверит, как мы, в вашу неспособность лечить.
– Но хотя бы перестанет гоняться за моими соплеменниками, даст им пожить спокойно, – горько выдохнула девушка.
– Вы имеете в виду Мшарье? – насторожился Гард. – Но люди князя тут ни при чем. Мы слишком поздно узнали о том, что семью спугнули, ведь простые люди умеют прятать от властей тех, кого считают своей единственной надеждой.
– А сторож там – из ваших, – уверенно объявила Дилли, – и он боевой маг. Но если прежде были не вы, то мне тем более необходимо попасть в столицу. Нужно узнать, кому понадобились ведуньи, ведь их едва не выловили, они успели уйти в последний момент. Сколько вещей я могу взять с собой?
– Саквояж, – задумчиво буркнул Гард. – Все остальное купим вам там.
– Тогда я тоже лечу. Пойду найду второй крылет, – решил Ланс и направился к двери.
– А разве один не сможет унести нас всех? – озадаченно оглядела мужчин ведунья. – Я легкая, да и вы худые.
– Он-то унесет, – недоверчиво произнес сыщик, – но... это не совсем... пристойно.
– Дайте мне мужскую одежду, – предложила Дилли, не раздумывая ни мгновения, – и никто ничего не заподозрит.
И сделала вид, будто не заметила, как огорошенно переглянулись ее спутники.

Двадцать шестое сеноставня

Крепость Кадор на берегу реки Увели

Дилли

Ведунья проснулась за полчаса до назначенного срока, торопливо натянула мужские штаны и рубаху и помчалась умываться. Ваннх комнат в старинном здании с комнатушками-кельями было лишь несколько. Хотя и настоящими ваннами они не были, скорее примитивными старинными умывальнями. Хорошо хоть двери запирались изнутри на простые засовы, иначе пришлось бы будить кого-то из спутников, чтобы покарать.
Дилли тайком хихикнула, вспомнив ошалелые лица сыскарей, когда вчера она вышла из своей комнаты в образе юного кеминца. Сыны переселенцев из восточного ханства Кемин отличались смуглыми, гладкими, округлыми лицами с густыми черными бровями и ресницами.
– Анди... – запнулся маг, увидев перед собой кротко опутившего взор черноволосого парнишку, но так и не смог задать самый волнующий вопрос, и ведунье пришлось ему помочь.
– Я не маг и не метаморф, – произнесла она мягко, с легким акцентом, усиливающим созданный образ. – Хотя, по мнению моих сородичей, метаморфов вообще не существует. Ведуньям

встречать их не доводилось. А жуткие байки наверняка придумали менестрели после встреч с нами. Но тебя, видимо, беспокоит иное? Нет, кроме лица, я в себе ничего не меняла.

– А волосы? – глядя на ровно обрезающую густую челку, блестящей смоляной волной закрывающую лоб до самых глаз, осторожно осведомился Гард.

И словно ненароком еще раз оглядел худошавого парнишку, одетого в самый маленький костюм, какой они нашли в шкафу.

– Волосы не мои, это парик, – пояснила Дилли и пошутила: – А чему вы так удивились?

Бродячие комедьянты умеют преобразаться ничуть не хуже.

– В таком случае ты могла бы стать знаменитой актрисой, – неверяще прищурился Гард, – а лучше – моим сыщиком. У тебя к этому настоящий дар.

– Это не дар, – посерьезнев, отказалась она, – а необходимое умение ради выживания. И никто из нас не станет без крайней нужды работать комедьянтом или шпионом. Это сильно портит восприятие мира.

Мужчины озадаченно переглянулись, а устраиваясь в люльке крылета, завернули Дилли в меховое одеяло и усадили посредине. Чтобы не застудить, как поняла она позже, но не стала их огорчать пояснением, что ведуньи не простывают и не мерзнут.

Вернувшись в келью, девушка мельком глянула в еще темное окно и повернулась к зеркалу, придирчиво проверяя, не «потек» ли вчерашний образ. Хотя он и был заучен как детский стишок, вместе с парой десятков прочих ее любимых образов, но начинал расплываться, если она не имела возможности тренироваться достаточно часто. Поправив все замеченные неточности, Дилли тщательно оделась и обулась, собрала саквояж и привычно проверила, ничего ли не забыла.

И лишь после этого отперла дверь, за которой уже с минуту дежурил маг.

– Анди, – оглядев паренька, сообщил Ланс с подчеркнутым спокойствием, сразу же насторожив этим девушку, – я пришел предупредить. Мы решили лететь не в Брагод, а сначала заглянуть к одному надежному человеку. Никто ничего странного в этом не заподозрит, он мой наставник и иногда нам помогает.

– Вы хотите, чтобы он меня изучил?

– Нет, – твердо возразил маг. – Разумеется, нет. Об этом никто даже не помышлял. Но нам нужен его совет. А тебя предупреждаем, чтобы не пугалась. Ты согласна?

– Куда дэваться бэдному бэглецу? – с южным акцентом печально пробормотала Дилли и поинтересовалась: – А завтрак нам дадут?

– Идем уже, бэдный бэглец, – насмешливо передразнил маг, но смотрел на ведунью вовсе не как на парнишку, и это ее огорчало.

Конечно, в жизни бывает всякое, и ведуньи иногда, в самых крайних случаях, выходят замуж за нелюбимых. Но обычно ненадолго. Им ведь детей растить, учить особому умению, а для этого необходимо, чтобы в душе неугасимо горел светлый огонек любви и понимания. А какое уж там понимание, если в живущем рядом человеке не ощущается родственной души и не совпадают представления о самых важных жизненных правилах.

Следовательно, ей необходимо как можно скорее развеять надежды мага, заставить его забыть о себе как о желанной женщине. Иначе будет поздно – маги никому и никогда не уступают тех, в ком почуяли избранных.

Дилли покорно шла следом за Лансом, уверенно забравшим ее саквояж, и лихорадочно искала в своем немаленьком запасе уловок довод, которым можно его убедить и не обидеть. Подходящая идея пришла, когда они столкнулись в коридоре с немолодой кухаркой и Ланс вежливо уступил ей дорогу. «Значит, в нем воспитано уважение к пожилым женщинам!» – обрадовалась ведунья, и у нее тут же сложился непростой, но пока единственный план.

– Ланс... – трагическим шепотом позвала она, и маг моментально обернулся:

– Что?

– Найди пустую комнату...

Он не стал ничего спрашивать, мгновенно напрягся, прислушиваясь к чему-то, слышному лишь ему, и уверенно толкнул одну из дверей. Дилли влетела туда впереди него, позвав за собой знаком, и маг покорно вошел следом. Чуть помедлив, щелкнул засовом и устался на парнишку, замершего у окна с прижатыми к лицу ладонями.

– Тебе плохо?

– Да, – глухо ответила она. – Подожди минутку. Садись... Я хочу открыть тебе важный секрет. Ланс не глядя опустил на заправленную простым серым валяным одеялом постель, ожидающе замер, встревоженно наблюдая за девушкой, разбудившей в нем нешуточный интерес.

– Выслушай меня внимательно, – отвернувшись от окна, сказала ведунья, и маг потрясенно приоткрыл рот.

Перед ним, устало уронив руки, стояла покрытая морщинами смуглая старуха. И откинута со лба черная челка ничуть ее не молодила, наоборот, подчеркивала достоверность каждой черточки. Опущенные уголки узких губ, впалые глаза и обвисшие щеки.

– Мне очень нелегко сказать тебе одну истину, Ланс, но я не имею права смолчать. Ты хороший, честный человек, – продолжала она печально, – и заслуживаешь лучшую девушку княжества, а может, и мира. Но не ведунью. Нам трудно жить рядом с вами и нельзя пытаться постичь ваши умения. Но если случится в первую же встречу ощутить вспышку истинного чувства, все-таки можно попытаться бороться с любыми трудностями. А я ничего не испытала и потому хочу попросить... чтобы тебе потом не было обидно...

– Я понял... – безжизненно буркнул он, встал и вышел из комнаты.

Дилли постояла минуту, возвращая образ парнишки и пытаясь унять сердце, захлебнувшееся неожиданной болью потери. Всегда непросто отбирать у людей надежду на счастье, но в сотни раз тяжелее, если отказывать приходится человеку, которого душой уже принял как своего. Нет, не любимого, но единомышленника в самых важных жизненных вопросах.

Девушка тяжело вздохнула, смахнула невольную слезинку, подхватила саквояж и побрела в ту сторону, куда умчался Ланс. И вскоре столкнулась на повороте со спешащим ей навстречу сыщиком.

– Доброе утро... – произнес он, и простое приветствие прозвучало невысказанным вопросом.

– Лучше бы я сбежала, – пряча взгляд, выдохнула Дилли.

Гард отобрал у нее саквояж и, указав дорогу, пошел следом, а подходя к распахнутым дверям, откуда доносились тихие голоса и веяло ароматами свежих пирожков, хмуро ответил:

– Нет. Было бы хуже... Он бы догнал.

А когда они поднялись на крышу, лично проследил, чтобы Дилли влезла в меховой мешок, и сам усадил ее посредине.

Вскоре крылет взвился в небо, и Дилли, сразу слегка отвернувшись от мага, замotalась до самого носа и приказала себе спать.

Двадцать шестое сеноставня

Башня магистра Истрина «Глаз тролля»

Гард

Устраивая смуглого кеминца в люльке крылета, Гард упорно старался не сталкиваться взглядом с сумрачным взором напарника. И без того было тошно, и зло брало на самого себя. Эта странная то ли девушка, то ли женщина не попадала ни под одну из категорий давно изученных им женщин. То была честна и прямолинейна, как мужчина, то лукава и смешлива, словно юная девчонка, то мудра, будто старуха, разменявшая вторую сотню лет. Моментами ему становилось как-то не по себе от тревожащей мысли, что где-то сидит еще целая семья, а может, и не одна, таких вот всезнающих и все понимающих женщин. А иногда

мелькало и вовсе невероятное желание: высадить ее где-нибудь на людном перекрестке и отправить, куда ей только вздумается, лишь бы не показывать князю. Гард сам иногда не может с ним договориться, настолько упрям и несговорчив стал повелитель с годами. Да еще и Гелисса добавила угрюмости его характеру. Хотя Сайморс сам во всем виноват, но никогда в этом не признается.

– Выпьешь? – сквозь зубы осведомился маг.

Сыщик повернулся к нему лицом, нечаянно мазнув взором по притихшей рядом ведунье.

И желчно усмехнулся. Он голову ломает, как с ней поступить, а это странное создание мирно спит, чуть улыбаясь во сне чему-то своему.

– Не замерз еще, – коротко отказался он от предложения и дружелюбно сообщил: – А ведунья спит себе, как суслик в норке.

Сказал и замер в ожидании, захочет верный напарник с ним разговаривать или нет.

– Пусть спит, пока на свободе, – буркнул Ланс и, помолчав, осведомился внешне безразлично: – Тебе не кажется, что лучше бы мы ее не поймали?

– Еще как кажется, – едва слышно вздохнул сыщик. – Но время пока есть. Вот поговорим с твоим наставником, тогда и будем думать.

И решительно закрыл глаза, намереваясь последовать примеру соседки. За несколько суток, проведенных в крыльце, он почти привык спать днем, хотя обычно на такую роскошь не хватало времени даже в самые спокойные дни.

Истрин встречал их лично. Старый магистр отлично знал, что Тровенг никогда не прилетит просто так, в гости или по пути. Да и не было поблизости ни городов, ни крупных поселков, куда можно было добраться на крыльце. Всем хорош транспорт, и быстрый, и надежный, но без подготовленной площадки на крыше здания не менее двух этажей взлететь не сможет. Потому и пришлось ему перестроить крышу своей башни, приспособив для приема таких посетителей.

– Добрый день! – первым выпрыгнул из люльки Ланс и направился к учителю, таща в руке связку крупных янтарных копченых сигов.

– Приветствую! – издали махнул хозяину Гард, вытаскивая из люльки какого-то мальчишку.

– Радости и удачи вашему дому, – низко поклонился юный кеминец, с удовольствием отметив изумленно взметнувшуюся бровь магистра.

Но вслух Истрин ничего не сказал, лишь сделал знак следовать за ним и направился к лестнице. Для кархов была построена будка, где хранились бочки с вяленным мясом и водой.

А этажом ниже уже ждали гостей небольшие, но удобные комнаты, ванная и горячий обед.

Первым в столовую вошел Ланс, сел рядом с учителем и хмуро заглянул ему в глаза.

– Не помню, когда я был так не уверен в своих поступках, как сейчас, – произнес словно нехотя и откровенно усмехнулся: – Хотя лукавлю. Я вообще никогда не был так растерян и раздавлен.

Встретил девушку, рядом с которой видел себя в будущем без всяких оговорок и условий, но должен помочь отвезти ее князю. Однако не верю, что он сумеет понять особую ценность этого дара.

– Вот как... – Магистр задумчиво помолчал и отрицательно помотал головой: – Но в твоих словах я вижу несообразность. Если она так нужна тебе самому, почему бы не спрятать ее, да хоть у меня, и не сказать, будто сбежала? И еще... извини, конечно, но с каких пор ты возишь князю женщин?

– Он выдал такой указ. Тебе же известно про Гелию?

– Разве есть в княжестве или за его пределами человек, который ничего не слышал бы о ней? – вопросом ответил Истрин.

– Так вот, князь считает, что раз ей не помогли маги, то поможет ведунья.

– Так ты нашел... ведунью?!

– Не я. Тровенг. И везет ее именно он.

– Подожди... – нахмурился магистр. – Не хочешь же ты сказать, что этот мальчик...

– Меняет внешность как перчатки, – хмуро признал Ланс. – Но не тело. А магии в ней нет.

– Ну, это я успел заметить, – рассеянно буркнул Истрин. – Жаль, внимательнее не смотрел. Мечтаю познакомиться с ней поближе.

– Одну минуту, учитель. Хочу предупредить... Я дал слово, что никто не будет ее изучать.

Магистр смотрел на него изумленно, но постепенно это выражение сменилось на понимание и позже – на легкую досаду. Однако он не сказал ни слова против, кивнул и ожидающе уставился на дверь.

Ланс, конечно, учителю поверил, но исподтишка неотрывно за ним следил. И хорошо рассмотрел, как изумленно округлились глаза магистра, когда в столовую спокойно вошла молодая женщина в сером креповом платье. Весьма привлекательная и абсолютно не похожая на смуглого кеминца.

Маг на минуту забыл данный себе зарок не глядеть на нее и не думать о глупых мечтах, изучая точеную шею, изящный овал лица, ровный носик и притененные пышными ресницами серо-зеленые глаза. Чуть рыжеватые волосы, скрученные на затылке в пышный узел, на висках слегка вились, а на едва заметно подкрашенных губах, изогнутых в форме лука, пряталась стеснительная усмешка.

По грации, с какой она двигалась, да по стрункой выпрямленной спине маг осознал очень ясно, что никакая она не селянка и конечно уж не комедьянтка. С такой простотой и одновременно достоинством умели держаться лишь истинные леди.

– Чем тут сегодня угощают? – врываясь в столовую, весело справился Тровенг, любивший бывать в башне Истрина за простоту здешних отношений и полнейшую безопасность.

Магистры в дела князей старались не вмешиваться, но неизменно их поддерживали, упорно уклоняясь от сомнительных «выгодных» предложений различного рода авантюристов.

И никогда не устраивали засад и ловушек людям правителя, тем более собратьям и ученикам.

– Куриным супом со взбитыми клецками и фаршированным карпом, – с улыбкой оповестил успевший опомниться магистр. – Но сначала представьте меня леди.

– Кому? – насторожился Гард и окинул столовую стремительным взглядом.

Нахмурился и осмотрелся еще раз, медленнее и внимательнее. И наконец недовольно поджал губу, уставившись на незнакомку.

– Меня зовут Илиана, – мило улыбнулась ведунья.

Тровенг уже привычно выругался про себя, сразу осознав, ради чего она снова сменила образ. Погонщик кархов должен считать, будто женщину они встретили именно здесь. И хотя сыщик не думал, что кучер крылета начнет торговать сведениями о своем хозяине, но не мог не признать правильности такого поступка.

– А я Истрин, хозяин башни, – довольно улыбнулся маг. – Нужно сказать, меня не так просто удивить, а вам это сегодня удалось. Но прошу к столу, помнится, в крылете нормально перекусить не удастся. Мои друзья, разумеется, пытаются решить эту задачу, но пока не совсем довольны собственными успехами. Ланс, я не стал звать повара, нальешь суп?

– Я тоже могу налить, – предложила ведунья, но мужчины отказались так дружно, словно сговорились заранее.

Обедали молча, гости и в самом деле проголодались, замерзли и были рады горячему вареву, а магистр исподтишка присматривался к ведунье и пытался придумать, как обойти данное ученику обещание. Но девушка одной лишь фразой смела напрочь все изобретенные им уловки.

– Ваш карп так хорош, а молчание так красноречиво, – отодвинув десерт из сливок и красной смородины, невесело усмехнулась она, – что я просто обязана в благодарность ответить на несколько вопросов. Но не ждите страшных тайн, их попросту нет.

– Спасибо, – с искренней признательностью улыбнулся магистр. – И не верьте тем, кто говорит, будто маги любят разные секреты. Это не так. На самом деле все мы просто помешаны на тайнах, секретах и загадках. Гораздо сильнее, чем скопидомы – на разных безделушках, а сказочные драконы – на золоте.

– Почему же сказочные? – пошутила Дилли. – Они вполне реальны. Просто в погоне за золотом постепенно потеряли крылья и хвосты, чешую и огненное дыхание. Измельчали и замаскировались под людей, но хваткие лапы и беспредельная алчность остались прежними.

– А ведуньи довольно зубасты, – с усмешкой отметил Истрин. – Но как раз это мне и понятно. Иначе вас уже выловили бы, посадили под замок и заставили показать все умения. И нашли бы им применение.

– Это невозможно, – очень серьезно сообщила Дилли. – Все умения ведуний действуют лишь на нас самих. А людям мы помогаем только тогда, когда этого просит наша душа. И лишь в одном случае наша помощь приносит желанный результат – если пациенты верят нам абсолютно и истово желают, чтобы все получилось.

– Можно я расскажу учителю про графа Ланмера? – вежливо попросил Ланс, снова нарушая свой обет.

– Разумеется. Ведь вам придется объяснить это судьям... – Ведунья вопросительно взглянула на начальника тайного сыска.

– Это решит князь, – сухо вато сообщил тот, – но я постараюсь убедить его не выдавать суду излишних подробностей.

– На князя я бы не стал особенно рассчитывать, – нехотя, но очень веско произнес Истрин. – Он человек жесткий и выше всего ценит собственный авторитет. Точнее, свое понимание правильности управления княжеством. Многие вопросы можно было бы решить иначе, мягче и проще, но он непоколебим в своей уверенности. Тебе же известно, как он поступил с дочерью? – Конечно, – вздохнула ведунья и на миг скорбно поджала губы. – К нам тоже новости доходили.

– И как судил народ?

– По-разному. Всяк ведь из своего оконца смотрит. Но мне почему-то кажется, что вы хотели поговорить о другом, – откровенно глянули на магистра не по-девичьи умные глаза.

– Хотел, – не стал отказываться маг. – Но сначала выслушаю ученика.

Ланс принял эти слова за указание и быстро, четко, с точными краткими выводами доложил учителю все, что узнал от ведуньи о произошедшем с графом Оксоном. Внимательно слушающую Дилли особо порадовала одна тонкость: в его изложении ее собственная роль заметно уменьшилась. И она из спасительницы графа превратилась в обычного посредника на переговорах супругов о примирении.

Но магистр понял все именно так, как и было на самом деле, и теперь смотрел на неожиданную гостью с задумчивостью, за которой прятал жаркий интерес первооткрывателя.

– Убрать ненужные подробности, – тем временем вполголоса рассуждал Гард, – представить ее не случайно попавшей в дом ведуньей, а нанятой по рекомендации посредницей, по сути, так и было. И приставить надежную охрану, лучше бы Ланса.

– Не выйдет, – неожиданно возразил Истрин. – Князя этим не убедить. Особенно если леди Илиана пожелает помочь Гелиссе.

– Уже пожелала, – тихо, но твердо сообщила Дилли.

– А ты понимаешь, что он уже никогда не выпустит на свободу такой лакомый кусок? – сердито уставился на девушку Ланс.

Истрин приподнял бровь, отмечая слишком вольное обращение ученика к почти незнакомой женщине, но сам Ланс не заметил за собой ничего предосудительного. Всего за два дня серенькая аптекарка стала для него своей, несмотря на откровенный отказ.

– Ну... – виновато вздохнула Дилли, – некоторое время я потерплю. Гелию и в самом деле очень жаль.

– А пока вы возвращаете к жизни его дочь, – поддержал ученика магистр, – князь придумает, как надежно привязать вас к его замку. Либо должность найдет с двадцатилетним контрактом, либо мужа из приближенных. Мог бы – сам бы женился.

– Меня не так просто выдать замуж... – Дилли смотрела на сочувственную усмешку немолодого магистра и все отчетливее понимала, как сильно просчиталась.

Ковен официально возглавлял в княжестве и шести соседних странах все храмы и монастыри, поэтому и главные служители в них были магами. И знали тайны всех ритуалов, кроме тех, какие знатные лорды проводили в собственных часовнях.

Следовательно, Истрину были известны такие детали этого дела, о каких ни сама она, ни ее сестры не могли добыть никакой информации.

– Поэтому мы и прилетели к тебе, – с тревогой смотрел в лицо хозяина главный сыскарь княжества. – За советом. Ребенку графа угрожает опасность, в этом я убежден. Но не желаю привести Дилли в ловушку.

– У меня есть одна идея, – испытующе глянул на гостя магистр. – Но я пока не знаю, согласится ли на нее леди Илиана.

– Соглашусь, – ни секунды не размышляла ведунья. – А чего вы желаете взамен? Ну, конечно, кроме ответов на несколько интересующих вас вопросов.

– Ничего, – твердо отказался маг. – Я и на ответы не надеялся. Лишь если добровольно, в знак дружбы.

– В знак дружбы, – лукаво улыбнулась она. – И можете звать меня просто Дилли. Так какая идея?

– Тебе нужно срочно выйти замуж. За надежного человека. Лучше за одного из нас, или Гард припомнит какого-нибудь друга.

– Только не маги! – Взгляд девушки снова стал виноватым. – И это не моя прихоть. Вы и так для нас горите, а на жену непременно пожелаете повесить заклинания защиты и разные амулеты. А это сильно портит восприятие мира.

– Что значит «горите»? – заинтересованно насторожился магистр.

– Ну... вы словно в огне... таком призрачном, тлеющем, как уголья в догорающем костре.

– Не может быть! – ошеломленно шепнул Ланс и не сдержался, положил на стол крошечную шкатулку: – А это?

– Тоже тлеет, только зеленым, – с легкой укоризной глянула на него Дилли. – Я же тебе все объясняла, неужели ты мне не поверил?

– Прости, теперь верю... А можешь взглянуть и вот на это?

– Это – пустое, – поясняла ведунья, не прикасаясь к коробочкам и мелким вещицам, которые спешно вытащил из карманов Ланс. – Это – синее. А это нехорошее, багровое с искрами. Но чему вы удивляетесь? Разве голос имеют только те, кто умеет петь? Или тепло солнца ощущают лишь жители жарких стран? Ведь наоборот, те, кто живет в окружении аллей из розовых кустов и роскошных клумб, почти не ощущают слабый аромат невзрачных полевых цветочков. А мы ведуньи, это значит – видим и знаем все, происходящее внутри и вокруг людей, но прежде всего в самих себе. Для того чтобы немного поправить или изменить свое лицо или тело, нам нужна вовсе не магия, это будет уже операция. Ведуньи просто чуть по-другому смещают мышцы и иногда суставы, но этому нужно упорно учиться почти с рождения и строго соблюдать важнейшие правила.

– Значит, нужно искать надежного человека почти без магических способностей, – разочарованно заявил Истрин. – И такие есть только в конторе Гарда.

– Уже думаю, – буркнул тот, с отсутствующим видом изучая скатерть. – Знать бы заранее, вызвал бы Тана из Ларгии.

– Он бы не согласился, – хмуро возразил Ланс. – Его возвращения возлюбленная ждет как спасения. У них будет ребенок, и отец девушки грозит сдать ее в монастырь.

– Ланс, а почему я этого не знаю? Ты не мог мне шепнуть как другу?

– Ты никогда не говорил, что мы друзья.

– А разве нужно обязательно это объявлять? Ну ладно, вернусь – напишу указ с печатью, – с досадой фыркнул Гард, разумом понимая справедливость сомнений напарника. Он ведь и сам только теперь наконец со всей ясностью осознал, что где-то в глубине души давно считает Ланса другом. Ведь только другу можно доверять так безоговорочно и лишь рядом с ним засыпаешь спокойно, не опасаясь измены.

– Когда дружишь с начальником, – мудро заметил Истрин, – лучше никому этого не показывать. А кроме того парня у вас в сыске нет надежных мужчин?

– У всех надежных, – снова задумался Гард, – есть или жены, или подруги...

– Я тоже никого не подберу, – со вздохом подтвердил Ланс. – Сверт еще легкомыслен, Именд – троюродный племянник князя и понемногу стучит, Ансил – тугодум. Извини, Гард, но лучшая кандидатура – это ты сам.

– Я ведь тебе друг, – с упреком посмотрел на него сыщик.

– Это я тоже учел, – серьезно ответил на его взгляд маг и печально усмехнулся: – И поверь, обижаться или злиться не собираюсь. Наоборот, мне спокойнее, если она будет под твоей защитой.

– А меня спрашивать никто не собирается? – с непонятым интересом изучала их ведунья.

– Но ты же умная женщина? – мягко улыбнулся ей магистр. – И все слышала. И, конечно, понимаешь: чем меньше людей знает о нашем разговоре, тем лучше для тебя.

– Все это так, – невесело вздохнула Дилли, – но лорд Тровенг – слишком заметная личность. Его жизнь у всех на виду, за ним присматривают все кому не лень. А шпионят даже собственные слуги. В его доме не так-то просто выжить.

– Про слуг, дорогая, ты расскажешь мне по дороге. – От известия, что в его доме завелись крысы, Гард мгновенно вскипел, но улыбнулся новоявленной суженой со светской учтивостью: – И не беспокойся, тебя мне по силам защитить. А сейчас нужно решить, как будем действовать.

– Я думаю, жениху и невесте лучше немедленно отправиться в моей карете в соседний городок, – уверенно заявил магистр. – Я напишу письмо настоятелю храма. У них тоже есть крылет, на нем и отправитесь в Лейпод. А мы подготовим двойника Гарда, и они с Лансом придут туда на своем крылете. Не нужно, чтобы неожиданную свадьбу Тровенга хоть как-то связывали со мной.

Объясняя все это, он торопливо черкал что-то на небольшом листке тонкой бумаги, а Дилли искоса следила за ним и все яснее осознавала, насколько неверно представляла прежде роль магов в управлении княжеством. Хотя их мало и откровенно во власть они не лезут, ну так давно известно – это удел глупцов и зазнаек. Зато знают все происходящее в их небольшом государстве и исподволь направляют действия чрезмерно самоуверенного и жесткого князя. – Истрин, – решила вестунья, когда маг запечатал бумажку в особый цилиндр и отправил куда-то с помощью почтовой шкатулки.

Эти невероятно дорогие приспособления имелись лишь у магистров и самых богатых людей. Все прочие посылали письма с курьерской службой, и, разумеется, это было не по карману простым жителям. Им приходилось довольствоваться оказией.

– Слушаю тебя, – внимательно уставился на необыкновенную гостью магистр.

– Ты мудр и просвещен, не мог бы подсказать, кому вдруг понадобились вестуньи из Мшарья?

– Ну и вопросы у тебя! – даже поперхнулся маг. – К сожалению, на этот у меня нет ответа. И ни у кого из моих друзей – тоже, можешь не сомневаться. Мы сами ищем. Не успели найти целую семью, только придумали, как с ними познакомиться, – а они уже ушли и следов не оставили.

– Они бежали как от пожара, – тихо и огорченно пояснила Дилли. – Взяли только детей и заранее приготовленные баулы. Не оставили ни одного послания, стало быть, не было ни минуты лишней. И значит, гости, стоявшие у порога, были очень опасны.

– Маги нашли подземный ход в потайном чулане, – нехотя выдал магистр секретные сведения. – Но прошли недалеко, ход был завален.

– Да, – кивнула Дилли, подтверждая свою осведомленность, – там сделана ловушка. Пройдя проход до конца, достаточно было дернуть веревочку, и сверху открывался люк. В потайной камерке над ним хранилось несколько телег сухого песка.

– Теперь мы это знаем, – усмехнулся Истрин. – И даже нашли загон для лошадей, откуда они уехали. Но кроме этого ничего не известно. А тебе?

– Они оставили лишь знак, что перебрались на новое место. И это значит – их выдал кто-то из близких. Кто-то из оставшихся в доме слуг или наемных работников. И я очень хотела бы знать, кто именно.

– Мы их допрашивали, но о подобном даже не подумали. Сегодня же проверим еще раз. – Магистр снова достал перо и бумагу, подтверждая подозрение вестуньи, что маги не просто дружат.

Они все заодно, больше сомнений у Дилли не оставалось. И значит, ей нужно сделать все, чтобы не потерять интереса Истрина и его желания помочь. И не ради нее самой, а ради детей.

– И еще... – слегка поколебавшись, произнесла вестунья. – Есть знаки, по которым те, кто нам помогает, отличают друг друга. Их три, но я имею право назвать тем, кому верю, только один. Дальше их право выбирать.

– Спасибо, – серьезно поблагодарил магистр. – Этого для начала достаточно. И не беспокойся, эту информацию получают только самые надежные люди и никому не доверят.

– Если встретите человека с бирюзой в кольце, броши или в серьгах, можно осторожно намекнуть о своем желании помочь многодетным матерям или принять участие в делах со способностями вестуний. Но есть тонкость: таких камней должно быть не менее трех. И не стоит ждать немедленного ответа, человек должен подумать, иногда – что-то проверить. Но в течение трех дней, если решится, он обязательно даст об этом знать. И это не детские игры и не шутки. Темные люди, наслушавшись басен, готовы на чудовищные поступки. Одна старуха уверенно доказывала мне, что кровь вестуний – чудодейственное лекарство, которое поможет любому вернуть молодость. А за молодость некоторые готовы на любое преступление, особенно те, кто потратил жизнь на набивание кошель и сундуков. Однажды у нас украли ребенка, хотя мы следим за ними бдительнее тигриц. Выпустили девчужку из виду всего на минуту, а нищенка, которая уже несколько месяцев сидела неподалеку, собирая подаяние, уже успела прокусить ей ручку и пыталась высосать кровь.

– Что вы ей сделали? – заинтересовался Гард, сразу вспомнив странный несчастный случай, которому до сих пор никто не нашел объяснения.

– Ничего, – ответила невеста, открыто глядя ему в глаза. – Именно от таких случаев у ведуний с младенчества вырабатывается защита. От одной капли нашей крови любого человека будет тошнить целый день, ну а если выпьет больше – не выживет. Мы забрали ребенка, а что стало с бродяжкой, нас не интересовало.

– Спасибо, дорогая, – шутливо склонил голову тайный советник, – ты сделала мне неоценимый подарок. Уголенский князь уже лет шесть требует, чтобы мы нашли похитителя и отравителя его тетушки. Он считает, что старую баронессу украли и где-то насильно удерживали целый год, и в тот момент наши выводы в этом совпали. Погибшая была грязна, нечесана и одета в рвань.

– Чего не сделаешь с собой ради молодости, – с едкой усмешкой произнес Истрин. – Но мне ее не жаль. Надеюсь, вы не станете выдавать ведуний неутешному племяннику. Можно найти свидетелей ее сумасшествия, со знатными дамами такое частенько случается.

– А не могли быть во Мшарье его люди? – засомневался Ланс и получил в ответ полный упрека взор друга.

Но ответила ему Дилли:

– Это были не они. Дознаватели тогда осматривали все соседние дома и ничего не нашли. Зато выяснили, где она жила. Думаю, князь Старвин просто желает, чтобы его купцам снизили пошлину, вот и нашел повод. Истрин, я могу ответить еще на один твой вопрос.

– Щедрое предложение! – засмеялся магистр. – Я даже не могу сразу придумать, какой задать. Но все равно потом буду жалеть, что спросил не о том.

– Мне почему-то кажется... – на миг задумалась ведунья, и по ее губам скользнула лукавая усмешка, – что мы еще встретимся. Хотя могу сказать сразу, дара предвидения у нас нет. Да его и вообще не может быть, как говорят наши прабабки.

– Маги считают так же, – ободряюще улыбнулся Истрин. – Но мне пришел на ум очень важный вопрос. Вы не знаете, сколько примерно среди людей ведуний? И есть ли мужчины с таким даром?

– Сложный вопрос, – качнула головой девушка и загадочно усмехнулась: – Но простой. Если учить с рождения – овладеть этим умением может каждый, в ком нет дара мага. Однако мальчики, взрослея, начинают больше полагаться на растущую силу мышц и постепенно перестают тренировать свое умение управлять телом. Даже калеки и больные с рождения остаются ведунями только до тех пор, пока слабы здоровьем. Потом уходят от нас, но всегда помогают. А девочки стали бы ведуньями все, но мы же не можем забирать детей от матерей. Поэтому – только оставленные родителями сиротки и наши собственные дочери. Разумеется, кроме одаренных магическими способностями. Мы видим это уже на третий-седьмой день и забираем из приютов и монастырей всех, кого найдем. Иногда и одаренных, если это калеки или очень слабенькие дети и мы можем им помочь.

– Спасибо, – с чувством произнес магистр. – А теперь вам пора в путь. И я обязательно вас проведу, пользуясь приглашением.

Через десять минут он стоял на балконе, глядя вниз, на дорогу, по которой катила его собственная карета, изредка сочувственно посматривая на оставшегося в столовой ученика, мрачно зажигавшего и гасившего свечи в старинных бра.

Двадцать шестое сеноставня

Храм Всеслышащего в маленьком городке Тангле

Дилли

– Хорошая у магистра карета, – мельком заметила Дилли, утонув в мягкой глубине удобного дивана.

– Если бы это сказала другая девушка, – устроившись рядом, вздохнул Тровенг, – я считал бы, что мне намекают на необходимость обзавестись такой же.

– А разве у тебя еще нету? – с простодушием селянки осведомилась ведунья. И тут же спокойно сообщила: – Но я не девушка, а вдова.

– Но ведь граф... – начал Гард и осекся, сообразив, что Оксон вполне мог быть не единственным ее пациентом.

– Да. Через полгода после его смерти ко мне пришла другая просительница, – подавив вздох, пояснила Дилли. – У нее умирал от проклятия сын. А поскольку проклятие – это просто особое заклинание, которое, как паразит, живет в теле приговоренного и сосет его магическую и жизненную энергию, от него можно избавиться самому. Мы умеем. И если человек очень хочет и верит нам, то и ему удастся вышвырнуть из себя убийцу. Мне очень хотелось ей помочь... бывают такие люди, светлые.

– Если тяжело, можешь не рассказывать, – предложил сыщик.

– Нелегко, но я расскажу, – не сдалась она и продолжила, глядя в окно на угасающий закат: – В их доме я могла поселиться только как его законная жена. Денег нанять чтицу или секретаря они не имели, а другой уважительной причины мы не придумали. Живущие вместе с ними родичи бдительно следили, чтобы беднягу не навещали бедные девушки, тем более незнатные. Высокомерные снобы. Матери пришлось долго его уговаривать, никакой помощи от чужих людей он не желал и ни во что не верил. Но она все же сумела настоять. Мы заключили союз в небольшом храме на окраине города и на декаду уехали в свадебное путешествие... в одну деревушку, где тогда еще жили мои сородичи. Разумеется, жили мы в снятом на время доме, но одна из старших ведуний приходила помочь – якобы служанкой. На самом деле она пыталась укрепить его веру в спасение.

Дилли смолкла, успокаивая болезненно сжавшееся сердце. Вот потому они и не пытаются помогать всем подряд, что знают, насколько это трудно, почти невозможно. Сколько ни объясняй, ни убеждай, что сделать для себя чудо может каждый, всегда больше будет тех, в ком с детства заложено недоверие к себе, сомнение в собственных силах. И ничего тут не поделаешь, ведь к ним за помощью приходят лишь в тот момент, когда времени остается в обрез.

А ведунья, потеряв человека, в которого вложила море сил и частицу себя, потом вынуждена восстанавливать собственное здоровье и веру в свои умения.

– А к магам его не пытались отвести?

– Приезжал один из выросших в нашей семье. Привозил магистра, но тот сказал, что поздно. Проклятия ведь как гниль – разрастаются в разные стороны и сжирают человека заживо. Но я его все-таки вытаскала, использовав все методы, даже те, какими мы предпочитаем не пользоваться, так как это в ущерб собственным убеждениям и принципам. – Дилли немного помолчала, не желая ничего объяснять подробнее, и решительно закончила: – Наше «путешествие» растянулось на три месяца, но вернулись мы лишь после того, как я убедилась, что проклятие спало и он почти оправился.

Горько вздохнула и снова надолго отвернулась к окну.

Гард ее не торопил и ничего не говорил. Да и что говорить, если уже понятно, что отношения между ними к тому времени были вовсе не те, какие бывают между врачом и пациентом.

– Мы приехали в его родовой дом с первыми морозами, – хмуро и неохотно проговорила ведунья, собравшись с силами. – Хотелось обрадовать его мать. Она устроила настоящий праздник, а я не сразу поняла, что далеко не все рады его выздоровлению. Особенно – женьтибе на мне. Как позже выяснилось, одна из кузин давно мечтала стать его супругой и отомстила проклятием, когда он отказал ей в первый раз. И в тот вечер исхитрилась увести его из гостиной и столкнуть с балкона. Он пытался удержаться, но перила давно сгнили...

– Стоп! – остановил ее Тровенг, сразу вспомнив это громкое дело. И имя юной вдовы тоже мгновенно всплыло в памяти. – Андилия ле Саренс?

– Да, – печально вздохнула она. – Графиня Андилия ле Саренс.

– Но почему тогда... – начал он и смолк.

– Я не осталась жить в том доме? – догадалась Дилли. – По многим причинам. Ну, для начала, там живут родители убийцы, им просто некуда идти. Еще там очень тяжело находиться из-за снобизма остальных родичей. Денег нет, но работать никто не желает, все мечтают, чтобы кто-нибудь оставил им наследство. Ведуньям в таких местах нечем дышать. Я смогла лишь забрать оттуда мать Генри, устроила ее в приюте при храме.

– А кому принадлежит дом? – осведомился сыщик, хотя был уверен, что знает ответ.

– Мне, – просто сообщила ведунья, словно речь шла о деревенской избушке.

Но теперь Тровенг знал, что домом она скромно называет огромный старинный особняк, расположенный неподалеку от княжеского замка. И не смог не посмеяться над самим собой и над своим правителем. Пока они искали ведуний, те спокойно жили под самым носом, как мышки в головке сыра. По крайней мере одна из них.

– Надеюсь, – задумчиво посматривая на четкий женский профиль на фоне яркого закатного неба, учтиво осведомился тайный советник, – ты будешь не против, если после нашей свадьбы я разгоню это крысиное гнездо? Оттуда просто ручьем текут сплетни и всевозможные вымыслы, и боюсь, подробности нашей с тобой жизни будут преподнесены обществу в самых невероятных красках.

– Поступай, как сочтешь нужным, – невозмутимо кивнула Дилли. – В таких вопросах ведуньи никогда не спорят с мужьями.

Услышав это заявление, тайный советник скептически приподнял бровь, но спорить не стал. Ему хотелось продумать, как представить свою скоропалительную свадьбу князю. Хотя время еще есть, но лучше подготовить все доводы заранее. Подозрительный и недоверчивый Сайморс даже в сильном подпитии не поверит, будто Гардант Тровенг вдруг воспылал настолько нежной любовью, что пожелал немедленно жениться. Но по мере того, как он примерял всевозможные варианты объяснений, все сильнее росло подозрение, что невеста об этом уже подумала.

– Дилли, – не выдержал он наконец, – ты ведь неспроста рассказала про свое неудачное замужество? Хотела намекнуть на какие-то неизвестные или пропущенные мной детали?

– Конечно, – в уверенном голосе ведуньи слышалось лукавство. – Пока мы не добрались до Тангла, есть возможность решить, на ком именно ты женишься. На аптекарке Дилли, чтице Илиане, графине Андилии или зельеварке Анди. Еще есть послушница Лиана, гувернантка госпожа Танди и пара белошвеек. Но можно и привезти из-за границы или из Ургунского монастыря любую девицу с любой историей. Например, дочь твоего старого друга, на которой ты пообещал жениться по достижении двадцати пяти лет.

– Действительно, роскошный выбор... – ошеломленно пробормотал Гардант и тут же спохватился, заметив ее усмешку: – Но ты ведь не случайно рассказала мне про свое вдовство?

– Мы встречались тогда, почти два года назад, – устало пояснила Дилли, – и ты вполне мог бы меня допрашивать, сейчас ведь этого не проверить? Да и не осмелится никто потребовать подробных объяснений. И вполне могли бы потом встречаться тайно... ссориться, мириться... а теперь вот решиться на свадьбу. Возможно, ты отважился на это в пику изменившей любовнице или еще по каким-либо своим соображениям, ну а я должна быть просто на седьмом небе от счастья, что меня выбрал самый завидный жених княжества.

– Правдоподобно, – желчно буркнул сыщик, – только как-то уныло. Однако особому веселью Сайморс и не поверит, скорее ему понравится версия «назло бывшей содержанке». Я и в самом деле дал ей отставку пару месяцев назад, и она до сих пор никак не угомонится. Решено, женюсь на графине. Хоть особняк в приданое получу. Вместе с возможностью разогнать осиное гнездо. Кстати, Дилли, а внешность у графини и чтицы одна или...

– Почти, – со смешком успокоила она. – Не волнуйся. И кстати, на всякий случай... никуда сбегать я не собираюсь.

– А ты могла бы? – Только теперь до сыщика дошло, как непростительно доверчив он последние два дня.

– Если бы захотела, то да. Уже раза три появлялась такая возможность. Но в отличие от княжеских лизоблюдов ведуньи не считают честность глупым качеством и всегда держат слово. Ответа на это уверенное утверждение у Гарда не было, да и желания уточнять, как бы она сбежала, тоже. Все равно всего не расскажет, да ему и не хочется знать. Пусть у ведуньи будет хоть призрачный шанс на всякий случай.

Карета резко повернула, и за окном возник город, тающий в вечерней дымке. Кое-где уже бледными звездочками светились окна и зеленые фонари гостиниц и харчевен, тускло сияли в последних отсветах уходящего светила золоченые купола святылец.

На храмовых ступенях карету поджидал служка. Сделав знак выглянувшему Гарду, он ловко вскочил на козлы к кучеру. Через минуту храм остался позади, а еще через две карета остановилась возле высокой пожарной башни, на крыше которой была устроена площадка для крылета.

Служка забрал багаж и пошел впереди, указывая дорогу, а сыскарь попытался было поддержать под локоток невесту. Но она мило улыбнулась, подхватила юбки и последовала за служкой, ничуть от него не отставая.

Светник тонко усмехнулся и спокойно шагнул на первую ступень. Встречались ему в жизни и такие, слишком самостоятельные дамы, воспитанные отцами в суровости, как мальчики. Их учили бегать и прыгать, скакать и даже рубить. Но забывали предупредить, чтобы не пытались соперничать в этом с мужчинами. Ведь даже самая выносливая девица может сравниться лишь с зеленым юношей, но никак не с заматеревшим воином.

Однако ведунья забралась на самый верх башни, даже не запыхавшись, и сыщик невольно насторожился.

– И много еще у тебя, дорогая, таких тайн? – вроде бы шутливо осведомился, идя следом за ней к крылету.

Однако она пропустила вопрос мимо ушей, изучающе разглядывая очень необычную люльку. Хотя снизу ее никто не отличил бы от обычной, зато верхнюю часть прикрывал не полог, а округлая крышка с застекленными овальными оконцами по бокам. И место для погонщика, ловко втиснутое впереди, имело такое же оконце.

– А маги не бездельничают, – уважительно пробормотал Гард, трогая откинутую крышку. – Тоненькая какая... и легкая. Интересно, из чего?

– Специальный шелк, – гордо пояснил служка, укладывая багаж. – Пропитан особыми смолами и высушен на форме. По крепости не уступает шкуре носорога и тепло сохраняет точно так же. А по легкости не тяжелее соломенной корзинки. Крышка запирается изнутри, вот тут.

У погонщика своя дверца.

Дилли устроилась в удобном кресле, отметив, что места для третьего пассажира здесь маловато. Посредине поместился бы разве что ребенок, взрослому некуда вытянуть ноги. Там поднималось обтекаемое возвышение, под которым, как можно было догадаться, мастера устроили кресло для погонщика. Зато под потолком сиял маленький магический светильник, а у каждого пассажира был небольшой столик, уставленный берестяными тесками с печеньем и орехами.

– Интересно, когда они предложат такие люльки князю? – тихонько пробурчал сыщик, зашелкнув запоры и ошупав оконце и сиденье. – Так летать в сто раз приятнее.

– Когда снабдят ими всех своих, – мягко заметила Дилли, с затаенной улыбкой поглядывая, с каким детским восторгом изучает новинку неприступный и неподкупный начальник тайного сыска.

Сколько ни пришлось ей видеть мужчин, все они одинаковы. При виде любого хитроумного устройства мгновенно превращаются в любознательных подростков, забыв на некоторое время обо всем на свете. Новую карету, баркас, повозку или просто косилку готовы рассматривать часами, споря о том, насколько она лучше прежней и чего мог бы, но не доделал мастер.

И суровый главный сыскарь тоже не сдержался... даже не подозревая, что этим добавил один шарик на белую чашу невидимых весов. И теперь она явно перетягивала, хотя изначально побеждала противоположная. Дилли вообще была против того, чтобы решать вопрос своей безопасности такой ценой. Какая разница, где быть пленницей, в темнице князя или в особняке строгого мужа?

Она и согласилась-то с предложением Истрина лишь из-за надежды чуть позже найти другой выход. Откуда же ей было знать, как легко и просто, одним росчерком пера, решают такие вопросы магистры?

И все же Дилли не слукавила, сообщив нежданному жениху, что бежать не собирается. Мнение ведуньи резко поменялось, когда она обнаружила, как серьезно и беспрекословно принял Тровенг необходимость жениться на совершенно незнакомой женщине. И сразу принялся продумывать план, как ей помочь и как ее защитить.

Самый упорный и несговорчивый холостяк столицы! Мужчина, руку и сердце которого не удалось заполучить самым завидным невестам. А о его непробиваемую волю обломали зубы самые прожженные свахи, умевшие уговорить даже статую. Хотя ветреные прелестницы и праздновали время от времени победу над его телом, но обычно недолго, до первого намека на свадебный ритуал.

– Нужно будет выпросить... – согласно кивнул, думая о своем, сыщик. – Спать не хочешь?

– Пока нет, – честно сообщила Дилли. – А у тебя появились вопросы?

– Нет, не появились. Они у меня давно были. Но прежде всего меня интересует, что ты имела в виду, когда предложила Лансу кольнуть твою руку кинжалом? Его тоже ждала бы какая-то кара, как ту баронессу?

– Конечно нет. Ведуньи вообще не способны на зло, особенно преднамеренное. Мы можем только защищать наших детей и свои жизни. Лансу я просто хотела показать свое умение заживлять собственные раны. Именно из-за него люди считают нас целителями, не понимая, что выдавать команду своему телу и чужому – это абсолютно разные вещи.

– Для меня это одно и то же, – пожав плечами, усмехнулся сыщик.

– Это не так, – мягко улынулась Дилли. – Ты можешь себе приказать потерпеть, когда хочется спать, а в случае опасности – забыть о еде и жажде, сжаться и замереть бездвижно. В сущности, мы всю жизнь командуем своим телом, иногда бессознательно, к примеру, заставляя шагнуть шире, чтобы не наступить в лужу. Но чаще совершенно осознанно, тренируя какое-либо умение. Стоять на одной ноге, взбираться на дерево, махать оружием или мотыгой и даже правильно держать ложку. Многие знают, что можно руководить не только конечностями, но и происходящими внутри нас процессами. Например, задержать дыхание, прячась от врагов или ныряя за ракушкой, вызвать ускоренное сердцебиение, представив страшного монстра или в ожидании любимого человека. Некоторые восточные отшельники умеют даже на несколько минут останавливать биение сердца, и это никого особенно не удивляет. Все понимают – это следствие нескончаемых тренировок и непреклонной воли. Но никто не хочет осознавать, что такие действия доступны всем, хотя учиться, разумеется, придется, и очень упорно. Но какое дело не требует обучения? Даже самое немудреное – разжечь огонь в печи и сварить простую кашу – не сможет ни один человек, ни разу не видевший, как это делали другие.

– Я понимаю, – подумав, признался Гард, – как это удобно, уметь остановить кровь или вылечить болезнь одной мыслью, но, наверное, трудно все время жить в напряжении?

– Если человек занимается этим с детства, для него это становится так же привычно, как мыть руки или потягиваться, разминая мышцы, после сна. Я говорила про выросших в наших семьях мальчиков? Многие возвращаются в старости, начиная понимать, как ценно это умение. Ведь его никто не придумал, оно было в наших предках всегда. Известны случаи, когда в порыве ужаса, пытаясь спасти себя или детей, люди совершали невозможные поступки. Пробегали по угольям, не получив ожогов, удерживали на весу дерево, которое потом с трудом поднимал десяток человек, разрывали голыми руками пасть крокодила, прыгали через непреодолимые пропасти. Все эти люди – потомки древних ведуний, выживших в страшных войнах и катаклизмах, сотрясавших наш мир. А наши прабабушки всего лишь заметили в себе эти особенности, попытались развить, и у них получилось. И пусть кто-то считает, что сейчас, когда в мире есть сильные лекари-маги, проще выпить зелье, чем самому исцелять свои раны, мы думаем иначе. Это умение не зря дано нам природой, она вообще ничего не делает просто так, ради каприза. Оно спасало род людской от полного вымирания в давние века и может спасти в будущем, если мы не потеряем его окончательно.

Дилли давно смолкла и занялась орешками, тайком поглядывая на спутника в ожидании вопросов. Но тайный советник все безмолвствовал, пытаясь взглянуть на мир по-новому, с непривычной, совершенно неожиданной для себя точки зрения.

Храм Всеслышащего в Лоунте

Гард

В Лоунт, крупный торговый город на берегу судоходной Гивы, Тровенг с невестой прилетели за час до рассвета. За это время они сделали всего одну посадку: глубокой ночью крылет ненадолго останавливался в мужском монастыре, чтобы сменить кархов и погонщика. Путешественники, успев лишь умыться и выпить горячего отвара, сразу же отправились дальше.

– Ваш спутник прибудет через два часа, – в лоб сообщил встретивший их на крыше Лоунтского храма немолодой жрец. – Будете его ждать или желаете провести ритуал сейчас?

– А вы как посоветуете? – остро глянул на него Гард, успевший осознать, чья воля ведет его сейчас по жизненному пути.

Но на этот раз он был не против. Хотя и прежде никогда не старался с твердолобым упрямством держаться насмерть за собственное место в незримой, но непреложной иерархии. Точно зная: у судьбы всегда найдется джокер, темная лошадка, с которой лучше дружить, чем воевать, особенно если совпадают жизненные принципы.

– Мы можем позвать надежных свидетелей, – намекнул жрец, – которые не станут смотреть на часы, ведь ваша светлость в это время еще в полете.

– Можно посоветоваться? – подумав, осведомился Гард, и не подозревая, что этим вопросом снова заработал шарик на белую чашу незримых весов.

– У вас есть полчаса, – указывая на двери, согласился провожатый. – Умывайтесь и завтракайте. Одежда для ритуала в женской спальне.

Жених с невестой проводили его задумчивыми взорами и дружно разошлись в разные стороны.

– Дилли, – Тровенг вопросительно смотрел на выходящую из спальни невесту, одетую в простенькое синее платье, – ты решила ждать?

– Нет, – качнула головой девушка, присаживаясь к накрытому столу. – В этом случае я не имею права ничего решать. Ведь мне не известно, какие у вас отношения и не станет ли мой выбор причиной обиды или ссоры.

Больше она ничего не произнесла, хладнокровно выбирая еду и наливая себе горячий чай. Смолчал и Тровенг, с досадой сообразив, что ему самому почему-то даже не пришло в голову подумать о чувствах Ланса. Да он никогда не думал о том, нравятся ли подчиненным его действия и приказы! Важнее всего было дело, хотя теперь пора признаться самому себе, что иногда можно было немного поступиться планами ради того, чтобы дать, к примеру, напарнику спокойно поесть.

– Вы приняли решение? – постучав, вошел в комнату жрец.

– Мы будем ждать Ланса, – твердо объявил сыщик и пояснил, уже найдя достойную причину в словах самого служителя: – Раз я «еще в полете». Чем меньше лжи и хитростей, тем надежнее.

– Разумно, – невозмутимо одобрил тот. – Тогда, может, хотите искупаться? У нас неплохие термы.

– Спасибо, – учтиво улыбнулась Дилли, – но я, пожалуй, откажусь.

– Я тоже, – отозвался Гард, ощутив необъяснимое, но упорное нежелание куда-то идти.

После ухода служителя он, по обыкновению, попытался разобраться в почти интуитивном отвращении к вполне любезному предложению. И сразу осознал, что недоверием к жрецам оно не было точно. Маги никогда не двуличничали и не строили козней тем, кому предложили помощь. Так же не было опасения, что кто-то нападет на ведунью, пока он отсутствует. Чтобы иметь такую возможность, необходимо для начала точно знать планы Истрина, время прибытия крылета, а еще – где жрецы намерены поселить гостей. То есть быть одним из посвященных во все тайные дела магов, а в это Гарду не верилось совершенно.

И все же попытка куда-то сейчас уйти, оставив ведунью одну, ощущалась большой ошибкой. Хотя что с ней может случиться, особенно учитывая обещание Дилли никуда не сбегать? «Вот оно!» – сообразил вдруг сыщик. Где-то в его подсознании все еще живет опасение, что долгожданная добыча вдруг выскользнет из рук. И мало ли что она пообещала? За несколько часов перелета девушка вполне могла сто раз пожалеть о собственной смелости, запаниковать и передумать. И пусть сейчас она сидит напротив и режет мясо бесстрастно, словно вымуштрованная взводом гувернеров знатная леди. Вполне вероятно, в душе у нее тоскливо метет студеной вьюга и заунывно завывают бездомные псы.

Гард искоса глянул на невесту и едва не поперхнулся, сраженный внезапным озарением. А с какой стати тогда сам он с удовольствием спокойно жует сочный ростбиф, если невеста и в самом деле сейчас горько оплакивает в душе свою свободу?

– Дилли, – решительно отодвинув тарелку, тайный советник пристально уставился в лицо ведуньи, – я должен задать тебе один вопрос. Ты точно не жалеешь, что согласилась на ритуал? Не бойся, скажи откровенно, я не стану пытаться тебя удерживать или уговаривать. И никогда не повезу в Брагод силой. Ты еще успеешь уйти, обещаю сделать все, чтобы тебя не нашли. Девушка выслушала его краткую, но пылкую речь с нескрываемым изумлением, и Гард внезапно ощутил невероятную гордость за собственный поступок. Давненько ему не приходилось быть настолько довольным собой и своим великодушием. Да и должность у него далека от той, где есть возможность каждый день делать людям добро.

– Если до этого момента я и раскаивалась немного в несвойственном мне авантюризме, – помолчав, сообщила она с мягкой, чуточку загадочной улыбкой, – то твое предложение убрало последние сомнения в правильности принятого решения. Но теперь я должна в свою очередь задать тот же вопрос: а ваша светлость не сожалеет о потере свободы, которую так ревностно хранила от покусительства почти двадцать лет?

– Наша светлость берегла вовсе не свободу, – ухмыльнулся Гард с неожиданным для самого себя облегчением. – Я давно не мальчик и прекрасно понимаю, что никуда она не исчезает, эта пресловутая «свобода», когда мужчина приводит в дом жену. Просто не желал пускать в свою жизнь тайного врага.

– Как интересно... – насмешливо прищурилась Дилли, мысленно снова добавляя в его белую чашу пару шариков. – А как мужчины определяют, кто враг, а кто нет?

– Вообще-то это страшный секрет самых прожженных холостяков, – развеселился тайный советник. – Но на самом деле все очень просто. Нужно коварно угостить претендентку на роль жены самым лучшим вином, а потом внимательно, не перебивая и не споря, выслушать ее планы на самого себя. И если она, еще не имея ни на что прав, уже придумала, как будет избавляться от твоих верных слуг, которые живут в доме с незапамятных времен, отправлять в дальнюю усадьбу любимую собачку и выкидывать удобное дедушкино кресло, – это, несомненно, враг.

– А если она хитрее? – всерьез заинтересовалась ведунья. – Если ничего такого не скажет, но подумает?

– Для чего тогда я ношу на руке перстень истины? – глубоко вздохнув, словно собирался прыгнуть в прорубь, задал риторический вопрос сыщик, предоставляя невесте самой додумать продолжение фразы.

– Тот, с черным камнем? – кивнула она и тоже вздохнула: – Иногда я очень жалею, что нам нельзя пользоваться магическими вещами. Но твоя точка зрения мне понятна. И не скажу, что я ее полностью разделяю, но в некоторых деталях все же согласна с этим способом. А вот кто из нас прав – покажет жизнь.

Что-то в ее последних словах слегка насторожило Тровенга. Но не так, как беспокоят предвестники плохих новостей, скорее то было предвкушение неизвестных пока событий или известий. Он медленно пил чай, обдумывая все сказанное и пытаясь поймать и понять ускользающие предположения и догадки, а ведунья спокойно накрывала крышками недоеденные блюда и составляла в сторонку грязную посуду.

Затем прошла к окну, некоторое время изучала открывавшийся из него вид, наконец села в кресло и с явным сомнением произнесла:

– Мне кое-что известно о болезни Гелиссы, и я полагала, что этого достаточно для попытки ей помочь. Но теперь хочу спросить... а желаешь ли ты, чтобы она выздоровела? И если да, то нет ли каких-то особых сведений, которыми готов поделиться?

Тровенг некоторое время молчал, катая по столу винную ягодку, потом с затаенным вздохом произнес:

– Я знаю эту историю с самого начала. Но некоторые секреты Сайморса пока так и не разгадал, хотя кое о чем догадываюсь. Однако говорить об этом предпочитаю дома, в собственном кабинете, поэтому давай пока отложим этот разговор. Мы будем в столице уже к вечеру. А сейчас, пока есть время, не можешь ли пояснить намек на моих слуг? Однако если не желаешь, я не настаиваю. И помни, это ни в коем случае не торговля и не обмен информацией.

– Понимаю, – согласилась Дилли. – А про слуг – все просто. Ведь сами они прекрасно видят, кто чем занимается. А доносить хозяину не желают, и причин для этого много, но они тебе и самому известны. В основном боятся мести князя. Разве что иногда пожалуются родне или подружкам из соседних домов. К нам такие «секреты» доходят в основном круглым путем, через просителей.

– Но кто? – скрипнул зубами Гард.

– Я тоже опасаясь ошибиться или навести на себя ненависть князя, – откровенно призналась Дилли. – Но ведь у тебя на пальце кольцо? Может, проще всего задать каждому прямой вопрос? Но небольшую подсказку все же себе позволю... Твой человек пошел на это далеко не по доброй воле. Его нашли чем хорошенько припугнуть.

– Спасибо... – задумался Гард. – Хорошо, что у меня мало слуг. И тех, кто служил еще при матери, припугнуть нечем. Ладно, я займусь этим сразу по приезде.

Двадцать седьмое сеноставня

Брагод, столица свободного княжества Онзирского

Гард

На крышу графского особняка Тровенгов крылет опустился на закате. Последние мили погонщик нещадно торопил кархов – с юга их догоняла буйная гроза. Путешественников радовало лишь одно: жрецы Лоунтского храма подарили Гарду с Дилли новенький крылет, и потому резкие порывы ветра, изредка поворачивающие легкое суденышко почти на бок, не причиняли особого вреда. Ланс из Лоунта летел в одиночку, на обычном крылете, и отказался от него еще в Холморе, где они останавливались пообедать и сменить кархов.

– Поеду на верблюде, – заявил он. – Тут дорога хорошая. Прибуду на три часа позже, зато целый. Левитация мне никогда не удавалась.

Он вообще шутил и улыбался с той самой минуты, когда, выйдя из крылета на крыше Лоунтского храма, услышал заявление жреца, что жених с невестой уже одеты и ждут только его. И не роптал ни минуты, выяснив, что вылетать придется сразу после короткого ритуала. Впрочем, несмотря на скорость, союз был заключен по всем правилам и без малейшего отступления от основных законов.

– Вы пришли в дом Всеслышащего, – строго, как судья, заявил седобородый главный жрец, – чтобы объединить свои судьбы. И учитывая, что люди вы взрослые и серьезные, я не стану рассказывать вам о важности и ответственности этого шага. Но намерен предупредить, что жрецы храма не заключают фиктивных или временных союзов. И должен спросить: лорд Гардант Тровенг, по доброй ли воле и с чистыми ли намерениями берешь ты в жены леди Андилию ле Саренс?

– Да, – твердо заверил тайный советник и, словно подтверждая свое согласие, на миг чуть сильнее сжал пальцы невесты, лежавшие в его крепкой ладони.

– Леди Андилия ле Саренс, по доброй ли воле и с чистыми ли намерениями берешь ты в мужья лорда Гарданта Тровенга?

– Да, – негромко, но уверенно произнесла Дилли, открыто глядя в глаза жреца.

Она действительно больше ни в чем не сомневалась и ни о чем не жалела. Несомненно, прекраснее всего, когда двое, едва встретившись, ощущают незримую связь, жаркий интерес и тягу друг к другу. Но не прятаться же в монастырь, если ничего подобного не произошло? И уж конечно не стоит прыгать с крыши или моста.

К тому же у ведуний, как у всех рассудительных и целеустремленных женщин, всегда остается последний шанс стать счастливой. Попытаться разжечь костер любви с тем, кого выбрало не сердце, а разум. Хотя Дилли была уверена, что в ближайшие месяцы ей будет не до того, но и забывать о собственной судьбе она все же не собиралась.

– Ну вот и дома, – облегченно выдохнул Гард, открывая крышку крылета, и ведунья поспешила выскользнуть из люльки.

В такую погоду не до любезностей и тем более не до притворного жеманства. Маленькому погонщику непросто в одиночку убрать до дождя в ангар крылет и загнать в клеть кархов. Пока Тровенг помогал погонщику разгрузить багаж и занести крылет, Дилли успела зайти под крышу просторной будки, откуда начинались ступени ведущей вниз лестницы.

– Ваша... – виновато пробормотал, выскочив ей навстречу, молодой блондин и смолк, разглядев вместо хозяйина незнакомую даму в сером дорожном костюме и в шляпке с короткой вуалью.

– Заноси под крышу сундуки, Майлз, – приказал появившийся с первыми баулами Тровенг.

Приданое, неизвестно когда приготовленное жрецами из Лоунта, дополняли вещи, купленные Джергом по просьбе Гарда.

– Слушаюсь! – ринулся под начинающийся дождь адъютант, но приостановился и умоляюще произнес: – Я хотел предупредить...

– После, – отмахнулся сыщик и изумленно замер, почувствовав, что его кто-то держит.

Довольно крепко, с вовсе не женской силой.

– Дилли?

– Выслушай его, прошу. Это что-то важное.

Тровенг недовольно поджал губы, но остановился, поджидая тащившего сундуки Майлза.

– Ну?

– Ваша светлость... – в голосе адъютанта слышалось отчаяние, а в глазах цвела горькая вина, – там вас ожидает... леди Аксенния.

– Что?! – нахмурился тайный советник. – Кто пустил ее в дом?

– Я... – убито выдохнул Майлз и переступил с ноги на ногу, не решаясь поставить сундуки.

– Зачем? – раздраженно осведомился Гард, уже понимая, что парень не настолько виноват, как может показаться с первого взгляда.

Аксенна, конечно, очень посредственная комедьянтка, но знает наизусть не один десяток примитивных трюков с внезапными обмороками и недугами. Да и опыт в различных интригах у нее побогаче, чем у любой придворной дамы.

– Она переделалась в посыльного... – безнадежно бормотал Майлз, опасаясь поднять взор. –

Заявила, что письмо срочное и тайное. Привратник сообщил, что хозяйина нет, и не пустил ее, так леди прицепилась к повозке зеленщика. А потом заняла сиреневую гостиную. Уже почти два дня там сидит. Рвалась в ваши покои, но попасть не сумела.

– Надеюсь, – тихо справилась Дилли, – мы сами туда попадем?

– Конечно, дорогая, – улыбнулся ей Гард, начиная понимать, как непросто жилось адъютанту и прочим слугам в последние дни. – Майлз, следуй за нами.

Подхватил сундуки и решительно направился к лестнице. Но спускаться по ней не стал, прошел в угол и крутнул камень в фамильном кольце. Отвод глаз начал тускнеть, и на серой каменной стене проступили очертания тяжелой дубовой двери, обитой коваными накладками.

Снятым с пояса ключом Тровенг отпер дверь, активировал магический светильник и пропустил спутников внутрь. Затем так же тщательно запер за собой потайную дверь и пошел вниз по каменной винтовой лестнице. Слегка неудобной, но достаточно широкой, чтобы могли разминуться два человека. Добравшись до глухой комнатки, где не было ничего, кроме скамьи и такой же массивной потайной двери, лорд снова достал ключи.

– Майлз, – неожиданно даже для себя найдя решение задачи, мучившей его всю обратную дорогу, жестко предупредил сыщик, – не знаю, чем тебя шантажируют некоторые слишком любопытные господа, но я запугивать не стану. Просто обещаю: будет лучше и для тебя, и для всех твоих родичей, если об этой лестнице никто не узнает.

– Ваша светлость... – вдруг с горечью пробормотал адъютант, резко опуская на пол сундучки с приданым Дилли, – неужели вы думаете, будто мне нравится жить между двух огней? Да я бы уже сто раз с удовольствием отсюда ушел, да по глупости подписал бумагу! Мне сказали, все ваши подчиненные такие подписывают, раз вы работаете на него... Теперь он может отобрать у маменьки и дом, и мастерскую, а они с этого кормятся!

– Подними багаж и больше никогда не швыряй, – сердито прошипел Тровенг, отпирая дверь. – Ты живешь в моем доме почти два года и до сих пор не понял, что я давно уже забрал бы у него эту расписку, если бы ты все честно мне рассказал! Как думаешь, нужен мне такой несообразительный помощник?

– Дорогой! – кротко взмолилась Дилли. – Я устала и хочу есть... Покажи, пожалуйста, где можно умыться?

– Я сам мечтаю умыться и поужинать, – еще сердито буркнул сыщик, уже чувствуя себя виноватым за несдержанность и невнимание к жене.

Все эти дни Гард не раз тайком поражался необычайному терпению и выносливости ведуньи. Она стойко переносила длительные перелеты, не канюча и не жалуясь на скуку и неудобства, не требовала ее развлекать и успокаивать, не доставала любимым вопросом всех знакомых ему дам: «Ну когда мы уже приедем?» И едва успев наскоро умыться и перекусить, снова невозмутимо залезала в крылет. Поэтому заслужила полное право намекнуть мужу, что воспитывать адъютанта сейчас несколько несвоевременно.

– Поставь сундуки тут, – приказал Тровенг хмурому воину, распахнув двери много лет пустующей гардеробной, – и иди добывать ужин. Я приду через несколько минут. Двери за тобой сам запру.

Выпроводив Майлза, советник отправился в свою ванную, ничуть не беспокоясь о Дилли: план своих покоев он нарисовал ей еще во время перелета от Лоунта до Холмора.

Как все старинные дома, особняк Тровенгов имел несколько секретов на случай мятежа или нападения врагов. Он был построен так хитро и запутанно, что никто никогда бы не догадался, что в средней части дома на втором и третьем этажах имеется несколько комнат, куда не ведет ни одна дверь, кроме потайных. Именно в этих покоях и жили хозяева. Прежде Гард обитал на втором этаже, в детских комнатах, но после смерти матушки, когда отец женился во второй раз и переехал к своей избраннице, советник занял третий этаж. В этих покоях кроме большой супружеской спальни разместились будуар, две гардеробных и две ваннных комнаты, а также уютная столовая, которой он зачастую пользовался как кабинетом.

Дилли Гард привел именно сюда, помня слова жреца об истинности их союза. Но пока очень сомневался, что она и в самом деле станет ему настоящей женой. Хотя и не отказался бы... однако даже думать на эту тему себе запретил. И тем более не собирался заговаривать об этом с ведуньей, впервые в жизни предоставив решение подобного вопроса женщине.

И не потому, что не был уверен в собственной привлекательности или обаятельности. Ничуть. Просто обостренной интуицией сыщика чувствовал, как кардинально отличается Дилли от всех его бывших любовниц и содержанок. И подозревал... да какое там, был почти уверен! – что все его стократ проверенные слова и приемы в этот раз могут сработать с обратным эффектом.

За время, проведенное в ванной и гардеробной, Гард успел обдумать неожиданную новость. И даже найти возможные причины вторжения Аксеннии, заодно просчитав план действий, поэтому входил в столовую в гораздо более благодушном настроении, чем четверть часа назад. В комнате были открыты оба окна и створки застекленной дверцы, ведущей на спрятанный за колоннами и решеткой балкон. Оттуда вливались прохлада и свежесть, сопровождаемые яростным шумом ливня и далекими раскатами уходящей грозы. Ведунья сидела за круглым столом, уже протертым ею от пыли, и невозмутимо грызла какой-то сухарик.

– Уже стучали, – сообщила она мужу и задумчиво добавила: – А та леди... не может знать про этот вход?

Гард лишь уклончиво пожал плечами. Прежде про дверь, ведущую из его личного кабинета в небольшую прихожую потайных покоев, знала только старая преданная служанка. Позже, когда в доме появился адъютант, пришлось посвятить в этот секрет и его. Однако Майлз полагал,

будто там находится семейный архив, и ни разу не выказал ни малейшего желания в него попасть.

А вот Аксенна, казавшаяся ему раньше обычной ветреной и капризной содержанкой, внезапно перешла в другую категорию женщин, показав себя интриганкой, способной на предательство и шпионаж ради каких-то неясных пока целей. Но вряд ли своих собственных. И больше всего советника сейчас злили именно беспринципность и неразборчивость в средствах прожженных властолюбцев и интриганов, спокойно использующих в грязных замыслах ограниченных, зато жадноватых девиц вроде этой комедьянтки.

Потому-то, выйдя в коридор, он на всякий случай прежде всего достал из чехла амулет, усыпляющий людей на расстоянии в несколько шагов, и лишь затем неслышно отпер секретный замок.

– Ваша светлость, – еле слышно шепнула Нитта, немолодая кухарка, внучка когда-то работавшего здесь повара, – я замкнула за собой дверь в кабинет. А за змеей следит Майлз.

– Входи, – облегченно вздохнув, кивнул граф, впуская ее внутрь, и бдитительно запер замки, яро кляня про себя незваную гостью, испортившую ему всю радость от возвращения домой.

У начальника тайного сыска не так уж много радостей в жизни, как думают многие недалекие завсегдагаи разных балов, вечеринок и пикников. Он везде чувствовал себя как на работе и нигде не мог расслабиться, получая удовольствие от обычных вещей – еды, вина, пустой болтовни и немудреных шуток. Невольно во всем пытаясь отыскать подвох и бдитительно ловя малейший намек на ложь, подкуп или ловушку. Лишь дома, среди нескольких, тщательно проверенных слуг, Гард мог вздохнуть свободно, есть, не проверяя каждый кусок, и ходить по лестницам и галереям, не оглядываясь и не опасаясь появления убийц из любого темного угла. – Майлз сказал, – осторожно входя в комнату и искоса окидывая взглядом Дилли, деликатно произнесла кухарка, – у вас гостья...

– Нет, Нитта, – с неожиданным для себя удовольствием поправил ее Гард. – У этого дома наконец появилась хозяйка, леди Андилия Тровенг. Дорогая, это наша кухарка Нитта, ее отец и дед служили здесь поварами.

– Отличная рекомендация, – мягко улыбнулась растерявшейся женщине Дилли, уже привычно добавляя шар в белую чашу весов. – Надеюсь, Нитта так же верно будет служить и нашим детям.

«Каким еще детям?..» – на миг опешил Гард и тут же с досадой закусил губу: ну разумеется, так всегда говорится. На самом деле никто не собирается рожать детей немедленно и даже ничего подобного не подразумевает.

– Всех остальных слуг я представлю тебе позже, – с учтивой улыбкой сообщил он жене, следя за кухаркой, торопливо расставляющей по столу блюда. – Когда выставлю из дома наглую аферистку. Точнее, отправлю в тюрьму – никому не позволено обманом врываться в дома и имения мирных жителей княжества. Нитта, ты ничего не слышала и не знаешь.

– Да, ваша светлость, – кивнула женщина и побежала к дверям. – Приятного аппетита!

– Спасибо, – глянула ей вслед Дилли, приступая к ужину.

По установившемуся за эти дни правилу они ели молча. Когда на обед отводится несколько минут, не до разговоров. Но теперь, утолив первый голод, Тровенг вдруг сообразил, как это неправильно. Во всех состоятельных семьях принято вести за столом легкую беседу, обсуждать новости и свои планы на вечер или на завтра. И в их семье так было до гибели матери; первые пару лет после этого ему очень не хватало тех бесед. Он даже попытался пригласить пожить троюродного дядюшку, но быстро понял неполноценность замены. Старик оказался фанатичным поклонником различных паломничеств, предсказаний и видений. И говорить мог только о них, все другие темы клонили его в сон. Благо он вскоре ушел куда-то с толпой таких же бродяг, и Гард вздохнул облегченно. Больше экспериментировать у него не было никакого желания.

– О чем ты задумалась? – осторожно осведомился Тровенг, заметив, как Дилли посматривает за окно, где постепенно стихал шум дождя.

– Об этой «гостье», – внезапно призналась она. – Тебе не кажется странным это совпадение? Наша свадьба и появление тут твоей бывшей «подружки»?

– Ты думаешь на Ланса? – прикинув, кто был в курсе их планов, прямо спросил Гард.

– Нет, на него я подумала бы в последнюю очередь, – отказалась Дилли. – Да и маги тоже не стали бы тебе помогать, если бы собирались столкнуть с покровителем этой «гостьи». Еще был

погонщик, но он слышал очень мало, и вряд ли жрецы его не проверяли. Остаемся мы с тобой, но у меня алиби, так как я не имею ни единой магической вещицы и никогда не имела. Хотя на всякий случай пользоваться меня научили, но в этот раз такой надобности не было. Выходит, донести было некому, кроме тебя самого.

– Бред... – нахмурился Гард, взглянул в полные сочувствия глаза жены и стиснул зубы. – Но как?..

– Какая-то вещица из тех, что ты носишь с собой, – пожалала она плечами. – Но лучше спросить у Ланса. И мне кажется, что шпионить за тобой с ее помощью можно лишь тогда, когда мы оказываемся вне защиты храмовых стен.

– На моем особняке тоже стоят щиты от прослушивания и подглядывания, – почти поверив в это предположение, пробормотал Гард и резко поднялся с места: – Сейчас проверю!

На то, чтобы дойти до своей гардеробной и снять все магические вещи и украшения, потребовалось всего несколько минут. Чуть дольше Гард раскладывал их по шкатулкам и ставил в сейф, попутно припоминая, где и когда получил каждый из амулетов и артефактов. И вскоре был почти уверен, что Дилли не ошиблась. Совсем недавно князь выдал ему новый амулет от проклятий в виде заколки для воротника. Причем строго предупредил, что сам получил его в дар от халгирского посла.

«Дурак деревенский!» – с чувством обозвал себя Гард, сообразив, как ловко, всего одним словом, повелитель обвел вокруг пальца своего тайного советника. Все ведь знают, что магистры ковена не признают халгирских чернокнижников и колдунов и потому никогда не показывают магам вещиц, полученных оттуда. И Гард тоже всегда придерживался этого правила, получая в дар какой-нибудь амулет.

«Трижды дурак!» – припомнив, что такой дар Сайморс делал ему не впервые, едва не застонал от горькой обиды Тровенг. Были и другие шкатулки, браслеты, наручи, вон они все лежат свидетельством его доверчивости и преданности человеку, который, как выясняется, ничего подобного не заслуживал.

Прихватив почтовую шкатулку, полученную от придворного магистра, Гард вернулся в столовую. Ведунья встретила его внимательным, ожидающим взглядом и сразу все поняла, судя по невеселой усмешке. Но ничего не сказала, и за это он был ей благодарен вдвойне. Нет ничего неприятнее, чем обсуждать с хорошенькими женщинами собственные глупые промахи.

Отправив пару писем, сыщик подтянул к себе вазу с орешками, собираясь чем-то занять время до получения ответов. Но Дилли считала иначе.

– Сейчас самое время рассказать мне про Гелиссу, – произнесла она тихо, но смотрела в глаза мужа с настойчивостью опытного дознавателя.

Впрочем, он и сам был не против объяснить ей все подробности и теперь готов был сказать много больше, чем собирался еще недавно.

– Ты права... но начать лучше с того момента, когда я познакомился с Сайморсом, бывшим в то время еще княжичем. Мне шел всего шестнадцатый год, и я был самым молодым из княжеских юнкеров. Но далеко не самым мелким и слабым, и это злило старших. В училище было правило – отправлять за вином и десертами для кокеток самых младших, а я служить на посылках не желал и не собирался. Поэтому дрался с каждым, кто, выпив пару бутылей вина, орал: «Эй, мелкота! Живо сгоняй за винишком, а то пятак начищу!» В итоге «чистить» пьяные рожи приходилось мне, ну и сидел за это в карцере тоже я. У господ юнкеров круговая порука. Дилли понимающе улыбнулась. Все брагодские дамы старших возрастов до сих пор с ностальгической тоской вспоминают те времена, когда юнкерское княжеское училище располагалось на центральной площади и по вечерам оттуда доносились громкая музыка, звон бокалов и буйный хохот юных красавцев. Теперь оно находится в полусотне миль от столицы, за высокими стенами старинного форта, а в бывшей казарме юнкеров разместились кабинеты канцелярии тайного сыска.

– Однажды, когда я скучал там, упорно уничтожая юрких тараканов, в камеру вошел новый дознаватель, по обыкновению прятавший лицо за магической маской. «Запомни, – заявил я, мельком глянув на незнакомую подтянутую фигуру, – избить меня ты сможешь, только если свяжешь магическими путями. Во всех других случаях я буду давать сдачи». «В карцере юнкерского училища запрещено бить нарушителей», – высокомерно заявил он, но я в ответ лишь издевательски расхохотался. Его глаза сверкнули яростью, и тогда, поддавшись неосознанному порыву, я задрал рубаху и показал свою спину, где поверх старых, едва

подживших следов от плетей сочилось кровью новые. «Это я сам о плетки гладился, да?» – «Я его забираю!» – рывкнул кому-то незнакомец, и, пока мы шли мимо побелевшего начальника училища, я отчетливо понял, что моя судьба сделала новый поворот.

– Вот потому ты и служишь ему не за страх, а за совесть, – догадливо вздохнула ведунья и решила немного помочь мужу: – Но все говорят, будто княжич Сайморс и князь Сайморс – это абсолютно разные личности.

– Да, – с досадой признал Тровенг. – И я понял это первым. Он кардинально изменился в ту ночь, когда, не оправившись после покушения, умер его отец. Еще вечером это был веселый, любознательный и добрый княжич, а утром мне отдавал отрывистые, скупые указания жесткий и злобный, ненавидящий почти весь народ властелин. Гелиссе в то время шел двенадцатый год, и в этот день закончилось ее детство. Ее поселили в самых дальних и защищенных покоях, окружили телохранителями и стражей, а чтобы не скучала – пригнали толпу монахинь, призванных обучить девушку всему необходимому. Именно тогда Сайморс уже заранее выбрал ей судьбу, решив выдать дочь за самого сильного из правителей соседних стран, чтобы у того была возможность защитить жену от всех случайностей.

– А она влюбилась... – снова вздохнула Дилли, жалея и княжну, и князя.

Ему почему-то никто не пояснил, что самые добрые намерения не всегда оказываются самыми правильными и надежными. Впрочем, это редко осознают родители, пытающиеся всеми силами защитить своих детей. Зато самой Дилли теперь было ясно как день, что в княжеском дворце не один тяжело больной человек, а двое, и в одиночку ей с ними никогда не справиться.

– Но Гелия хранила свои чувства в тайне, – хмуро кивнул Гард. – Хотя и хранить-то особенно нечего. Илнер служил лейтенантом стражи и видел ее только со стены во время нечастых прогулок. А как Гелисса умудрилась его разглядеть, и до сих пор никто понять не может. Но именно она нашла способ писать ему записки на стеклах солнечным зайчиком, изучив для этого зеркальное письмо. Когда отец объявил ей о готовящейся помолвке с королем Форандии, Гелия упала в долгий обморок. И, едва очнувшись, принялась рыдать и умолять отца не губить ее жизнь... Смотреть на это было тяжело и больно, но он не сдался. Тогда она попыталась сбежать – отрезала волосы и переделалась пажом. Однако снять амулетик, который повесила ей на шею еще мать, не догадалась. Разумеется, далеко она не ушла – поймали и вернули в покои, сменив прислугу и заперев на ключ. А ночью княжна заперлась в ванной и выпила два фиала сильнейшего сонного зелья, как позже выяснилось, задолго до этого украденного у бабушки. Ее вытаскивали из-за грани все магистры ковена и все же вытащили... но лишь тело и бледную тень бывшей Гелиссы. Теперь это заводная кукла: не ест, если никто не покормит, не спит, если не уложат, не гуляет, если не ведут под руки, никогда не поет и не смеется. И даже не разговаривает, хотя может.

– А что с Илнером? – с опаской задала Дилли вопрос, на который никто не знал ответа.

– Тебе я могу сказать – он жив. Но охраняется в десять раз бдительнее, чем все злостные преступники до него... – Советник схватил шкатулку, на крышке которой засветился зеленый камень, и достал записку. – Ланс летит крылетом. Нужно пойти встретить, но накинуть плащи, словно мы прибыли вместе. Он мастер придумывать убедительные легенды.

Двадцать седьмое сеноставня

Брагод, особняк графа Гарданта Тровенга

Ланберс, штатный маг тайного сыска

Блестящие в последних скупых закатных лучах гранитные портики, башенки и посадочная площадка особняка Тровенга от воды казались темнее, чем обычно, хотя Ланс не мог похвастаться, что был тут частым гостем. Пришлось несколько раз высаживаться на эту крышу, когда кархи просто не могли вытянуть еще десяти минут перелета. И всегда он сразу же уходил прочь, не решаясь даже согласиться на ужин. Впрочем, предлагался тот с такой холодной учтивостью, что положительный ответ просто застревал в горле.

– Долетели, – буркнул погонщик, сажая люльку точно в причальные сети. – Ждать нужно?

– Нет. Отправляйся отдыхать и не забудь, что привез меня из Холмора вместе с еще двумя пассажирами. – Ланс всучил карлику пару золотых монет, убедился, что до того дошел смысл важности поручения, и выпрыгнул из люльки.

Звякнул рычаг, отпуская край сети, свистнул погонщик, и кархи обреченно рванулись к краю крыши, еще не представляя, насколько им сегодня повезло.

Графская чета ждала Ланса в лестничной башенке. Сердце мага на миг захлебнулось непрошеной тоской, но он мгновенно затолкал ее куда подальше.

– Где она? – спросил деловито, не желая тратить время на пустые разговоры.

– Сидит в сиреневой гостиной. Это на втором этаже, лучшие гостевые покои. Там и ванная, и спальня, и полный шкаф одежды, – мрачно пояснил Гард, ругая себя за то, что до сих пор не задумывался о надежном способе забирать продукты у развозчиков, не впуская их дальше ворот.

– Насколько сильно ты желаешь ее наказать? – осведомился Ланс только ради того, чтобы проверить, действует ли еще недавняя простота их общения.

– Так, чтобы все ее покровители осознали опасность подобных способов шантажа.

– Тогда я отправляю Робинсу знак, они уже ждут, – невозмутимо кивнул маг и демонстративно нажал условный код на камнях почтовой шкатулки. – Будут через пять минут.

По лестнице, на которую Дилли в первый раз так и не попала, они спускались серьезно и торопливо, словно действительно прибыли лишь сейчас и жаждут поскорее умыться, переодеться и поесть.

– Ваша светлость! – громким возгласом встретил хозяина на полдороге предупрежденный заранее Майлз. – С прилетом! Желаете кушать или сначала купаться? А у нас новость... неприятная. В сиреневых покоях какая-то сумасшедшая дама... твердит, будто она ваша невеста.

– Почти жена, – гордо подтвердила уже поджидавшая на площадке эффектная брюнетка в полупрозрачном пеньюаре, явно подслушав слова адъютанта.

– Бред, – холодно бросил Гард, стараясь не смотреть на ведунью. – Я ее не знаю и знать не собираюсь.

– Как это «не знаешь»?! – оскорбленно взвизгнула кокетка. – А кто называл меня милой козочкой?!

– Ланс! – жестко рявкнул советник. – Арестуй эту шпионку. Все отобрать, поместить в нижнюю камеру, допросить по полной схеме.

Дама озадаченно смолкла, но тут же опомнилась и молниеносно размахнулась, собираясь вlepить ему пощечину. Но то ли не сразу рассмотрела, что рядом с Гардом, опираясь на его руку, стоит незнакомка в шляпке с вуалью, то ли изначально именно в нее и метила, с женской прозорливостью определив счастливую соперницу...

Тровенг слишком поздно сообразил, куда летит наглая ладошка, и всего на секунду опоздал отодвинуть Дилли. Зато она сама все поняла вовремя. И успела резко поднять руку, прикрывая лицо.

Легкий, почти неслышный шлепок уловили лишь Ланс и Гард, зато дикий визг, последовавший за ним, расслышали все в доме и за его пределами.

Рухнувшая на колени Аксенна баюкала правую руку, орала как ошпаренная и сыпала проклятиями. Ланс, хмурясь, что-то шепнул, и она тотчас смолкла, лишь беззвучно, как рыба, открывала рот и заливалась абсолютно подлинными слезами.

– Ваша светлость, вызывали? – ворвалась в зал первого этажа пятерка сыщиков под командованием Робинса.

– Да, вторжение в мой дом, попытка нападения, – сухо буркнул Гард, сворачивая к ближайшим гостевым покоям. – Ланс, выдай им распоряжения и займи любые покои. Встретимся в столовой.

Супруги вернулись на лестницу минут через пять, оставив в комнатах ненужные более плащи и шляпы, и остановились у перил, рассматривая собранных Майлзом слуг.

Кухарку Нитту, в обязанности которой кроме приготовления еды входила уборка тайных хозяйских покоев. Разумеется, с помощью особого амулета. Самого Майлза, следившего за обычной перепиской господина и его костюмами. Дворецкого Хортса, закуповавшего провизию и все необходимые вещи, надзиравшего за слугами и порядком в доме. И его моложавую жену, горничную Олиру, выполнявшую в доме всю остальную работу. Уборку, стирку и прочее, с чем она при помощи амулета справлялась в одиночку, еще успевая вместе с мужем следить за клумбами и кустами небольшого сада. Последним был привратник Полен, одновременно служивший и конюхом. Но лошадей в конюшне была всего пара, и выезжал на них граф Тровенг крайне редко. Гораздо чаще ему приходилось скакать на служебном жеребце.

– Встречайте вашу хозяйку, леди Андилию Тровенг. – Гард обвел слуг строгим взглядом. – В этом городе вам первым повезло поздравить меня с женитьбой. А это слуги, постоянно живущие здесь, – поочередно отрекомендовал он жене слегка ошеломленных домохозяев.

– Мне очень приятно узнать, что о вашей светлости заботятся преданные люди, – улыбнулась она мягко. – Но хотелось бы не встречать здесь незваных гостей.

– Извините, ваша светлость, – мрачняя, покаялся дворецкий. – Подобного больше не случится. Отныне никому не удастся проникнуть в дом таким способом. Мы уже наняли кузнеца, и он установил возле калитки ящик, где развозчики будут оставлять продукты. А мы их позже заберем через внутреннюю дверь.

– А я добавлю на ворота защиту и ключ от нее вложу только в ваши именные амулеты, – веско пообещал появившийся на лестнице Ланс. – А теперь подскажите мне, где тут столовая, пока я не рухнул в голодный обморок.

– Не очень похож ты на падающего, – насмешливо фыркнул Гард, признавая тем самым за другом право вести себя в его доме безо всяких церемоний. – Но ужин получишь немедленно. Спускайся, столовая справа, где распахнуты двери.

За ужином они весело шутили и обменивались мнениями о достоинствах блюд, а поднявшись в кабинет, вмиг посерьезнели.

– Ну, есть уже сведения? – нетерпеливо спросил Гард, проследив, как тщательно закрывает напарник окна, двери и даже камин чем-то невидимым.

– Только получил. «Гостью» к тебе подослал Фабонз, пообещав жениться на ней, если дама продержится в доме хотя бы три дня. Но мы ведь прекрасно знаем, что он обручен с племянницей князя. Впрочем, Аксенна ему тоже не поверила, взяла расписку на двадцать тысяч золотых. И это тоже подозрительно, таких денег у него нет, а если и найдутся, никогда не отдаст. Боюсь, сегодня мы ее спасли. Больше новостей пока никаких. Сейчас проверяют амулеты, найденные при ней, один очень странный, нужно испытывать на полигоне. Я успел обыскать сиреневые покои и собрать ее вещи, но ничего существенного не обнаружил, только тряпки. Все ценное она носила на себе. Гард, сейчас я схожу туда, помогу ребятам, а утром принесу отчет и одну вещицу. Но ты постарайся не ходить до этого времени к князю, даже если придет нарочных. На тебя кто-то стучит.

– Мы уже разобрались, – мрачно буркнул сыщик. – Это я сам стучал. Поверил ему, как последний деревенский лопух, еще и благодарил за заботу, а он мне каждые два-три месяца дарил амулеты в награду за верность.

– Какие амулеты? – опешил Ланс и вдруг побледнел: – Не хочешь ли ты сказать...

– Уже сказал, – горько усмехнулся советник. – Разумеется, халгирские. Ему якобы дарили в знак уважения...

– И где они? – севшим голосом осведомился маг.

– В сейфе, я все снял.

– Веди! – резко поднялся с места Ланс. – И молись всем богам, чтобы мы не опоздали.

У халгирских колдунов есть обычай делать составные артефакты. Каждая часть работает как простой амулет, а если их собрать вместе, срабатывает тайный приказ, и все сливаются в смертельно опасную вещь. Такая может легко уничтожить этот дом и парочку соседних.

– Так, может, нам лучше сбежать? – оглянувшись на Дилли, спросил сыщик. – Или хотя бы женщин отправить подальше?

– Я пока не чувствую повышения магического фона... – к чему-то прислушивался Ланс. – Идем. Если станет опасно, успеем всех увести.

Второй раз за день Гард распахивал потайную дверь перед чужим человеком, и снова не сомневался ни мгновения. Случаются иногда такие события, когда сразу становится предельно ясно, кто истинный друг, а кто просто знакомый, много лет подряд пивший твой чай или угощавший тебя своим.

А вот Сайморс вдруг раскрылся с новой стороны, и хотя все улики были против него, советнику до боли не хотелось верить в обдуманность и преднамеренность действий его княжеской светлости.

Дилли упрямо шла следом за ними, и Гард не мог найти никакого повода ее остановить, хотя у него просто чесались руки выставить неожиданную половинку за дверь и приказать ей сидеть в гостиной и пить чай так же строго, как это делали девьяноста из ста его женатых знакомых. Но граф уже начинал исподволь догадываться, что сам относится вовсе не к большинству, и пока не знал, расстраиваться по этому поводу или не стоит.

– Вот сейф, – мрачно буркнул он, добравшись до собственной гардеробной, и, повинуясь жесту напарника, вложил в его руку отпирающий замки браслет.

– А теперь постойте здесь, – категорично потребовал Ланс, отпирая двери. – И если я прикажу уходить, бегите прочь. Но слуг не забудьте, у вас будет десять минут.

– А ты? – нахмурилась Дилли.

– А я постараюсь выбросить его подальше, есть у нас такое местечко.

– Драконьи горы, – с усмешкой фыркнула ведунья и устало осмотрелась: – В таком случае я лучше посижу.

– Вот откуда она все знает? – не оглядываясь, задал риторический вопрос маг и осторожно подступил к сейфу.

Гард, отлично понимавший, что насчет побега Ланс сказал на самый крайний, совершенно невероятный случай, бережно подхватил жену под руку и отвел к широкой козетке. Усадил, заботливо подложив девушке под спину несколько подушечек, затем опустился рядом, вдруг осознав, как утомил его этот непростой день.

– Я вот думаю, – тихонько вздохнула Дилли и чуточку придвинулась ближе, почти касаясь головой надежного мужского плеча, – ведь не совсем же он дурак, наш сиятельный? Неужели не понимает, как могли бы повернуться события, если бы Гелия не была такой честной и преданной любимому? Ведь молоденькой жене вполне по силам заставить старика танцевать под свою дудку.

– Не знаю. Раньше я думал иначе, а теперь во всем сомневаюсь, – удрученно признался Гард, неназойливо укладывая ее голову себе на грудь. – Устала? Ну, допустим, он действительно считал, будто самое надежное средство усилить дружбу с соседями – это свадьба короля и Гелиссы. Хотя мы с Ранерзом давно пытаемся доказать, насколько выгоднее построить совместный проход через перевал в Сарбенское княжество. Но в последний раз князь резко велел навсегда забыть об этом и никогда не вспоминать. Иначе назначит на наши посты более сообразительных людей. И это заявление очень подозрительно... Ранерз сразу сказал.

– Ни о чем подобном я не подозревала, – задумчиво пробормотала Дилли. – Зато всем известно, что никого лучше тебя на это место не найти. Знаешь свое народное прозвище?

Гард только усмехнулся. Как можно не знать, если некоторые спесивые господа и в глаза зовут его ручным тигром князя, наивно считая, будто Тровенг воспринимает это за оскорбление?

– Это и его светлости хорошо известно, – так же задумчиво продолжала искать истину Дилли. – Но он все равно упорно продолжает стоять на своем и не перестает тебя проверять. Стало быть, кто-то неустанно льет воду на эту мельницу.

– Фабонз, – с презрением вспомнив хитрые и злобные глазки на ухмыляющейся жирной роже, нехотя буркнул советник и тут же предупредил: – Но ты ни о чем не беспокойся. Тебя я сумею защитить, а если нужно будет, отправлю в надежное место.

– Спасибо, дорогой, – произнесла она с чувством.

И улыбнулась мужу так открыто и весело, словно между ними были самые доверительные отношения, а за плечами – порядочный опыт супружеской жизни.

Советник даже дар речи ненадолго потерял, столь весомым оказалось неожиданное ощущение родства, общности интересов и семейного согласия. И пока искал, как ответить на эту пока еще шутку, с внезапной ясностью осознал, что именно такой и представлял где-то в заветных глубинах души свою семейную жизнь. Со спокойными беседами, общими интересами и заботами. Без всех тех эксцентричных выходов, нескончаемых требований, претензий и условий, какими осыпает мужей большинство великосветских леди.

А он упорно не желал иметь рядом с собой никого подобного и давно запретил привратнику впускать в его ворота всевозможных свах и немолодых дам, по утрам объезжавших по полгорода «с визитами».

– Но мне ведь необходимо встретиться с Гелией? – виновато смотрели на него серые глаза жены. – Теперь я точно знаю: кроме меня, ей никто не поможет. Но хотела бы выяснить и другое... Если она вылечится, он снова отправит ее в Форандию?

– Ковен будет против подобного решения, – выходя из гардеробной, сообщил Ланс.

Маг выглядел изможденным, на лбу блестел пот. В руках он держал три большие шкатулки, перевязанные ремнем.

– Ну как? – сразу забыв про княжну, уставился на шкатулки советник.

– Хранят тебя боги, – утомленно усмехнулся Ланс. – Их должно быть или тринадцать, или семнадцать. А у тебя – двенадцать. Я ухажу, мне нужно посоветоваться с магистром, но сначала напоите чем-нибудь похолоднее и ответьте на один вопрос.

– Идем в гостиную, – кивнул на дверь Гард и поднялся с козетки, неохотно отпустив Дилли. И тут же, остро ощутив всем сердцем незнакомую, но саднящую пустоту там, где недавно прикасались к нему ее плечо и щека, поспешил подать жене руку.

– О чем ты хотел спросить? – нетерпеливо осведомился он, когда Ланс в три глотка осушил бокал холодного морса.

– Мне сейчас пришло еще письмо. У Аксенны сломан один палец и вывихнуто два соседних... – Изумленно покачав головой, маг внезапно засмеялся: – Никогда бы не поверил, если сам всего не видел. Дилли, как это возможно? Чем ты ее ударила?

– Я же объясняла, мы никогда никого не бьем. И первыми не нападаем. А защищаемся ровно с такой же силой, с какой нас намерены ударить. И этому учимся с детства. Можем на несколько секунд собрать в той части тела, куда должен прийти удар, всю волю, превращая кожу в некий материал... вроде кости, но твердый, как сталь, и такой же прочный.

– То есть, – нахмурился, рассуждая, маг, – когда она замахнулась, твоя рука стала костяной?

– Примерно так, – подтвердила Дилли. – И двинулась навстречу удару с той же скоростью. Просто со стороны этого не видно, мое движение было очень коротким. А она била со всей силы, наотмашь, и явно делала так не в первый раз. Могу вас уверить, руки у нее тренированные и драться она умеет. У меня даже отдалось в плече. Но синяка, разумеется, не будет.

– Вот теперь я все понял, – уважительно покосился на девушку маг, поднялся со стула и спросил Гарда: – Проводишь меня?

– Конечно. – Понимая, что напарник хочет сказать нечто важное, советник пошел впереди, открывая потайные двери. – Как ты доберешься?

– Коляску уже выслали, ехать придется за город, в Аргинский монастырь. У нас в управлении нет такого полигона. – Ланс вышел на крыльцо, глянул на темное, в непроглядных тучах небо и тоскливо буркнул: – Никогда не думал, что однажды наступит день, когда я пожалею, что имею способности мага. Береги ее, Гард, тебе крупно повезло с женой.

– Неизвестно пока, – подавил огорченный вздох советник, и сам так считавший, но не имевший никаких оснований верить своей удаче.

– Дурак! – сердито фыркнул маг. – Если бы она еще ничего не решила, к тебе так не льнула бы... А!

Вихрем слетел с крыльца, пронесся по освещенной качающимися фонарями дорожке и исчез в домике привратника. Тривенг постоял, дожидаясь, пока тяжело хлопнет наружная, обитая металлом дверь, огорченно хмыкнул и пошел в дом, понимая, что Ланс, скорее всего, прав. Недаром он числится самым заядлым ловеласом. И все же, страстно желая ему поверить, ошибиться боялся ничуть не менее.

Двадцать восьмое сеноставня

Брагод, особняк графа Гарданта Тровенга

Дилли

Ведунья проснулась на рассвете, сладко потянулась, ощущая себя выспавшейся и умиротворенной, покосилась на голое плечо спавшего рядом мужчины и чуть смущенно хихикнула. Вчера у нее выдался очень непростой вечерок, хотя вряд ли ее муж об этом догадывался.

Насколько она знала, тайный советник привык встречаться с распущенными, бесстыжими красотками, для которых раздеться при совершенно чужом мужчине – самое обычное дело. Потому ее внутреннее непокорство собственному решению наверняка осталось мужем незамеченным. Хотя он и сам сильно волновался, вот это Дилли было известно достоверно. Нет, она не умела, как маги, рассмотреть или ощутить тайные движения человеческого разума и души. Ведуньям доступно другое. На несколько мгновений во много раз усилить чувствительность подушечек пальцев и легким прикосновением определить, в каком ритме бьется сердце интересующего их человека. К этому ощущению прилагаются и внешние признаки: движение рук, наклон головы, выражение глаз, изгиб бровей, дрожание губ и ресниц. А набранный во время учебы опыт позволяет безошибочно распознать просто волнение и тревогу, страх и ярость, ненависть и безразличие.

А Гард, вернувшись в спальню, был насторожен и натянут как струна. И по всем признакам, которые не смог от нее скрыть, боялся грядущего больше, чем сама Дилли.

Сейчас ей совершенно непонятно, откуда, из каких неосознанных глубин женской мудрости проросло в тот момент и вмиг созрело в ее душе убеждение, как сильно она позже пожалеет, если немедленно не найдет таких слов, какие примирят их обоих с неизбежностью, а главное, с правильностью уже сделанного выбора.

– Гард... – смущенно краснея, тихо произнесла Дилли, исподтишка рассматривая замершего посреди ковра босоногого мужчину в длинном черном шелковом халате, – если ты считаешь, что жрецы превысили свою власть, предупредив нас об истинности союза...

Ведунья смолкла, искренне не желая объяснять подробнее и без того понятный намек, но ей и не пришлось.

В два шага неожиданный муж оказался рядом, стиснул ее в объятиях, прижал к себе крепко и уверенно. Настолько сильно, что никаких сомнений в его желаниях у Дилли больше не осталось.

Но Гард, уже подняв жену на руки, спохватился и все-таки спросил:

– А ты... как полагаешь?

– Я верю в их мудрость, – кратко призналась она, понимая, насколько непросто дался ему этот вопрос.

Воспоминания изогнули губы ведуньи в смущенной, но счастливой улыбке, а в следующий миг она бесшумно, мышкой выскользнула из-под легкого одеяла и сбежала в свою гардеробную. И вскоре уже развешивала по вешалкам и манекенам платья, юбки и блузки, выбирая наряд на сегодняшний день.

Дилли не просто догадывалась, она была почти уверена, что князю уже донесли о возвращении советника, и, едва проснувшись, он потребует Тровенга к себе. И тому неплохо бы без промедлений объявить правителю о женитьбе, а еще лучше – предъявить ему супругу.

Но это не ей решать, зато быть готовой к любому повороту событий ведунья просто обязана. Дилли оглядела свой новый гардероб и понимающе усмехнулась. Теперь, когда все наряды висели перед ней, как на витрине модного салона, сразу становилась видна объединяющая их деталь. Неизвестно как, но маги делали эти платья именно для нее. Ни одно не имело откровенного декольте, изобилия оборок, пышной пены кружев, ярких расцветок, блестящих и шуршащих тканей. Не было и драгоценных камней с жемчугом, столь любимых купеческими женами и молоденькими ветреницами. Зато ткань портные ковена выбрали самого лучшего качества: тяжелые матовые крепы и ласковый, тонкий бархат юбок и платьев, нежные полупрозрачные шифоны строгих блузок, темных накидок и туманно-неярких шарфов. Большую часть нарядов украшала неизменно изящная, просто виртуозная вышивка шелком, идеально подобранным в цвет каждой вещицы. Все узоры гармонично дополняли фасоны, Дилли не увидела ни единого лишнего завитка. И одновременно они не казались назойливыми, девушке крайне редко приходилось видеть одежду, где шитья было столь же в меру. Но лишь рассмотрев все детали, ведунья обнаружила последнюю тонкость, тщательно и надежно спрятанную от посторонних глаз за прекрасной работой. Во всех нарядах присутствовал элемент узора, который теперь, зная секрет, она находила почти мгновенно.

Значит, это метка для посвященных, и теперь ведунья не сомневалась, что магистры приставят к ней кого-то присматривать. Но сердиться или оскорбляться и не подумала. Разве это плохо, когда у тебя появляются такие мощные союзники и защитники? Тем более не назначившие загодя ни цены, ни условий своей помощи.

Припомнив страсть князя к кровавым оттенкам, Дилли решительно сняла с вешалки креповое платье серо-зеленого цвета. Махнула гребнем по коротким, всего по плечи, волнистым волосам и, прикалывая заранее красиво заплетенную косу, неволью усмехнулась, снова вспомнив вчерашний вечер и легкую досаду мужа, которую тот не смог скрыть, обнаружив, что роскошных локонов до колен в приданом жены не имеется. Ничего, позже, когда над ними не будет висеть зловещая тень охотников за ведуньями, Дилли за месяц отрастит любые косы. Хотя давно поняла, насколько неудобна в жизни подобная русалочья красота.

Ведунья придвинула ближе ларец с серебряными и черепаховыми гребнями, завораживающими сложной изящной резьбой, подумала немного и выбрала самое темное костяное украшение. К ее прическе оно подходило больше всего, придавая строгости и величия одновременно.

– Дилли... – раздался за дверью встревоженный голос советника, – с тобой все в порядке?

– Да! – Сообразив, что потратила на разбор вещей и переодевание почти два часа, девушка торопливо махнула за ушком душистой водой и открыла дверь: – Доброе утро! Ничего не случилось?

– Кроме того, что у меня пропала жена? – притягивая ее в объятия, с деланным недовольством осведомился Гард. – Так, какие-то мелочи. Магистры прибыли, сидят с Лансом в столовой, облизываясь на пироги. Пришел срочный вызов от князя...

– Так и думала, – вздохнула Дилли, – что ему уже накрутили рога. Но ехать придется.

– А может, тебе туда не нужно? Скажу, что ты устала, приболела... – разочарованно покосившись на строгое декольте, испытующе уставился на жену Гард.

Он даже представить прежде не мог, с каким удовольствием будет мысленно произносить это простое слово – «жена». Как неожиданно, летней грозой обрушится на него намеченная на необозримое будущее женитьба, и почти незнакомая женщина как-то вдруг, почти в одночасье, станет не просто нужной, а безмерно необходимой и родной. И так страшно стало внезапно за нее, как не тревожился он ни за одного из друзей и напарников в самых безнадежных ловушках.

– Гард, – всем телом ощущая беспокойство мужа и надежду на ее согласие, Дилли кротко заглянула в черные глаза, – давай посоветуемся с магистрами... Наверняка они пришли не с пустыми руками?

– Хорошо, – отлично понимая, что не имеет никакого права отказывать ведунье в том, ради чего она и вышла за него замуж, покорно кивнул Гард и осторожно притянул ее еще ближе, не собираясь оставаться без положенного ему поцелуя.

Хотя не менее четко осознавал, насколько незаслуженно пока его желание. Каким бы способом ни перепал ей титул и наследство, Дилли была вовсе не бедной аптекаркой, и ухаживать за ней полагалось по всем правилам и не менее трех месяцев. За это время жених обязан был всячески показывать и доказывать собственные достоинства и поддерживать интерес невесты ежедневными букетами и подарками.

А ему жена досталась без всех этих выкрутасов, как внезапный дар небес, и за это Гард был благодарен судьбе вдесятеро. Ему никогда не хватало бы времени на непременно прогулки, посещения театров, пикников и балов.

Запястье кольнул сигнал пришедшего вызова, и Гард с изумлением обнаружил, что уже сидит на круглой подставке для манекена, с непонятно когда очутившейся на руках женой.

– Князь начинает злиться, – вздохнул он в ответ на вопросительный взгляд серых глаз. – Может, послать ему просьбу об отпуске?

– Посылай, тогда я начну снова упаковывать платья, – оценила шутку Дилли. – Поживем лет десять в Серанзии, пока он успокоится.

– Я бы не против, – огорченно фыркнул Тровенг, нехотя выпуская ее из объятий, – но без меня он еще хуже запутается.

– Это ты верно сказал, – неожиданно серьезно поддержала ведунья, ловко поправляя строгую прическу. – Князь запутался. И, скорее всего, ему кто-то очень сильно в этом помог. Идем?

– Да. – Подав жене руку, Гард повел ее к внутренней лестнице на второй этаж и, пока вел к выходу, выдавал пояснения: – Тут детские комнаты, но можно будет поселить любого, кого ты захочешь спрятать. А здесь потайной проход в спальню «законных» хозяйских покоев, и двери связаны сложным механизмом. Когда открыта потайная в скрытые помещения – накрепко заперт вход из гостиной. А если открыта дверь оттуда – невозможно отпереть секретную.

Он выдал Дилли ключи и для надежности пару раз показал, как действует система запоров. Она внимательно смотрела, хотя, как обычно, запомнила все с первого раза.

А затем, самостоятельно заперев двери, уверенно положила руку ему на локоть.

– Я готова идти в столовую спасать оголодавших магов, – объявила важно, но улыбнулась так мило, что Гард почти всерьез пожалел о невозможности хоть на месяц сбежать в отпуск.

Да какой месяц – хоть декаду, хоть пяток дней, за все те годы, когда он работал, даже не задумываясь ни о каком отдыхе.

Двадцать восьмое сеноставня

Брагод, дворец князя Сайморса Онзирского

Гард

– Лучше крылетом, – безапелляционно заявил Ланс, как только они обсудили самые важные новости.

Хотя ничего нового Дилли не услышала, а маги, если и знали что-то особое, пока держали это в секрете. Но и того, о чем она уже догадывалась, было достаточно, чтобы осознать очень неприятную истину.

Фабонз с сообщниками планировали тихую смену власти. Первый советник князя по финансам намеревался жениться не на троюродной племяннице правителя, а на Гелиссе, и у него уже почти все было готово. Все, кто требуется, подкуплены обещаниями будущих должностей и благ или припугнуты неминуемыми карами. Тех, кто не продавался и не готов был предать, постепенно устранили. Одних сослали в приграничные города или на каторгу, другие сидели по монастырям и тюрьмам. Оставался лишь Тровенг, портивший грандиозные планы заговорщиков своей верностью князю, неподкупностью и недосыгаемостью.

Его не получалось ни отравить, ни оклеветать, он не брал взяток и не шел ни на какие компромиссы. Вот тогда заговорщики и решили удалить его вместе с преданными напарниками

и подчиненными, всучив роковой круг медальонов. Последний, тринадцатый, принесла в дом Аксенния, но не успела ему подарить или подложить в кабинет, где, по доносу Майлза, якобы находился сейф с самыми ценными вещами. Разумеется, адъютант понимал, чем рискует, если его ложь раскроется, но судя по упрямому горькому взгляду, которым он ответил Гарду на этот вопрос, адъютант уже перешел ту черту, за которой можно было управлять им с помощью запугивания.

Встречаются такие люди, которым однажды надоедает бояться, и с того момента они готовы на все, лишь бы не трястись перед гнусными рожами подлецов за свою жизнь или судьбы близких. Майлзу назначили домашний арест, который, судя по количеству поселившихся в особняке Тровенга магов, скорее был заботой о его неприкосновенности, и адъютант, безусловно, это понял.

– А родители? – спросил, скорбно сжав губы.

– Мятажникам скоро будет не до тебя и тем более не до твоих родителей, – успокоил его суровый магистр, откликнувшийся на странно короткое для мага имя – Звен.

– Он потомственный маг, – мимоходом пояснил напарнику Ланс, усаживая супругов в крылет, – поэтому имя у него слишком длинное... как у Дилли. Вот мы и сократили, а Звен не спорит.

До дворца князя крылет долетел за пять минут, и все это время, пользуясь удобством подаренной посуды, Гард упорно объяснял жене, как она должна себя вести в случае нападения. Хотя маги твердо пообещали не оставить их без помощи.

– Вообще-то мы стараемся не вмешиваться в дела правителей, – сухо признался Звен. – Ни в их смещение, ни в становление. Считаем это таким же естественным процессом, как смена времен года. Ведь если долго помогать какому-нибудь князю или королю, то со временем он обязательно начинает считать себя чуть ли не божеством. И не замечает, как все менее волнуют его заботы народа и все сильнее становится связь с приближенными льстецами и блюдолизмами. Но сейчас особенный случай – задеты интересы редкой категории людей, которые и без того выживают с трудом. Я говорю о ведуньях, ковен решил взять их под свое покровительство. Совершенно безвозмездно, не волнуйтесь, Тандилиана. Но будем надеяться на дружбу... или хотя бы на доверие.

– Не мне это решать, – тихо, но твердо ответила Дилли, и маг согласно кивнул:

– Я понимаю. И ни на чем не настаиваю, просто говорю: если кому-то понадобится помощь, пусть просто скажет любому магу твое полное имя.

– Запомнила? – вырвал ведунью из размышлений голос мужа.

– Да. Не волнуйся, я не воин и никогда на стены не полезу. Себя береги, ты у них как кость в горле.

– Спасибо... – Гарду очень хотелось сказать что-нибудь особое, ласковое, но не затасканное вроде дежурного, ничего не значащего «дорогая».

Однако ничего придумать так и не успел. Легкий рывок и скрип сетей по днищу люльки доложили, что недолгий полет уже закончился и им пора приступать к одобренному магами плану.

Но и ему не суждено было исполниться. Из-под навеса для кархов выступило несколько вооруженных мужчин в темных одеждах, какие носили лишь телохранители Сайморса. Они умело окружили советника с супругой и повели вниз. Кабинет князя располагался в центральной башне дворца. Не самое лучшее место, если пожелаешь полюбоваться видами сада и проточного пруда, но идеальное с точки зрения безопасности. Туда не долетит ни стрела, ни болт, а от магических снарядов установлена мощная защита.

Гард шел уверенно, крепко держа Дилли за руку, и бдительно следил за ней, готовясь подхватить или поддержать, если девушка оступится или поскользнется. Сайморс запретил в этой части дворца застилать коридоры и залы коврами и шкурами, предпочитая издали слышать звук приближающихся шагов. Простая мысль, что любой злоумышленник может надеть меховые зимние сапоги или просто обвязать обувь тряпками, ему в голову почему-то не приходила.

Шли довольно долго, сначала вниз, затем, через несколько залов, до лестницы на третий этаж, далее снова по коридорам, галереям и залам до дверцы, ведущей в центральную башню. И снова вверх по лестнице, на этот раз каменной, заключенной между двух глухих стен, наружной и внутренней, в которой время от времени попадались тяжелые дверцы спрятанных в центре башни келий и камер.

Перед последней дверью сопровождавшие остановились и, расступившись, пропустили советника со спутницей внутрь.

Гард совершенно инстинктивно придержал жену, входя в комнату первым, хотя и не сомневался, что Сайморс ее уже увидел. И уже что-то понял... или придумал, и теперь это мнение будет для князя важнейшим. Пока Тровенг не подтвердит его правоту или, наоборот, если не повезет, не попытается развеять неверное суждение. Но ему придется очень постараться, так как князь считает себя весьма и весьма проницательным, а на самом деле неизмеримо упрямым.

Но во всех случаях первое впечатление для него всегда будет значимее, чем доказанная другими истина.

– Где ты был столько времени? – не ожидая приветствия, подозрительно прошипел князь, в упор глядя на советника прищуренными, злыми глазами.

– Выполнял твою волю, сиятельный, – спокойно, с чувством собственного достоинства произнес Гард, отвечая правителю твердым взглядом уверенного в своей правоте человека. – Проверил сведения о ведуньях.

– Почему не предупредил? – Сайморс явно накручивал сам себя или его уже кто-то накрутил.

– Сообщение было срочное, я опаздывал. А ваша княжеская светлость как раз отправилась на охоту.

– А может, ты нарочно дождался, пока я туда уеду? – Подозрительность, почти незаметная в характере молодого князя, с годами стала одним из основных качеств его нрава.

– У меня осталось срочное письмо начальника отдела дознания, – оскорбленно вскинул голову Гард. – Но с каких пор мне вменено в обязанность докладывать о каждом своем шаге? Когда и где я предал дарованное мне доверие и право поступать по собственному усмотрению?

– Так это ведунья? – словно не расслышав вопроса, князь перевел мрачный взор на Дилли: – Подойди сюда, женщина.

– Это моя супруга, леди Андилия Тровенг, – заступая ей дорогу, строго сообщил Тровенг. – В Лоунте я нашел девушку, которую давно мечтал назвать женой, и жрецы храма провели обряд.

– Ты женился? – Князь и не собирался скрывать недоверие и недовольство. – И не попросил у меня совета?

– Когда понимаешь, что наконец-то нашел свою половинку, исчезает всякая необходимость проверять себя. – Гард говорил о чувстве, которого еще не испытывал в Лоунте, но ни грана не опасался, что Сайморс поймает его на лжи всегда висевшим на княжеской груди амулетом. Зато она пришла позже, эта уверенность в несомненной правильности сделанного шага. Пусть пока еще была робкой и несмелой, как первый язычок пламени, лижущий сучья будущего костра, но теперь ни один амулет не уличит его в обмане.

– А ведунья? – опасно блеснули гневом глаза правителя.

– Я ведунья, – спокойно сообщила Дилли, выйдя из-за спины мужа.

Князь смотрел на нее несколько секунд подозрительно прищуренными глазами, и его лицо медленно наливалось пурпуром в цвет камзола и обстановки.

– Но я приказал найти ведунью для меня... – скрипнул зубами Сайморс, и на его скулах заиграли злые желваки, – а не жениться на ней!

– В задании шла речь о ведунье для княжны Гелиссы, – нахмурился Гард. – И моя семейная жизнь никак не может помешать моей супруге Андилии Тровенг побеседовать с ее светлостью Гелиссой.

– Прежде чем подпускать к дочери неизвестно кого, я должен был убедиться, что это не шарлатанка и не самозванка! – зло процедил Сайморс, и Дилли едва заметно усмехнулась. Ни одно из этих слов не было правдой. А вот чуть ранее князь был весьма искренен в своей отчаянной ненависти, и это наводило на очень неприятные догадки. И хотя бы одну из них ведунья должна была проверить немедленно, иначе ей нечего делать в этом замке.

– Ваша княжеская светлость... – бесстрашно шагнув к правителю, кротко улыбнулась Дилли, – вас нагло обманули, уверяю. Ни у кого в нашем мире нет способа проверить ведунью на подлинность. Лишь мы сами, если пожелаем, можем доказать собственную истинность. С минуту князь раздумывал, сверля женщину тяжелым, изучающим взглядом, затем проскрипел:

– Сначала поясни мне, как ты собираешься лечить мою дочь?

– А разве вас не предупредили, – изумленно приподнялись каштановые, слегка изломанные брови графини Тровенг, – что ведуньи – не целительницы, не знахарки и не травницы? И никого ни от чего не лечат. Все, что я могу, – это поговорить с княжной и определить, безвозвратно потерялся в сумраке ее разум или его можно вернуть.

– Но ты же не целитель? – неверяще процедил князь, явно задетый ее вопросом. – Тогда как определишь, что у нее в голове?

– Мы храним мудрость прошедших веков, – мягко улыбнулась Дилли, сообщая ему ни к чему не обязывающие сведения. – А предки наши не были ни глупы, ни беспечны, как иногда кажется нам. Они были внимательны и памятьливы, многое примечали, многое перенимали от отцов и дедов. Иначе бы не выжили. И потому до нас дошли некоторые способы вызвать интерес у людей, почти безвозвратно ушедших в мир собственных грез.

Объясняя все это, девушка незаметно приближалась к высокому креслу охваченного необычайным волнением князя. Ей хотелось всего лишь словно невзначай прикоснуться к нему пальцем, проверить, какие чувства он прячет за уверенной маской холодной заинтересованности.

Хорошо знавший правителя Гард, не видя и грана его искреннего расположения, следил за женой со все возрастающей тревогой, но, помня об их уговоре, вмешаться в беседу пока не решался.

И когда Дилли, словно в задумчивости, сделала легкий взмах рукой, сразу понял, что ведунья попала в ловушку. Взревев бешеным тигром, советник прыгнул вперед, но возникший на пути мощный щит с силой отбросил его к стене. В следующий миг тонко и пронзительно звывла тревожная сирена, и трон вместе с крепко вцепившимся в Дилли князем ухнул куда-то вниз.

Тотчас мягко и бесшумно сомкнулись над отверстием выскользнувшие с боков крышки потайного люка, словно челюсти, сожравшие едва обретенную Гардом надежду на счастье. Он ринулся на них, не встретив на этот раз никакого сопротивления защиты, яростно попрыгал на кажущемся обычным полом люке и, с растущей безнадежностью понимая, насколько бессмысленна его попытка, метнулся к выходу.

Но выйти не успел, столкнувшись на пороге с Лансом и его напарниками, переодетыми в форму княжеских егерей.

– Что? – окинув кабинет стремительным взглядом, рявкнул маг, и его зубы скрипнули так же яростно, как совсем недавно у князя.

– Ловушка. Они провалились в потайной люк, – протискиваясь мимо друга, торопливо пояснил советник и кинулся по лестнице вниз, обходя бегущих навстречу людей.

Пока они с Дилли отвлекали князя, подчиненные Гарда вместе с магами сменили охрану дворца. Не всю, разумеется, где-то в дальних комнатах и проходах Сайморс прятал верных телохранителей, не открывая их имен даже тайному советнику.

Впрочем, за последние десять лет тот и сам почти всех вычислил и нашел кучу тайных местечек и дверок. Все деды и прадеды Сайморса к старости страдали паранойей и потратили многие годы и кучу денег на устройство всевозможных хитростей, призванных спасти хозяев замка в самых тяжелых ситуациях.

Но сейчас его княжеской светлости не от кого было спастись, и воровать ведунью, добровольно пришедшую помочь, тоже не было нужды. Значит, князь задумал нечто особенное, не укладывающееся ни в какие логические объяснения. Либо попался в коварно и хитроумно приготовленную ловушку.

Гард остановился у первой попавшейся дверцы, выхватил связку отмычек и принялся торопливо подбирать их к массивному врезному замку.

– Не здесь! – крикнул, пробегая мимо, Ланс. – Маячок отзывается снизу, но стремительно удаляется на север.

– Какой маячок? – рычал Тровенг, нагоняя друга. – На нее ведь нельзя вешать никакие заклинания!

– Зато на князя можно, – буркнул маг, сворачивая в первую же галерею. – Поверху быстрее догоним.

Вырвавшись наконец из тесного лестничного пространства, Гард понесся так, словно за ним гналась стая разъяренных волков, но маги один за другим обгоняли его и уходили вперед. Советник знал, в чем дело: они использовали особое заклинание, на некоторое время

придающее человеку особую силу и скорость. Могли бы кастовать и на него, но предпочитали не тратить попусту драгоценных минут.

И это было весьма обидно, хотя и верно по сути. Сейчас важнее, чтобы хоть кто-то догнал князя, задержал его до подхода помощи. А это доступно только пришедшим с Лансом магистрам. Слабые маги и ученики в сегодняшней операции не участвовали.

Стараясь не выпускать из виду поочередно обгонявших его единомышленников, Гард мчался из последних сил, пока не начал задыхаться. Лишь ощутив, как потемнело в глазах, он приостановился на несколько секунд, намереваясь глотнуть зелья и сбросить парадный камзол. Кто-то из магистров чуть задержался рядом, и Тровенг вдруг ощутил, как его обдало сначала жаром, потом прохладой. Почти сразу перестало колоть под ребрами, исчезла изо рта сладость и сухость. Затем появилось ощущение невероятной бодрости, и он помчался дальше, с непривычки врезаясь на поворотах в стены и задевая бросавшихся врассыпную слуг и домочадцев.

«Еще повезло, – мелькнула едкая мысль, – что толпу придворных бездельников пускают во дворец лишь ко второму завтраку». Впрочем, возможно, сегодня их и вовсе здесь не будет. Гард не удивился, когда проем очередной двери вывел его на мостик, соединяющий дворец и галерею, проходящую по верху замковой стены. Ею пользовались только стражники, обходившие ночью княжеский дворец и проверяющие охрану стен и ворот. Последний из магов уже начал спуск со стены по призрачной лестнице, и Гард прибавил скорости, опасаясь, что его оставят наверху. Но маг терпеливо ждал и, едва Тровенг сравнялся с ним, схватил советника в охапку, как непослушного малыша, и прыгнул вместе с ним вниз, на далекий отсюда берег приречной бухточки.

Засвистел в ушах ветер, растрепал потерявшие шнурок волосы, раздул влажную на спине рубаху и тотчас стих. Они мягко, как в перину, опустились на прибрежный мусор, и тотчас оба вскочили и помчались по свежепротоптанной во влажном песке цепочке следов.

– Куда же его понесло?.. – только теперь задумался Гард, рассмотрев толпившихся на яркой, нарядной пристани напарников и магов, и оледенел, не обнаружив среди них серо-зеленого платья ведуньи.

Сердце кольнула острая, нестерпимо горькая боль, отдалась в висках, сжала безжалостной рукой горло, но он не остановился ни на миг. Продолжал бежать изо всех сил, уже понимая, как напрасно спешит, и все же истово надеясь на неведомое, небывалое чудо.

– Ушли на зачарованной барке, – тихо доложил встретивший его на причале Звен. – Судя по всему – халгирской. Она усилена артефактом скорости и скрыта под невидимостью. Князя тоже увезли. Мы уже отправили письма своим собратьям, сейчас они закрывают границу с Форандией. Как ты понимаешь, миновать королевство халгирицы не сумеют. Но что произошло? Почему он вдруг решился на этот план?

– Я готов открыть разум, – безразлично буркнул Гард и вдруг остро взглянул на магистра, – но за это вы возьмете меня с собой.

– Прости, но ты пока еще не все знаешь, – сочувственно качнул головой Звен. – Мы успели арестовать Фабонза и трех знатных предателей, они с рассвета заседали в нижнем кабинете князя и делили посты и княжеское имущество. С Гелиссой сейчас целительницы... Княжна пыталась повеситься, после того как ей сообщили, что жрец княжеской часовни получил от советника Фабонза приказ готовиться к свадебному ритуалу. Княжну пришлось усыпить.

– Он сошел с ума... – пробормотал Тровенг, ясно осознавая, что не может найти никакого логичного объяснения внезапному поступку своего правителя. – Вы хоть что-то понимаете?

– Только одно, – печально глянул на него магистр. – Под солнцем снова появился идиот, желающий править всем миром.

Это было серьезное заявление, и Гард не собирался его оспаривать. По крайней мере, до тех пор, пока сам не осмыслит спокойно все детали и полученные сведения и не сделает точных, логически выверенных выводов. Не так уж много на свете сфер человеческой деятельности, которые нельзя было бы объяснить с помощью логики. Особенно если знаешь все предпосылки и подноготную внезапно совершивших странный поступок людей. Тем более когда дело касается политики. Если один из правителей вдруг начинает совершенно необоснованно поносить собрата по должности, можно не сомневаться – он уже присмотрел во владениях того лакомый кусочек.

Однако Гарда сейчас совершенно не волновали ни политика, ни амбиции соседей. Да и некому там покушаться на среднее по размеру Онзирское княжество, занимавшее обширную долину полноводной в нижнем течении Ресны. С юга у них лишь обширные плавни и протоки впадающей в залив реки, за которой раскинулись с севера Сарбенское и Уголенское княжества, с запада в соседях – небольшое спокойное герцогство Терази, а южнее его – ханство Серанзия. С востока княжество граничит с богатым королевством Форандия, отгороженным от полуострова Халгир почти непроходимым Поднебесным хребтом. Перевалы, через которые можно попасть в Халгирское ханство, известны наперечет, и на всех с незапамятных времен стоят надежные заставы. Халгирцы издавна считались воинственным и пакостливым народом, предпочитающим украсть или отобрать, а не заработать честным трудом. Хотя судьба к ним благоволила: полуостров омывали теплые воды южного океана, богатого всевозможными морскими дарами, предгорья Поднебесных отрогов заросли густыми ореховыми и абрикосовыми рощами, где кормились стада диких коз и полчища кроликов. Но чужой кусок хлеба всегда казался нетерпеливым, непоседливым халгирцам слаще своего.

Они и в магии были такими же. Обнаружив у себя способности, не хваталась за умные книги, не пытались научиться собирать и копить энергию, чтобы тратить разумно и бережно. Им все нужно было немедленно. Пригрозив более слабым соседям сжечь дома или разнести ветром урожай, зарабатывали первую прибыль и приобретали простейшие амулеты и ритуальные предметы. Бубен, шапку с клыками крокодилов и павлиньими перьями, ожерелья из костей и посох, увешанный всевозможными побрякушками. Все, новый шаман готов получить за свои весьма спорные услуги звонкую монету. Со временем амуниция, амулеты и услуги шаманов становились все дороже, но лишь единицы достигали настоящего мастерства. Вот эти-то шаман-ханы уже не представляли жизни без наглого обмана и незаслуженных доходов.

И судя по всему, именно их Звен подозревает в похищении Сайморса и Дилли?

Но для чего шаманам понадобилось с такими усилиями воровать ведунью, а тем более князя, уже отдавшего вотчину будущему «зятю», Гард никак не мог представить. Хотя он пока не мог и поверить, будто упрямый до самодурства Сайморс действительно отдал Фабонзу княжну добровольно. Слишком давно Тровенг жил рядом с князем, знал его привычки и пристрастия как собственные, зачастую предугадывал заявления и решения правителя, чтобы верить в подобную глупость.

– Но зачем халгирцам Сайморс? – почти мгновенно разложив в уме все эти соображения, неверяще уставился на магистра советник.

– Ты прав, князь им совершенно не нужен. Им нужно княжество. И не затем, чтобы править разумно и заботливо. Ничего подобного они и в страшном сне не видят. Просто мечтают назначить своего наместника и качать с нас дань.

– А Сайморс... – ощутив скользнувший по спине холодок ужаса, пробормотал Гард, уже и сам успевший сделать простой расчет.

– Если ему повезет... – Звен многозначительно помолчал, потом сухо закончил: – Останется в живых. А теперь постарайся выслушать меня спокойно. Мы сделаем все, понимаешь, ВСЁ, чтобы освободить и вернуть ведунью, я сам пообещал ей защиту. А ты останешься здесь, во дворце Сайморса, и сделаешь все возможное, чтобы избежать смут и мятежей. О князе можешь сказать, будто срочно улетел в Мойанский монастырь проведать княгиню, а тебя оставил следить за порядком. Настоятельница это подтвердит, Лестения действительно при смерти, письмо я отправлю. О финансовом советнике и его подельниках можно говорить правду: пытались сместить князя, теперь сидят в казематах, беседуют с дознавателями.

– Кого-нибудь из магов со мной оставишь? – сквозь зубы спросил Тровенг, не хуже самого магистра понимавший, что это единственно верный способ сохранить в стране мир и покой. Его знали и ему верили, иногда даже больше, чем самому князю, и ни грана не сомневались, что он ничего не пообещает ничьим шпионам и посланникам, без нужды не потратит ни одного золотого из казны.

– Ты хотел бы Ланса? – испытующе глянул маг, уже доставший почтовую шкатулку.

– Он мне друг и понимает с полуслова. – Признание далось советнику легко, теперь он и сам осознал, как давно Ланс заслужил это звание.

– Это драгоценные слова, – взор Звена потеплел, – я его пришлю. А тебе пора ехать, вон и коней уже ведут.

– А посмотреть проход? – Гарду почему-то казалось, что он обязательно найдет хоть что-то, оставшееся от жены. Может, гребень или лоскут платья... о записке смешно даже мечтать.

– Там пусто, поверь. Только его трон внизу. Он упал в кучу сена, прикрытую со всех сторон щитами. А потом их несли на носилках особые рабы, халгирцы поят их зельем ускорения. Остались лишь следы их плетеных сандалий.

Гард кивнул, спрятал тяжелый вздох и легко вскочил на спину подведенного ему коня. Звен мудр, опытен и, разумеется, во всем прав. Но вот сердце почему-то упорно тянет в темный лаз, внезапно открывший беззубый, страшный рот неподалеку от нарядной пристани для легких прогулочных яхт.

Первое светозарня

Заброшенный хутор в приграничном лесу

Дилли

– Выпей. – Ведунья прижала березовый туесок к губам князя, и тот начал потихоньку сосать кисленькую жидкость.

– Зачем? – Его хриплый шепот был невнятен и бесцветен, как промозглый дождливый день за крохотным открытым оконцем.

Все остальные эта невероятная женщина и сама открывать не собиралась, и ему запретила. На всякий случай, разумеется. Пока еще Сайморс не только окна распахивать, но и по нужде сам дойти не мог.

– Зачем я тебя спасла? – негромко осведомилась ведунья, продолжая ловко скоблить щепкой неизвестно где найденные ею грибы. – Ну так ведь это же ясно. Чтобы мой муж потом допросил тебя со всей строгостью. Ты же теперь предатель, и им придется решать, как с тобой поступить. В монастырь отправить, куда ты молодую жену сослал, или женить на девяностолетней герцогине Терази, как тебе приспичило женить на бедной Гелиссе старого короля.

– Замолчи... – зашипел князь, подавившись настоем.

– Да ради чего? Тут я хозяйка, а ты гость, к тому же мой должник. В прежние времена спасенные от смерти становились рабами своих спасителей, и я думаю, это очень неплохое правило. Раз ты сам не можешь ценить и беречь свою жизнь, значит, она должна принадлежать тому, кто все это умеет. Так вот, с вопросом, зачем я тебя спасаю, таскаю на горшок, кормлю и пою, все очень просто. Чтобы ты потом ответил перед народом за свои интриги.

Дилли нарочно дразнила пациента, заставляя злиться и думать, как он будет ей мстить. Ему просто нужен какой-то повод, чтобы бороться за жизнь, и месть в этом случае – самое действенное. Любви он давно ни к кому не испытывал, обязательств ни перед кем не чувствовал, по крайней мере, настолько сильных, чтобы заставить подняться с постели его избитое, почти калечное тело.

Халгирцы собирались утопить пленника в первый же день, точнее, в первые же часы после похищения. Уже даже запасной якорь к ногам Сайморса привязали. Шаманы стремительно гнали по речке свою темную, окутанную туманом невидимости лодку, стремясь побыстрее вывернуть в широкую Ресну, где так легко затеряться между всевозможных судов, а князь, внезапно осознавший, как его провели, все никак не смолкал, поливая похитителей отборной руганью. А еще требовал дать воды, развязать руки и вообще освободить. Да еще и угрожать додумался. И это достало заносчивых, самоуверенных халгирцев до самых печенок.

– К шайтанам выкуп! – рывкнул обозленный до предела вожак. – Брось его в их любимую воду, Акат, пусть напьется досыта!

– Топите быстрее, – мгновенно «обрадовалась» ведунья и мечтательно закатила глаза: – С меня снимется клятва верности, как только он захлебнется...

– Стой! – заорал, спохватившись, халгирец. – Не топи! Просто успокой!

«Просто» успокаивали они действительно без затей, врезали по голове дубинкой, и Сайморс рухнул плашмя на почерневшую от жира и грязи, пахнущую тухлой рыбой палубу.

Дилли в тот миг могла лишь с искренним разочарованием вздохнуть и демонстративно отвернуться. Круглым дураком князь, конечно, не был, но вот житейской хитрости не имел ни капли. Рассудительный человек подумал бы заранее, на что способны спасающиеся от преследования отчаянные халгирцы. Только самый последний глупец, сидя на корме со спутанными заговоренными арканом руками и ногами, может оскорблять своих свежобретенных хозяев и угрожать им всем тем, чего уже лишился.

Вот с того самого момента Дилли убедилась окончательно, что думать, как спастись, ей придется самой. Причем бросить князя на произвол судьбы она просто не имела права. И дело вовсе не в том, что он знал слишком много важных тайн. Неизвестно, что творилось сейчас во дворце, но если ей случится вернуться одной, обязательно найдутся люди, готовые обвинить ведунью в самых неприглядных деяниях, вплоть до сговора с халгирцами.

Лодка двигалась все медленнее, и похитители забеспокоились. Дилли заподозрила, что они не настолько сильны в магии, как казалось в первые минуты похищения. Щит, не позволивший ей сбежать еще в том тоннеле, был очень силен, девушка ощущала исходивший от него жар и видела оранжевый отсвет. Да и здоровенные смуглые носильщики, стремглав дотащившие их с князем до лодки, тоже были накачаны волшебной силой. Теперь они вповалку спали в крохотном трюме вперемешку с тюками и корзинами.

Халгирцы явно постоянно жили на своем суденышке, скрываясь на нем в прибрежных камышах и запутанных протоках.

– Лежать и не двигаться! – Подошедший со старым парусом в руках шаман с силой пнул под ребра едва пришедшего в себя князя и грозно оскалился на Дилли.

– Слушаюсь, господин, – покорно пролепетала она и сжалась в комок, искоса наблюдая за его сапогом.

Бить ее халгирец не стал, но, прежде чем накрыть парусом, привязал за ногу к причальному кольцу, специально выплетая сложнейший на вид узел. Дилли едко хихикнула про себя: ей был отлично знаком секрет этого узла, достаточно дернуть одну из петель, как он мигом распустится. Еще порадовало неожиданное открытие: раз шаманы, считавшие всех женщин глупее домашней скотины, ничего не знают о способностях ведунью, значит, она первая из клана попала в руки.

– Звери... – откашлявшись, начал ругаться князь и завозился, пытаясь сбросить плотную ткань.

– Дурак, – неслышно прошипела Дилли, едва успев осторожно приподнять сбоку край паруса, чтобы пропустить струйку свежего воздуха.

Халгирец куда-то не ушел, лишь отступил на пару шагов, девушка ощущала магию его амулетов. И князь тотчас испытал это на собственной спине: шаман не только яростно пинал запутавшегося в ткани пленника, но еще и добавлял каких-то заклинаний. Их Дилли тоже ощущала, но ничем помочь безумцу не могла. Поэтому сжалась еще сильнее и теснее прильнула к полу, понимая, что это представление устроено не столько для Сайморса, сколько для нее. В Халгире телесное наказание женщин не было запрещено, и даже наоборот.

Мужчины, не учившие время от времени своих жен плетками, считались не заслуживающими уважения слабаками.

Наконец князь затих, снова потеряв сознание, и его мучитель, прорывав несколько угроз, ушел заниматься своими делами. Подслушав разговор шаманов, ведунья очень скоро выяснила, что всю магию сожгло заклинание невидимости, и теперь до ближайшего города, где есть лавка артефактора, им придется часа три грести веслами. Ставить паруса и управлять ими умели только рабы, а они были вымотаны мощным зельем усиления.

«Значит, бежать нужно именно сейчас», – сразу сообразила Дилли. Позже, когда проснутся темнокожие силачи, ее с князем запрут в трюме, а оттуда выбраться будет намного сложнее.

Хотя ведунья очень спешила, выпутываться из пышных тяжелых юбок ей пришлось с великой осмотрительностью, крайне медленно и осторожно. Всего один внимательный взор шамана мог

обнаружить ее возню, и с мечтами о свободе пришлось бы распрощаться на несколько дней... или месяцев, как знать?

Стянув наконец платье и со всеми предосторожностями сложив его пышным валиком, отдаленно напоминающим распластанную женскую фигуру, Дилли проскользнула за ней к князю. С той же предусмотрительностью сняла с него сапоги и камзол, устроив из них вторую «куклу». Затем девушка скинула с себя веревку и, слегка натянув, привязала за бухту лежащего на корме причального каната. Эта уловка позволила слегка приподнять укрывавший их парус, и теперь пленники находились в почти плоском подобии палатки.

С каждой минутой Дилли торопилась все сильнее. Их похитители, несмотря на высокомерие, глупцами не были и вполне могли заметить подозрительно приподнятую ткань, хотя девушка очень старалась сохранить все складки и даже подоткнула в самом подозрительном месте свое несчастное платье. И когда, выглянув тайком из убежища, обнаружила, что лодка скользит вдоль густой стены камышей и осоки, заполонивших левый, более низкий берег, сразу осознала, что лучшего момента может и не представиться. Стремительно выскользнув из туфель и чулок, девушка засунула обувь в чулки, связала их в виде пояса и затянула на талии. Конечно, туфли промокнули, но ходить по камышам босиком еще хуже.

После этого Дилли подтянула повыше нижнюю юбку, закатала на талии, чтобы не мешала, и отдала приказ собственным мышцам пробудить все спящие резервы. Силы резко прибавилось, и безвольно обвисшее тело князя она спустила за корму легко, словно щенка. И тотчас бесшумно скользнула следом, хотя вряд ли дружно махавшие веслами халгирцы услышали бы тихий всплеск.

В несколько мощных рывков доплыв до камышей, Дилли оглянулась на удаляющуюся лодку, перевела взгляд на противоположный берег, заросший таким же камышом и ивами, и сделала непростой выбор.

Обнаружив ее пропажу, шаманы, несомненно, будут в ярости и постараются прочесать все камыши вдоль этого берега. И непременно найдут пробитую ею через заросли тропку. После этого у Дилли не останется никакой форы, и поймают их намного быстрее, чем придет помощь. Значит, придется перебираться на правый берег. Он выше, суше, и там чаще встречаются селения.

Ведунья вздохнула, уложила бессознательное тело спутника вверх лицом, ухватила за воротник и решительно поплыла к правому берегу, изредка поглядывая в сторону уплывшей лодки и поправляя заваливающегося набок князя.

Грести старалась хоть и сильно, но плавно, под водой, без всплесков и шума. Кроме халгирцев по Ресне плавают десятки больших и малых судов, а также рыбачьи лодки, плоты и плетенки. И попасть кому-нибудь на глаза Дилли очень не хотелось.

Но все обошлось, и девушка благодарила за это всех известных ей богов и госпожу Случайность. Добравшись до берега, она потихоньку поплыла вдоль него вниз по течению, высматривая местечко поудобнее, пока не оказалась возле каменистого мыса. Приглядевшись и не обнаружив никаких свежих следов, ни человеческих, ни звериных, девушка вытащила князя на камни и несколько минут лежала рядом, отдыхая и выжидая, пока стечет вода.

Хорошо еще, что стояла середина лета, река была теплой, а обдувавший их ветерок нес сухость предстоящей жары.

Но долго лежать на камнях все же не стоило, и Дилли, снова вызвав подвластную ей силу, принялась за дело. Стянула с князя верхние шелковые штаны и рубаху, выполоскала и хорошенько отжала, затем надела на себя, сняв бесполезную нижнюю юбку. Но выбрасывать ее не стала, тоже тщательно отжала и, свернув в виде шали, набросила на плечи, завязав позади узлом. Потом взвалила на спину Сайморса и по звериной тропе потащила вглубь спускавшегося к самому берегу леса. Подошвы ног пока пришлось сделать непроницаемыми, надеть мокрые туфли – значило остаться без обуви. К тому же они были на небольших каблучках и под весом двух человек оставили бы отчетливые следы.

Еле заметная тропа петляла, то расходилась в разные стороны, то терялась в траве, но Дилли упорно шла по ней, время от времени резко и без всякой логики меняя направление на противоположное. Неизменным оставалось одно: девушка стремилась как можно дальше уйти от реки. Изредка Дилли устраивала привалы, чаще всего неподалеку от родников или ягодных зарослей. Увеличение силы забирало очень много жизненной энергии, и ее требовалось восстанавливать.

В одном месте Дилли набрела на поляну сыроежек и почти четверть часа жадно поела их мягкие шляпки. Князь в себя пришел, но ведунья напоила его из ладошки соком ягод и собранных на привалах трав, и он сразу уснул, так и не поняв, где и почему находится. Солнце уже давно перевалило за полдень, когда девушка совершенно случайно набрела на заброшенный хуторок. По ее расчетам, к этому моменту они ушли от реки миль на пять, и это давало ей надежду на спасение от рабства.

Но входить в заросшие крапивой и борщевиком воротца, не проверив сперва, что это за место, ведунья не собиралась. И для начала спрятала в кустах Сайморса, натерев его лицо, руки и ноги сочными стеблями черемши и прикрыв лопухами. Затем, усилив слух и обоняние, бесшумно отправилась на разведку. Обошла загородку по широкому кругу, бдительно ища следы любых обитателей, ведь всем известно – такие заброшенные избушки любят всевозможные бродяги и нелюди. Но ей снова повезло, ничьих следов, кроме заячьих, тут не было. Зато нашлись задние ворота, ведущие со двора в заросшую луговыми травами низинку, видимо, бывшие хозяева когда-то пасли тут скотину.

Проскользнув между жердями, Дилли пробралась в дом через заднюю дверь и вскоре с облегчением убедилась, что никакого несчастья с жителями этого дома не случилось. Никто на них не нападал, ни злые люди, ни звери, ни болезни или неудачи. Они уходили отсюда, спокойно собрав все вещи, оставив лишь поломанные скамейки, треснутую посуду да старую солому из тюфяков.

Вот на эту солому, перетряхнув ее и застелив ветхой дерюжкой, ведунья и уложила князя, притащив его через те же задние воротца. А потом, еле сдерживая стоны от наваливающейся усталости и боли в натруженных мышцах, завязала все ставни, насторожила перед ступенями крылечка ловчую пеглю и тщательно запутала плетью ежевики все ворота.

В дом после этого Дилли еле вползла и, едва заложив дверь толстой балкой, свалилась прямо в сенцах, не в силах идти дальше.

Разбудило ведунью обиженное поскуливание, перемежающееся злой, совершенно не подобающей князю руганью, и с минуту она лежала неподвижно, мысленно расслабляя и проминая скованные болью мышцы. А едва ощутив, как ломота начала постепенно отступать, осторожно поднялась и побрела в комнатушку, где устроила своего спутника. За единственным окошком, оставленным ею неприкрытым, уже сгущались поздние сумерки, и, чтобы отчетливо видеть происходящее, Дилли пришлось добавить зрению остроты.

– Ну чего ты так шумишь? – вполголоса сердито прикрикнула она на князя. – Своим друзьям знак подаешь?

– Каким друзьям? – грубовато буркнул Сайморс, но в его голосе чуткий слух ведуньи разобрал облегчение. – Где ты была?

– Спала... – не сочла нужным лгать Дилли и сумрачно пожаловалась: – Руки оборвала, пока тебя сюда дотащила. Так чего ты ругался?

– Встать не могу, – нехотя признался мужчина и с надеждой поинтересовался: – А ты точно лечить не умеешь?

– Как маги – нет. А вот травы знаю, утром наберу. Сейчас помогу тебе дойти до чуланчика, там отхожее место, потом дам настоя. Огня у нас нет.

– Я сам, – насупился князь. – Только одежду верни.

– Пока обойдешься и исподним, мне она нужнее, – отказала Дилли. – Платье пришлось бросить на лодке вместе с твоим камзолом.

– А печать?

– Все кольца и амулеты они с тебя сняли еще в потайном проходе... или не помнишь? – помогая ему встать, объясняла девушка.

Сайморс больше не спорил и вообще замкнулся. Но настой из ежевики и трав выпил покорно, изредка сплевывая попадавшие травинки.

– Ложись и спи, – приказала ведунья и для верности, едва князь, кряхтя и постанывая, устроился, провела ему ладонью по шее, нажимая на заветную точку.

Ей требовалось еще несколько часов сна, чтобы окончательно восстановить резко выплеснутую силу, и рисковать, оставляя без присмотра этого интригана, девушка не собиралась.

Спать она легла в кухне на лежанке внушительной печи, прикрывшись какой-то дерюгой. Но прежде замочила в большом горшке с отбитым горлом свою нижнюю юбку, пересыпав мелко

нарванными листиками собранных по дороге растений, да набила в сырые еще туфли сухой соломы.

На рассвете Дилли проснулась от нестерпимого голода: тело, истратившее вчера непомерно много жизненной энергии, истово жаждало ее восстановить. Пришлось встать, натягивать неудобные штаны и почти просохшие туфли и идти на промысел. О том, чтобы добыть мясо, Дилли даже не мечтала, все равно не было ни огня, ни соли. Правила охотников и путешественников оставлять немного соли, крупы и спички бывшие жильцы этого дома явно не знали или не считали для себя обязательным.

Да и хотя бы обломанного ножа или просто куска железа девушка вчера нигде не заметила. Конечно, она сумела бы разделать птицу и щепкой, но есть сырую не желала. Оставались ягоды и грибы, ну и яйца, если повезет. Лес тут нехоженный, птицы непуганые, это она вчера успела заметить. Перепела прямо из-под ног разлетались.

Потратив почти час на изучение окрестностей, Дилли обнаружила в ложбинке крохотное озерцо, где надергала и с аппетитом сжевала пучок съедобных корней. Потом набрала в светлой роще грибов, ссыпав их в сделанный из шелковой рубашки князя узелок, втайне порадовавшись вчерашнему решению надеть под платье плотный полотняный корсаж на широких бретелях. Конечно, появиться в селе или городе в таком виде она не рискнула бы, но по лесу ходить вполне сойдет. О том, чтобы на нее не покушались разные клещи и слепни, ведунья позаботилась своим методом, временно сделав кожу плотнее буйволовою.

Добравшись до хутора, Дилли очень внимательно осмотрела оставленные на тропинках заметки и вошла в задние ворота лишь после того, как убедилась, что никто чужой за время ее отсутствия тут не появлялся.

В доме она первым делом высыпала грибы в уголок и поспешно натянула рубашку, застегнув под самое горло. Подать своим видом спутнику какие-либо глупые идеи ведунье хотелось меньше всего на свете. Затем она отполоскала от листьев юбку, ставшую синего цвета с причудливыми зеленоватыми разводами, и повесила в укромном местечке за кустами сирени. И только после этого отправилась проведать спасенного.

Князь еще спал, разметавшись на соломе, и дышал тяжело, горячечно. Видимо, не прошло ему даром длительное купание в реке и прогулка в мокрой одежде.

– Да и как иначе, – тихонько вздыхала Дилли, обтирая его лицо и шею настоем трав и капаая в рот горький сок тысячелистника, – если его княжеская светлость давным-давно не бегают по утрам вокруг дворца и не обливаются у колодца ледяной водой. А спать любит нагишом в жарко натопленных покоях, все служанки о том ведают, и бесполезно их посылать туда с заданиями. Девушкам проще службу бросить.

Выломав узкую сухую щепку, ведунья устроилась на кухне, которую облюбовала далеко неспроста. В небольшой комнате, по меркам города, комнатке имелось сразу три двери. Одна в сенцы, другая на заднее крыльцо, третья, самая низенькая и незаметная, вела в подвал, откуда был выход в скотный двор. Если и появится откуда-то опасность, то сбежать будет легче всего именно из кухни.

Хотя Дилли очень надеялась, что халгирцы уже отказались от поисков или попались в руки магам, но про осторожность забывать не собиралась. И рисковать, пытаясь подать мужу знак, пока тоже не желала.

Даже думы о нем старательно задвигала куда подальше, не до того ей, когда жизнь вдруг обернулась самой суровой стороной.

Ни еды, ни посуды... нет одежды и обуви, а оружия и подавно. Да еще князь камнем повис на шее, одна она уже добралась бы до ближайшего села и отправила весточку. А его бросить никак нельзя, и не потому, что правитель. Это ее как раз волновало менее всего.

Важнее всего были те тайны, о которых он мог знать, и его странные делишки с халгирцами. Вот и приходилось неотступно сидеть рядом и снова спасать. От болезни, голода, жажды, ну и от всех, кому он может понадобиться.

А муж... Гард все равно вспоминался, кстати и некстати, словно уже стал ей таким же близким, как сородичи. Мерещился в тених за окошком, тревожил во снах, крича откуда-то издали:

«Дилли!..»

– Дилли!

Девушка со вздохом отложила щепку и помчалась в каморку к князю:

– Ну чего?

– Ты тут... – облегченно выдохнул Сайморс и снова уронил голову на подстилку. – Вода есть?
– Сколько угодно, я тут неподалеку озерцо нашла, – мягко сообщила ведунья, поднося ему к губам собственноручно сплетенный туесок.
Он слегка протекал, но иной посуды не было.
– А еда? – поднял воспаленный взор князь.
– Ягоды и сырые грибы, готовить не в чем и огня нет. Но тебе лучше ягоды, они жар снимают, – пододвинула она второй туесок, посмотрела, как он пытается взять ягоду трясущимися пальцами, и начала кормить со своих рук.
Сначала Сайморс глотал жадно, и это радовало, значит, понемногу выздоравливает. Если так и пойдет, через денек они смогут двинуться в путь, ей только нужно к тому времени сделать себе приличное одеяние, и Дилли уже придумала как.
А князь вскоре начал жевать малину и еще недоспелую смородину все медленнее, на лбу появилась испарина. Снова откинулся на своем ложе и закрыл глаза.
– Сниму с тебя рубаху, – объявила ведунья, отставляя туесок. – Прополосну, она пропотела и в крови. И зачем ты только с ними спорил?
– Надеялся, что сбросят с лодки... – обессиленно пробормотал он, не открывая глаз и не сопротивляясь.
– Совсем выжил из ума, – бормотала девушка, ловко и умело раздевая пациента. – Сбросить тебя они собирались с якорем на ногах!
Сайморс не ответил, он уже спал, и Дилли ушла, прикрыв его поплотнее дерюжкой. У нее было еще много дел.
Прежде всего ведунья принесла со двора юбку – легкий батист на жарком солнце высох почти мгновенно, – и надела на себя, сбросив хоть и удобные в дороге, но вовсе не в носке чужие штаны. Юбку она подняла повыше, почти под шею, затянув потуже шнурок, и спокойно затолкала одежду князя в горшок с красящим настоем, добавив свежих листьев и воды. Шелк, конечно, прокрасится не так хорошо, как нижняя рубаха, но зато не будет больше яркого красного цвета, совершенно не подходящего для тех, кому нужно подольше оставаться незамеченными.
Затем села чистить грибы, чтобы позже, порезав щепкой на ломтики, нанизать на прутья и развесить по кустам сушить. В пути может не попасться грибных мест, идти к поселкам она намеревалась вдоль реки.
А для этого нужно было подлечить князя и как-то обуть. На чердаке Дилли нашла совершенно ни на что не пригодное старое тряпье, похоже, им закрывали разложенные на зиму тыквы или лук. Девушка принесла вниз более крепкие лохмотья и теперь ломала голову, что проще: порвать их на ленты и, пользуясь прутиками как спицами или крючком, связать нечто вроде домашних туфель или сделать из них обмотки. На случай, если быстро прорвутся, можно будет взять несколько кусков про запас.
Позже она решила приготовить и то и другое, времени достаточно, князь вряд ли оклемается меньше чем за два дня. Дилли снова занялась делом, перестирала и развесила по кустам тряпье, потом вытащила из горшка уже прокрасившуюся нижнюю рубаху князя и, прополоскав, отправила на те же кусты. Затем нарвала побольше мягкого разнотравья и тоже разложила сушиться, незачем спать на голых досках, если можно устроиться получше.
К вечеру погода начала портиться, небо постепенно затянуло облаками. Ведунье пришлось перетаскать все непросохшие тряпки и сено в дом, развесив на прутиках, воткнутых в щели стен, и отправиться за провизией. Теперь у нее был мешок, в котором она наскоро затянула дыры крепкими стебельками дикого льна, и темная от старости корзинка, починенная тем же способом.
В убежище девушка вернулась в сумерках, усталая, но довольная. В тростнике у озерца ей удалось найти несколько утиных гнезд с еще свежими яйцами, и теперь оставалось лишь придумать, как накормить ими спутника. По слухам, Сайморс был довольно привередлив в еде, и вряд ли двухдневная голодовка заставит его пересмотреть свои вкусы.
Он и действительно, проснувшись, не смог ничего есть, и не от привередливости. Жар снова вернулся, и хотя ведунья понимала, что это уже только отголоски уходящей болезни, убедить его в этом не сумела. Впрочем, она не особо и старалась, князь капризничал, вредничал и вообще был невыносим. Просто натянула на него высохшую верхнюю рубаху, бывшую теперь пестрой, как черепаховая змея, и таких же оттенков, от светло-коричневого до почти черного.

Штаны пока выдавать не стала, князь был еще не в силах справиться с застежками. Напоив его настоем с ягодным соком и сонной травой и убедившись, что пациент уснул, ведунья ушла на кухню.

Утро третьего дня скитаний «порадовало» дождем. Он начался еще ночью и оказался одним из тех нечастых, но неприятных ливней, которые имеют обыкновение длиться не одни сутки напролет, то почти стихая, то припуская с новой силой.

Дилли умылась, не сходя с крыльца, просто протянув ладони под водный занавес, струившийся с крыши сразу за дверью. Потом натянула ставшую сине-зеленой нижнюю рубаху Сайморса, выпустив ее поверх юбки, и отправилась проведать пациента. Ему было чуточку легче, но он был голоден и зол. И после того, как ведунья напоила его неизменным настоем и помогла добраться до чуланчика, начал изводить ее вопросами, на которые у Дилли не было понятных ему ответов.

Просто никак не мог поверить его лживый, подозрительный и хитрый разум в существование людей, спасающих других не ради какой-то выгоды, а просто так, по доброте душевной. Князь с маниакальным упорством, обессиленно опершись на солому, взбитую ведуньей, продолжал допрашивать, какая выгода заставила ее таскать его по лесу.

Вот тогда Дилли и бросила ему пару фраз про допрос и суд, даже не осознав, какой вулкан пробудила. Она еще успела метнуть в него насмешливый взгляд и, отвернувшись, сделать пару шагов, как в спину, чуть ниже лопатки, ударил пущенный натренированной рукой нож.

Нет, она не сразу поняла, что это было, лишь ощутила толчок в спину и боль мгновенно сжавшейся в крохотный пяточок кожи под левой лопаткой. В следующий миг послышался звук ударившегося о пол твердого предмета и следом – недовольный, злой рык князя. Ведунья обернулась как раз вовремя, чтобы оказаться лицом к лицу с вскочившим на ноги Сайморсом.

У Дилли не оставалось ни секунды, чтобы понять, притворялся ли он прежде слабым или обрел силы в припадке ярости. Обнаружив готового обрушиться на нее мужчину, ведунья остановила его зауценным наизусть ударом выброшенной навстречу раскрытой ладони. Разумеется, это никогда бы ей не помогло, если бы девушка привычно не добавила руке твердости и скорости. Князю почудилось, будто он нарвался на любимое развлечение егерей – раскачивающуюся на цепи палицу. Она больно ударила избитое тело в грудь, отбрасывая к стене, и на некоторое время мужчина лишился возможности не только видеть, но и свободно дышать.

А когда пришел в себя, обнаружил, что уже накрепко связан по рукам и ногам веревками, сплетенными из какого-то рванья.

Дилли успела за это время обыскать пациента и теперь была злее гремучей змеи. Как выяснилось, Сайморс носил на левом бедре, ближе к колену, широкий браслет из тонко выделанной кожи, искусно подогнанный под цвет тела. На наружной части бедра его невозможно было прощупать сквозь две пары штанов, а с внутренней никому и в голову не пришло проверять. Ну, по крайней мере, ни шаманы, ни тем более она сама в такие места не заглядывала.

А именно там, в совершенно незаметных, плоских ножнах с хитроумной, мгновенно расстегивающейся застежкой, хранился тонкий, как бумага, узкий стальной ножик. Точно такой, какими обожали вооружаться самые ловкие и неуловимые ночные грабители. Кроме ножа в тайничке нашлись: плоское кресало, отмычка и игла, а также листок провощенной бумаги с княжеской печатью и росписью.

– Как интересно, – сердито шипела Дилли, прочтя необычное письмо.

Точнее, указ, предписывавший любому чиновнику, стражнику либо знатному лорду помогать во всем подателю этого документа.

Князь-то, как выясняется, вовсе не собирался тонуть. Ему нужно было всего лишь пробыть под водой несколько секунд, чтобы избавиться от веревки. Нож оказался острее бритвы, и доказательством тому был длинный разрез на ее рубашке.

И если бы не умение ведуньи...

Девушка зябко передернула плечами от резко окатившего ее озноба. Впервые в жизни смерть прошла совсем рядом... в волоске от нее, и лишь сейчас Дилли осознала это полностью, так явно, словно уже видела свое распростертое на этом грязном полу тело.

И внезапно поняла, как напрасно надеялась на княжью благодарность и как глупы были все ее прежние планы. Да стоило им добраться до любой деревушки, как Сайморс, ничуть не похожий распухшей от побоев рожей на холеного князя, немедленно достал бы свой документ! И дальше

ехал бы в столицу со всеми возможными удобствами... а ее вез в клетке для особо опасных преступников.

Спрятав в застегнутом на собственной ноге браслете все нечаянно обретенные богатства, кроме кресала, девушка зажгла лучину и свила из приготовленных для чуней тряпиц несколько крепких веревок. Потом надежно связала Сайморса самыми хитроумными узлами и отправилась на кухню, готовить себе горячую еду и думать, как поступить дальше.

Вернее, сейчас ее тревожил только один, но очень важный вопрос: кого выберет ее муж – человека, которому присягнул на верность, или ее, почти незнакомую ему женщину. И лишь теперь начала отчетливо понимать, почему жрецы и маги так упорно настаивали, чтобы она связала свою жизнь с Гардом истинным, а не фиктивным союзом.

Значит, и в самом деле заботились о ее безопасности, и теперь Дилли точно знала, кого ей нужно будет найти вначале.

Второе светозария

Брагод, особняк графа Гарданта Тровенга

Гард

– Доброе утро, – войдя в столовую, приветствовал Ланс мрачно поглощавшего завтрак хозяина.

– Я счастлив, – желчно буркнул тот, – что у тебя оно хорошее.

– Гард... – сев напротив, маг налил себе чай и смерил друга недоверчивым взором, – неужели ты сдался?

– Не говори глупостей. Но не могу я радоваться, зная, что она где-то скитается, таская этого... урода...

– Согласен, – усмехнулся Ланс, – что он урод. И все мои собратья согласны. После допроса шаманов нам стало ясно, что воскреснуть он не должен. Но мы прекрасно понимаем...

Маг говорил очень осмотрительно, делая длинные паузы и пытаясь раскусить, как реагирует на его слова невозмутимо жующий завтрак бывший советник, вот уже четвертый день исполнявший обязанности регента при неразумной Гелиссе. Князь, как было объявлено народу, отправился в монастырь молиться за здоровье дочери. Лишь узкому кругу самых проверенных лиц сообщили, что он был вынужден бежать по потайному ходу от происков халгирских шаманов и теперь прячется в надежном месте. Разумеется, в подтверждение показали и ход, и пойманных халгирцев, и даже окровавленный и истоптанный камзол правителя.

Только платье Дилли никто не увидел, Гард его сразу забрал и утащил, как дракон – сундук с золотом.

– Убить его я не позволю, – твердо глянул регент в глаза друга, – хотя прекрасно знаю, что он уже не тот человек, каким был прежде. Его честность стала лживостью, ум – хитростью, а доброта – жадностью. Но мне, как и тебе, отлично известно, что это не только его вина.

Большинство людей со временем постепенно теряют юношеские идеалы и из благородных рыцарей превращаются в жадных и подозрительных стяжателей. Вспомни женщину, кормившую детей украденными у свиней объедками и имевшую в тайнике предостаточно денег, чтобы жить безбедно. Ее ведь не казнили? Да и изменился Сайморс слишком уж быстро, в этом обязательно нужно очень тщательно разобраться. Я ведь давно уже не наивный мальчишка, который за спасение от издевательств, провороненных самим князем, бездумно дал ему пожизненную клятву верности. Но как бы я ни менялся, свое честное слово нарушать не

готов, и вряд ли когда-либо будет иначе. И если окажется, что он виновен перед своим народом в еще больших преступлениях, готов позволить вам убрать его с трона, но с одним условием – на его жизнь никто не покусится.

– Я тебя понял, – коротко кивнул Ланс, помолчал и добавил, желая внести в этот вопрос окончательную ясность: – Но никто и не собирался его убивать. В ковене вообще запрещено лишать людей жизни, даже самых жестоких бандитов. Есть несколько способов вернуть их обществу в совершенно иной роли. И не оттого, что мы слишком добрые или трусливые, как считают некоторые глупцы. Вовсе нет. Просто мы лучше других изучили, как меняет, ломает сознание детей жизнь, год за годом испытывая их душевные качества всевозможными способами. Ты говорил о той женщине... Мы выяснили, в детстве она жестоко голодала и ела все подряд, чтобы выжить. А когда у нее появились деньги, больше всего боялась, что их не хватит ей и детям в старости, когда они уже не смогут зарабатывать и ходить. Поэтому цепко хранила каждый медяк. Магу-эмпату хватило трехминутного внушения, чтобы снять детские убеждения, и теперь они живут нормальной жизнью, правда, под другим именем и в другом поселке.

О том, сколько еще должен всего совершить Сайморс, чтобы можно было объявить его отрекшимся от трона, верный напарник говорить не стал, считая это преждевременным. Вот отыщут Дилли, тогда будет проще. Хотя ковену было достаточно и найденных документов для принятия единогласного решения. Никому не хочется жить в стране, которую правитель ведет напрямик к гибели, как безумный капитан – попавшее в шторм судно.

Как выяснилось, он давно замахнулся на трон отнюдь не молодого короля Форандии, потому и сосватал тому свою дочь. Разумеется, Сайморс не собирался ждать, пока «молодожены» родят стране долгожданного принца, ничуть. Король должен был погибнуть через несколько дней после свадьбы, и пока оставалось неизвестным, как именно князь собирался это проверить. Зато ясно было другое: Сайморс сознательно устроил помолвку Фабонза и племянницы, а также всячески поддерживал советника по финансам, собираясь оставить наместником над бывшими подданными. Временно, конечно, пока сам не захватит власть в королевстве и не присоединит к тому бывшую вотчину.

– Над Ресной сегодня плотные тучи, от Ламона до самого залива ливень, – не дождавшись ответа, Ланс перевел разговор на насущные дела. – Наши лодки обшарили все камыши и плесы правого берега – ни единого следа...

– Мне это Звен вечером сказал, – сухо кивнул Гард. – А вот дождь...

Советник представил, как Дилли сидит под проливным дождем в какой-нибудь норе или шалаше рядом с князем, и невольно скрипнул зубами. Это он должен быть рядом с ней, а не изнеженный, капризный и похотливый Сайморс, перетаскавший в свою спальню всех фрейлин княгини. Гард вспомнил бледненькую, вечно испуганную Лестению, так и не сумевшую подарить мужу наследника, хотя каждые полгода лекари отхаживали ее после очередной неудачной попытки.

– Сегодня по левому берегу пойдут отряды следопытов, – продолжил объяснять Ланс, зная, как хотелось бы Гарду быть вместе с ними. – Мы будем высаживать тройки через каждые сто шагов. Но ты же понимаешь, она ведунья, и раз сумела так ловко уйти от шаманов и увести князя – на берегу применит все известные ей уловки, чтобы не оставить следов. В первый день мы еще могли бы пустить по следу обученных собак или ласок, но за три дня там прошли сотни зверей и еще дождь...

– Но пройти нужно как можно дальше от берега, – поднял на него темный взор регент. – Вспомни, она бежала от погони. И знала, что чем дальше уйдет, тем надежнее будет укрыта. Лично я менее чем пять миль не считал бы безопасным расстоянием.

– Не забывай, у нее на руках был князь. Как проговорился один халгирец, их главарь его сильно избил, чтобы не шумел.

Гард понимающе усмехнулся. Проговорился, как же. Развязали тому язык зельями или заклинаниями. Могущественные и весельные шаманы на деле оказались шайкой ремесленников со слабым даром, зато с весомой кучей амулетов и снадобий.

Во дворец правителя регент с помощником отправились на крыльце, ездить по утреннему городу в карете у Гарда не было никакого настроения. Он вообще должен как регент ночевать в выделенных ему покоях, но каждый вечер упорно возвращался домой, в тайной надежде

обнаружить там Дилли. В том, что жена никогда не пойдет искать его в княжеский дом, Тровенг был абсолютно уверен.

– Лорд Тровенг, – Юнтас уже ожидал под навесом, держа наготове папку с первоочередными документами, – родственники Фабонза ждут вас с раннего утра. И глава купеческой гильдии. А еще леди Райконт, старшая фрейлина.

– С фрейлинами разберется Ланберс, – сразу отказался от последней встречи Тровенг, в первый же день назначивший Ланса своим тайным советником.

Благо регенту все это положено. А еще новое положение давало Гарду право самому выбирать, чем заняться после того, как он решит самые неотложные вопросы, и сыщик уже нашел себе занятие по душе.

А вот многолетний опыт леди Райконт и ее знание дворцовых переходов и закоулков все же недооценил. Дама выскочила им навстречу из какой-то гостиной и буквально повисла на бывшем тайном советнике:

– Лорд Тровенг! Прошу, умоляю... выслушайте меня! Всего пять минут!

– Хорошо, – холодно признал свое поражение сыщик. – А из какой комнаты вы вышли? Ланс! Разве ты не отдал приказ запереть все свободные покои и гостиные?

– У леди Райконт есть свои ключи от всех комнат, – хмуро поставил его в известность маг. – А защиту мы не каствуем, чтобы не пострадали убирающие дворец по утрам служанки.

– Вот сюда, – словно не услышала их разговора леди, прекрасно умевшая в случае необходимости становиться глухой, слепой и немой. – Лорд Тровенг, вы рассчитали всех фрейлин, но это неправильно! Некоторым девушкам даже негде жить!

– Им даны на выбор контракты с состоятельными леди, которым требуются чтицы, компаньонки, камеристки и даже секретари, – сообщил Ланс, хотя Гард уже об этом знал.

– Но ведь это крушение всех планов для не очень молодых и не слишком хорошеньких бесприданниц! – с неожиданной страстью возразила старшая фрейлина, оставленная компаньонкой при Гелиссе. – Они теперь никогда не смогут найти женихов... вы лишаете их надежды!

– Леди Мадлена, – неожиданно для себя сказал Гард, расслышав в ее голосе искреннюю печаль, – скоро сюда прибудет моя жена, обсудите все это с ней. А пока предложите девушкам отдохнуть в княжеском поместье. Но запомните: тем, кто рассчитывает заработать приданое всякими интрижками, лучше согласиться на место компаньонки. Потом я буду просто отправлять их в монастырь.

Резко развернулся и вышел из комнаты, оставив многое повидавшую на своей службе даму озадаченно хлопать глазами.

– И запомните, – с легкой угрозой повторил слова друга Ланс, – если ваши подопечные посмеют шутить с ее светлостью или начнут устраивать какие-то каверзы, они окажутся за высокими стенами прежде, чем успеют пискнуть.

– Ох светлые боги!.. – переведа дыхание, прошептала леди, глядя на захлопнувшуюся за новым тайным советником дверь. – И как все это понимать?

Второе светозаря

Заброшенный хутор в приграничном лесу

Дилли

К обеду дождь немного поутих, и Дилли решила сходить к реке, разведать обстановку. У нее как раз все было для этого готово. Натоплена печь сломанной на дрова скамейкой, запарено в выскобленном горшке целебное и одновременно сонное зелье, которое пришлось выпаивать пленнику насильно. Глупец искренне считал, будто его собираются отравить.

Дилли только презрительно усмехалась в ответ на обвиняющие выкрики, князь от страха совершенно забыл про обещанный ему допрос. Укрыв наконец заснувшего пациента дерюжкой, ведунья поставила рядом несколько яичных скорлупок с водой и туесок с печеными грибами и яйцами. Без соли, конечно, не особо вкусно, но есть можно, она же поела.

Надев чепец, наскоро состряпанный из отрезанного подола княжеской рубахи, и собранную из старых лоскутов жилетку, ведунья подпоясалась веревочкой и хмуро усмехнулась. В таком виде она более всего походила на одну из побирушек, бродящих летом по селам, и только туфли могли ее выдать. Пришлось их снимать и, сунув на печь сушиться, оборачивать ноги обмотками. Намотав тряпье в два слоя, Дилли ловко крест-накрест перевязала его веревочкой и на всякий случай прихватила с собой пару тряпок. Никогда не знаешь, что может случиться в лесу.

Все самое ценное, нож и кресало, она тоже уносила с собой, спрятав в браслете князя, с которым теперь не расставалась. Напоследок ведунья распутала Сайморсу руки и ноги, испытывая небольшие утрусения совести, что не сообщила ему о своем уходе. Но он оставался в полной безопасности, в тепле и сухости, и Дилли надеялась вернуться сюда через пару часов. Прихватив найденный в хлеву рассохшийся обломок черенка, вполне подходящий на роль посошка, девушка двинулась в путь. Шла медленно, внимательно оглядывая уже знакомые тропки. А отойдя от хутора на достаточное расстояние, спряталась на минуту под огромным дубом и, прижав к лицу руки, вызвала в памяти образ морщинистой старушки.

Посомневалась и добавила остроты слуху. Не самое удачное решение – мир мгновенно взорвался какофонией капающих, чавкающих и шуршащих звуков, но Дилли терпела, надеясь не пропустить тяжелое дыхание и звук шагов идущих по мокрому лесу людей или приглушенный кашель. Конечно, лучше бы услышать разговоры, но это было совершенно нахальной надеждой. Те, кто придут не по грибы, а за ней, тоже должны прислушиваться к любому необычному звуку.

Так она прошла около трех миль, измеряя расстояние на глазок и присматриваясь к каждой былинке. Но если и находила примятую траву, от воды поднимавшуюся медленнее обычного, то вскоре обнаруживала и след кабана или козла. Эти животные, в отличие от хищников, сидящих в дождь в норах и логовах, выходят пасть в любую погоду.

Решив передохнуть, девушка отыскала очередной дуб и спряталась под ним, невольно согнав с сухого пятачка выводок глухарей. Еще вчера она жалела бы, что без огня не сможет сварить спутнику суп, а сегодня проводила птиц равнодушным взглядом. Самой ей и грибов с ягодами хватит, а князь и этого не заслужил.

Негромкие мужские голоса донеслись с той стороны, куда она шла, и Дилли напряглась, вытянулась стрункой, вслушиваясь в чужой разговор.

– Прошли две мили... – вздохнул явно молодой мужчина, слишком звонок был голос.

– Велели пять! – прикрикнул кто-то немного постарше.

– Обратно пойдем в темноте, – поддержал молодого третий собеседник.

– Я бы так далеко забираться не стал, – упорствовал младший.

– Ты не испуганная женщина, – съязвил старший.

– Испуганная женщина останется на берегу, но в чашу никогда не полезет, – ехидно сообщил молодой голос.

– Еще слово – и лишу премии, – тихо, но очень веско пообещал знакомый голос, и Дилли даже задыхнулась от неожиданно вспыхнувшей в душе радости.

Вернее, от счастья, еще незнакомо и внезапно, словно обвал или лавина, но уже своего, родного, необходимого, как вода в жару, как костер в ночи.

Девушка решительно провела рукой по лицу, убирая временную личину, и поднялась на ноги. Судя по невнятности разговора, искатели находились от нее шагах в ста или чуть дальше, и лучше бы пойти им навстречу.

– Кто идет справа от вас? – так же властно спросил искателей Гард и, услышав ответ, сообщил: – Я к ним, а вы поспешите. Где-то в этой стороне находится пара заброшенных хуторов, туда уже отправили кархов с едой.

Вот теперь Дилли, добавив себе сил и ловкости, не шла, а летела петляющей по лесу звериной тропой. Если она верно поняла, Гард двигался параллельно реке вниз по течению, но если и не так, то вскоре станет ясно. Во всех случаях можно будет повернуть в обратную сторону.

– Как у вас дела? – Знакомый голос раздался почти рядом, за густым малинником, и, сразу оглохнув, девушка поспешила убрать усиление слуха.

– Никаких следов, – как-то виновато доложили за кустами. – Но ведь три дня... и дождь...

– Идите вперед, милая через три – заброшенные хутора, – начал объяснять Гард, и Дилли, посмотрев с тоской на колючие заросли, решила, что иногда нужно позволять мужчинам совершать небольшие подвиги.

– Достаточно пробраться через малину, – произнесла она с легкой насмешкой, добавив голосу отчетливости.

Но сердце билось как сумасшедшее, когда ее муж напрямик, словно вепрь, ломился через малинник.

– Дилли!.. – снеся на ходу последний куст, ринулся к ней Гард. – Дилли!

Стиснул в объятиях, неверяще заглядывая в мокрое лицо, со стоном прижался губами и тут же испуганно отпрянул:

– Ты цела? Ничего не сломано? Нигде не болит?

– Цела, цела, – смеясь, успокоила Дилли и заторопилась, вспомнив главное: – Гард, на хутор им нельзя. Там князь... он не в себе... пытался меня убить.

– Понял, – нахмурившись, кивнул Тровенг и, не выпуская ее из рук, поднял к губам висевший на груди свисток.

А подав сигнал, оглянулся на деликатно замерших в десяти шагах спасателей, осторожно обиравших спелые ягоды, и зычно скомандовал:

– Прежние приказы отменяются. Расходитесь, созывайте остальных и возвращайтесь на берег. Барки вас ждут.

А затем на несколько долгих секунд забыл про весь остальной мир, снова сжав в объятиях жену. Но вскоре, ощутив под ладонями холодную влагу каких-то тряпок, опомнился.

– Снимай это старье, – приказал беспрекословно, сбрасывая с плеч заговоренный от дождя плащ. – А что у тебя на ногах?

– Опорки, – покорно выполняя его приказание, сообщила Дилли и сочла нужным пояснить: – Но мне не холодно. Гард... князя лучше не показывать погонщикам.

– Сегодня на каргах летают маги-воздушники, – пояснил Тровенг, закутывая жену в плащ. – Они никому ничего не расскажут. А мы полетим на крылете, я вызвал, он скоро будет.

– Крылет не может подняться с земли, – тихонько напомнила Дилли всем известное правило.

– У магистров есть особые способы – на самый крайний случай, если нужно кого-то спасти. С тонущего корабля, например. В крылете будет магистр, он сбросит нам сиденье на крепком шнуре, потом поднимет с помощью магии. Другой девушке я никогда бы даже не подумал предложить подобное... хотя и ты можешь отказаться. Тогда отпустим крылет и пойдем к барке. Наденешь мои сапоги.

– Лучше крылетом, – мгновенно сделала выбор Дилли, внезапно осознав, насколько устала от холода и голода, как сильно хочет принять ванну и надеть свежую одежду.

– Отлично, – вздохнул с облегчением регент и тихонько пояснил: – Никто не должен знать, что женщина, которую мы тут ищем, – моя жена. Все группы спасателей ведут маги и сыщики, они дают клятву неразглашения тайн. А вот на барке полно обычного народа.

Ведунья согласно кивала, ей и самой было понятно, как усложнится ее жизнь, если об этом происшествии станет известно приближенным князя. Мало того что все они пожелают провести собственное дознание и при удобном случае постараются допросить с пристрастием спутницу князя, так еще и придумают каждый собственную версию случившегося. И скорее всего, ни одна из них не будет иметь ничего общего с истинной.

Крылет появился минуты через три, за которые Дилли успела вкратце рассказать мужу историю побега и получить несколько весьма горячих поцелуев. Впрочем, слушал он очень серьезно и потайные ножны князя, отданные ему Дилли, осмотрел внимательно.

– Никогда даже не представлял, что у него имеется такая вещичка, – сумрачно заявил жене. – Как выясняется, в последние год-два он стал очень скрытным и завел тайные знакомства. Но не сам, а через кого-то из прихлебателей. За самим Сайморсом мы следили не спуская глаз. Скорее всего, это был Фабонз, и хотя у него, как у первого советника по финансам и хранителя

подарков и подношений, было очень много возможностей, вряд ли он успел бы столько сделать в одиночку.

Сплетенное из высушенного тростника сиденье буквально свалилось супругам на голову, и они ухватились за него одновременно. И так же слаженно, словно тренировались, оказались рядом в широком кресле. Чтобы уже через несколько секунд, стремительно взлетев вверх, очутиться в летящем сквозь дождь крылете.

Едва очутившись внутри, Гард пересадил ведунью на диванчик и, пересев сам, засунул корзину под сиденье. Сидевший впереди рядом с погонщиком незнакомый маг, дожидавшийся этого момента, довольно улыбнулся и захлопнул крышку.

– Рад вас видеть, – открыто улыбнулся он Дилли и деликатно отвернулся, глядя в серую морось, сквозь которую рвались вверх кархи.

А Гард решительно поднял себе на колени ноги жены и, морщась и мрачняя, принялся разрезать туго затянутые веревки и снимать насквозь мокрые, грязные тряпки. Дилли тоже не сидела без дела, стянула и бросила в кучу прилипший к волосам влажный чепец.

– Нужно растереть, – бормотал регент, изучая стоявшую на крохотном столике шкатулку с зельями. – Настойка горчицы, думаю, подойдет.

– Не дамся, – решительно отказалась Дилли, со смешанным чувством смущения и удовольствия наблюдавшая за этой непривычной заботой. – Я не заболела. Но чего-нибудь попить не откажусь.

– А съесть? – встревожился муж, принимаясь торопливо открывать фляги с чаем и отваром и доставать корзиночки с пирогами. – Перекуси пока, скоро будем дома, там поешь супа.

– Ох, не дождусь, – мечтательно вздохнула ведунья и осторожно погладила придерживающую ее руку. – И переодеться. И горячую ванну...

– Тебе бы отдохнуть пару дней, – прикрыв голые ноги жены плащом, Гард обнял ее крепче и огорченно следил, как поспешно она расправляется с пирожками, – но магистры просили дать полчаса на разговор.

– Хоть час, – нежно улыбнулась ему Дилли. – Я же понимаю, сколько у них вопросов. И сама хочу помочь. А ты почему ничего не ешь? Откуси пирожок, очень вкусный.

– Боюсь даже спрашивать, – откусив крохотный кусочек, виновато вздохнул он, – что вы эти дни ели.

– Всё, в лесу сейчас не пропадешь. Еще и хутор удачно попался, вполне сносно устроились, – успокоила его Дилли и не выдержала, выпустила на миг обиду на спасенного: – Но могли бы и горячее есть, если бы он сразу отдал мне свой арсенал. Я столько труда лишнего вложила, ломая прутья и сдирая кору на тески, чтобы принести ему воды, а он лежал на ноже и ждал, пока я повернусь спиной. Хотя, может, это и от горячки, некоторые недоверчивые люди от жара становятся невыносимо подозрительными, – почти сразу спохватилась она.

– Он в последние два года сильно изменился, – помрачнел Гард и тут же отбросил мысли о своем правителе. Бывшем, как уже решили магистры. – Но не будем о нем. Лучше скажи, он ничего не объяснил?

– Нет. И не собирался. Сразу злиться начинает, как только заведешь разговор на эту тему. Ой, солнце!

Крылет действительно выскользнул наконец из туч и помчался к сверкающим вдали куполам столичных дворцов и храмов.

Гард больше ни о чем не расспрашивал снова найденную половинку. Замирая от щемящего сердце счастья, сжимал ее в руках, почти уложив головой себе на грудь, и думал, думал, думал... Регенту вдруг с необычайной ясностью стало понятно, что он никому ничего больше не должен. Да и не хочет и дальше жить так, как прежде. Декадами мотаться по стране, отыскивая заказанные князем вещицы, людей или сведения, проводить ночи напролет, изучая добытые улики и сопоставляя показания и факты, проверяя каждое насторожившее мнительного князя слово. И хоть бы не понапрасну! Так нет, чаще всего Сайморс подозревал невиновных, бросивших неосторожную фразу в пылу спора или от обиды и тут же раскаявшихся.

– Садимся, – оглянувшись, предупредил маг.

В следующий момент крылет дернуло, заскрипели сети и захлопали крыльями спускающиеся на крышу кархи. Едва погонщик закрепил кольцо упряжи, Гард выскочил из крылета, подхватил

жену на руки и понес к потайной лестнице, собираясь дать ей хотя бы полчаса на исполнение таких простых желаний.

Но, поставив девушку на ковер в гостиной своих покоев, не смог отпустить сразу, хоть разок не поцеловав так, как мечтал все эти дни и ночи.

– Дилли...

– Мне снилось, – прижавшись к его груди, тихо призналась она, – как ты ищешь меня и кричишь: «Дилли-и!»

– Счастье мое... – Он провел руками по ее плечам, сдвигая странное пятнистое платье, и вдруг замер, словно увидев змею: – Откуда ты взяла... эту рубашку?

– Добыла в бою, – лукаво усмехнулась Дилли, сразу сообразив, какие мысли зашевелились в голове ее мужа. – Не могла же я ходить перед чужим мужчиной полуголой? На мне ведь, кроме нижней юбки и корсажа, ничего не оставалось. Вот и сняла с него нижнюю рубаху, пока спал... Я ему нарочно в настой снотворные травы добавляла, чтобы не ловить потом по кустам. Хотя сначала отобрала верхнюю, но в шелковой в лесу жарко, да и цвет неподходящий для тех, кто прячется. Ну, ты успокоился? Перестал меня ревновать?

– Я не ревновал... – Прижав жену крепче, Тровенг спрятал лицо в ее пахнущих травами волосах и виновато признался: – Поверь, всегда считал себя неревнивым. Даже не знал, что это такое. А сейчас как ширнул кто... спицей под ребра... даже дыхание перехватило.

– Это неправильно, – подняв руку, она нежно гладила его плечи, шею, затылок, – жене нужно верить. Вообще своим нужно верить, вопреки уликам, свидетелям и всему тому, что вы называете доказательствами.

– Дилли, – изумился Гард, осторожно приподнял ее лицо и заглянул в глаза, – ты на самом деле считаешь, что свои – друзья, родня, любимые – никогда не обманывают и не предают?!

– Нет, я так не считаю, – нежно глядя в его глаза, кротко улыбнулась ведунья. – И обманывают, и предают... Люди разные, и обстоятельства бывают всякие. Однако большинство все же преданные и честные, но даже если бы их было меньше – безоговорочно верить нужно всем. Понимаешь?

– Нет, – расстроился Гард. – Ты говоришь на незнакомом языке.

– Так ты же и сам такой, из верящих, – укоризненно улыбнулась ведунья. – И кроме того, сыщик. Тебе ведь лучше других известно, сколько трагедий случается из-за лживых наветов, слухов, чужой злобы, зависти и подлости. Даже из-за простых ошибок, глупых недоразумений и непонимания распадаются любящие семьи, рушатся судьбы, остаются сиротами дети!

– Разумеется, – сразу припомнил он несколько подобных случаев, когда сам мысленно ругал ревнивых дураков за доверчивость и вспыльчивость. – Ты хочешь сказать...

– Да, вера – вот главное, что может спасти нас от интриг подлецов и негодяев, лжецов и дураков, – убежденно произнесла ведунья, и понятно было, что это не только ее личное мнение, но и вековая мудрость прародительниц клана. – Поэтому верить своим нужно изначально и до последнего, наперекор всем доброхотам, чтобы никогда случайно не попасть в чужую ловушку, не разрушить собственными руками свое счастье. И лишь проверив все семь раз, хладнокровно принимать продуманное решение. Ведь, даже увидев мужа в объятиях соперницы, можно катастрофически ошибаться. Помнишь графа Аскольна?

– Помню, – крепче прижав ее к себе, пробормотал внутренне содрогнувшийся Гард.

Да и как не помнить? Тот случай потряс всю столицу. Влюбленная в графа троюродная родственница, желая расстроить свадьбу кузена, подсыпала в его бокал туманящее разум зелье и внушила, будто она и есть его невеста. Разумеется, подгадав к приезду той. В результате погибли все трое...

– Поэтому никогда не сомневайся во мне, – выдохнула ведунья и вдруг, слегка порозовев, смущенно шепнула, потянув мужа к спальне: – Не сможешь расстегнуть корсаж?

Брагод, особняк графа Гарданта Тровенга

Гард

Никогда прежде Тровенг даже представить не мог, что может быть так полно, всепоглощающе счастлив. И не поверил бы никому, ни магам, ни жрецам, если бы они еще несколько дней назад попытались убедить его, будто сурового и властного мужчину его лет может всего за пять суток так сильно изменить обычная женитьба.

Ведь женились все вокруг, и молодые, и достаточно пожившие, и хотя и ходили некоторое время с довольными рожками, как обожравшиеся сметаны коты, но очень скоро возвращались к прежнему образу жизни. Начинали снова гоняться за ветреными кокетками и по полночи просиживать в гостиных богатых приятелей за ломберными столиками.

Но Гард точно знал, что ни через месяц, ни через год не захочет ни одного из прежних развлечений. Откуда-то, из забытых и, казалось, потерянных в глубинах памяти детских сундуков, всплыли не совсем вытненные, но яркие картинки: стол, свечи, праздничный пирог... и почти незнакомый теперь мужчина, нежно обнимающий сияющую счастьем мать. А ведь они прожили к тому времени более двадцати лет и праздновали в тот день трехлетие Гарда. Ардика... как называла его тогда мать.

И теперь он отчетливо понимал, почему столько лет неосознанно старался не вспоминать связанных с детством событий. После смерти матери отец сильно изменился, стал тихим, скучным и никаких праздников больше не устраивал. А потом, оставив сына на попечение старенькой няни и гувернеров, переехал на юг, в замок к новой жене. Встречались они очень редко, и особой радости эти встречи Гарду не приносили. А в глубине души он остро тосковал по теплу и свету, переполнявшему его жизнь в детские годы.

– Я готова, – выпорхнула из гардеробной Дилли, свежая и еще слегка румяная после ванной. Но уже со строгой прической и в темном изящном шифоновом платье.

– Я тоже, – подавая ей руку, улыбнулся Гард и не сдержался, притянул жену к себе и заглянул ей в лицо шальными от понимания своей везучести глазами. – Я очень счастлив, Дилли. И я тебя люблю... никогда и никому этого не говорил... как знал, что найду тебя.

– Гард, – зарумянилась от смущения и удовольствия ведунья, – я счастлива это слышать... но ты не торопишься? Ведь мы женаты всего ничего...

– Мне и меньшего бы хватило, – упрямо качнул он головой. – Я это сразу почувствовал, да не поверил самому себе. А теперь знаю точно и клянусь – буду верить тебе всегда и во всем, даже если весь мир будет доказывать обратное.

– Ведуньи не изменяют любимым, – произнесла она слова, которые приберегала на потом, но просто не могла не сказать сейчас.

Они шли в кабинет Гарда, где уже собрались магистры, в обнимку, как парочка селян, и разомкнули руки лишь перед дверью.

– И почему мы не сбежали куда подальше? – вздохнул Гард, оправляя ей пелерину и зная, что мечтает о несбыточном.

Разговор с магистрами занял около часа, и Дилли было предельно ясно, что они стараются задавать только самые важные вопросы, желая восстановить истинную картину произошедшего в кабинете и на халгирской лодке. Ну и, конечно, историю их мытарств, хотя вот об этом Дилли говорила с откровенной неохотой, стараясь не открывать своих тайных умений. Хотя и понимала, что не подозревать истину они не могут, но подтверждать их предположения не собиралась. Просто не имела права.

– И последний вопрос, – заканчивая беседу, внимательно взгляделся в невозмутимое лицо ведуньи Звен. – Ты шла к князю, чтобы попросить помощи для своих сородичей?

– Нет, не просить. Купить, если получится вылечить Гелиссу, – уверенно поправила Дилли. – Но теперь понимаю, что это было большой ошибкой. Он знал, что она не больна, а просто не хочет жить так, как нужно ему. И зачем ему ведунья – тоже поняла, пока жила рядом. Он

собирался отправить меня королю вместо своей дочери, это же очевидно. А потом – либо наградить и отпустить, либо убить, по обстоятельствам. И когда понял, что я не пойду на сделку, обозлился и решил убить заранее. Ведь никто не узнает, что произошло на заброшенном хуторе. Ну а тело можно утащить в камыши... он не зря расспрашивал, какие там места.

– Мы это обязательно проверим, – процедил Тровенг, и его скулы закаменели. – А сейчас пора обедать и отдыхать.

– Я не устала, – с сожалением отказалась Дилли. – Мне хочется поговорить с Гелией. И у меня тоже есть вопрос – вы уже привезли ее возлюбленного?

– Догадалась, – довольно улыбнулся магистр. – Конечно, привезли. И раз ты в них заинтересована, хочу просить совета, с кем лучше сначала разговаривать?

– С ним, – ни секунды не сомневалась ведунья. – И возьмите меня.

– С удовольствием, мы и мечтать не могли.

Второе светозарня

Брагод, дворец князя Сайморса Онзирского

Дилли

Во дворец они отправились в карете, и настояла на этом Дилли. И не ради каприза. В каждом городе было заветное место, где ведуньи могли встретить посланницу или получить записку от своих. И ни одна из них, случайно оказавшись поблизости, не отказывалась попытать удачу. Хотя и знали, насколько редко она улыбается, но ради возможности оставить о себе весточку упрямо приходили к условленному пункту.

– Зачем тебе булочная, да еще и на углу рыночной площади? – отвлекаясь от мыслей о свалившихся на него заботах о княжестве, удивился Гард, услышав просьбу жены, но тут же, сообразив, что попусту она ничего не делает, повинился: – Извини, родная, не сразу понял. А куда точнее? Самой тебе лучше не ходить по обычным блинным.

– Ты хочешь сказать, – с улыбкой осведомилась она, – что я потеряла право на свободу? Но входить мне никуда не потребуется, просто пусть кучер едет тут помедленнее и остановит сразу, как попрошу.

– Я позабочусь, – серьезно пообещал Ланс, сидевший на противоположном диванчике рядом со старшим магистром. – И могу сбегать, если нужно.

– Там видно будет, – примирительно произнесла Дилли, прекрасно понимая мужа.

Он настолько переволновался за последние трое суток, что действительно готов запереть ее в башне. Это самое главное качество всех по-настоящему мужественных и властных мужчин – привычка постоянно держать под бдительным присмотром нужных людей и самые важные дела. С этим ничего нельзя поделать, и до смешного глупо надеяться, подобно самоуверенным прелестницам, будто такого самодостаточного и сильного человека можно переделать или перевоспитать.

И тем, кому это удастся, попросту никогда не приходит в голову, что вся властность, ответственность и мужественность были не настоящими, а всего лишь хорошей маской для публики.

Время давно перевалило за полдень, дождь уже закончился, уйдя на юг, и простые горожанки спешили пополнить запасы, наверстать отложенные утром походы на рынок. В широких воротах бурлил людской поток, сталкиваясь и смешиваясь на миг со встречным, и Дилли

никогда не нашла бы в нем нужного человека, если бы не знала, куда смотреть. На широкие, как скамья, перила булочной, где любили перекусывать пирожком или ватрушкой бегущие по делам посыльные, почтальоны и водоносы.

Взгляд ведуньи сразу выхватил среди примостившихся на перилах подростков беловолосую голову горбатенького парнишки, крепко обнимавшего за шею такого же белого лохматого пса.

– Останови! – сорвалось с ее губ немного более тревожно, чем нужно бы.

– Я с тобой, – мгновенно напрягся Гард и с досадой стиснул зубы, когда его пальцы не поженски крепко сжала изящная ладонь любимой.

– Никто никуда не пойдет, – возразила она уверенно и распахнула дверцу: – Эй, оборванец!

Собачку продаешь?

– Золотой, – хмуро отозвался горбун, и сидящие рядом подростки ехидно заржали. – Он ученый.

– Да? – с сомнением протянула Дилли и тут же, словно решившись, махнула рукой: – Поехали, покажешь, что он умеет.

Мальчишка шел к карете нарочито медленно и независимо, и все пассажиры успели его рассмотреть – от дешевых растоптанных башмаков до спутанной белой гривы, лишь наполовину прикрывавшей горб. И не по-детски мозолистые и мускулистые загорелые руки, и вытертое на плечах до дыр полотно рубахи, и едкую ухмылку, кривящую тонкие губы.

Он ухватился за ручку, легко перенес в карету худое жилистое тело, скользнул между ног пассажиров и уселся прямо на пол. Пес так же ловко вскочил следом, и Ланс поспешил захлопнуть дверцу, не желая испытывать терпение любопытных горожан.

– Давно вы тут? – Едва карета рванула с места, ведунья положила ладонь на спутанные волосы мальчишки и добавила: – Это все свои, можешь не волноваться.

– Те двое тоже? – глазами показал на магов горбун.

– Да, они нам помогут, обстоятельства изменились. Ты есть хочешь?

– Нет, мы заработали. – Мальчишка похлопал по зазвеневшему карману. – Мать передала – нужно надежное место. Мы нашли еще детей...

– Гард... – Дилли подняла взгляд на внимательно слушавшего их регента, и он мгновенно отозвался:

– Какой именно дом вам нужен? У меня поместье в семи милях от Брагода, слуги надежные, места много. Можете располагаться как захотите. Куда отправить кареты?

– Я собиралась отдать им свой дом, – намекнула ведунья, – но у меня нет желания разбираться с приживалками.

– Мать сказала, мы сами с ними поговорим. Только дай бумажку, что сдала нам дом на десять лет.

– Сейчас приедем во дворец и напишем, – твердо пообещал Тровенг. – А как они доберутся?

– Они уже добрались, если я верно понимаю, – тихо пояснила Дилли и успокаивающе потрепала горбуна по вихрам: – Не сердись, Чижик. Мы теперь и в самом деле заодно, я просто не могла отправить матери письмо. С тобой и передам. И отпусти наконец Оха, он уже слюнями изошел.

– Испачкает тебе красивое платье, – укоризненно буркнул мальчишка и еле слышно щелкнул пальцами.

Белый смерч взвился вверх, мгновенно очутившись на коленях ведуньи, тихо и счастливо поскуливая, исступленно облизал ей руки, нос, подбородок, выдавая нехитрую собачью тайну. Он был не просто рад этой встрече, он был счастлив так, как бывают счастливы псы только с теми, кто их когда-то спас или вырастил.

– Ох, глупый, – обнимала и теребила его Дилли. – Ты же теперь взрослый пес... должен быть степенным и важным... не лизаться, как щенок.

– Вы меня во дворец везете, что ли? – глянув в окно, забеспокоился Чижик. – А как я потом на рынок вернусь? Кто мне поверит?

– Облик пора менять, – строго заметила ведунья. – Ты слишком много так ходишь. Пока я пишу матери, тебе дадут другую одежду. А Ох пока останется со мной, я же теперь не могу его не купить?

– Ладно, – нехотя согласился мальчишка и беспечно вздохнул: – Удобная была личина.

Маги и Тровенг слушали их затаив дыхание, изо всех сил стараясь не показывать своей любознательности, но как только Дилли отправила пса на пол, Ланс что-то шепнул, и ее платье стало чистым, как новенькое.

– Спасибо, – благодарно кивнула графиня и с легкой усмешкой добавила: – Почти не ошпарил.

– Но это же совсем невинное заклинание!

– Я пошутила – мы умеем закрываться.

Копыта коней застучали по плахам подъемного моста, и менее чем через минуту карета остановилась возле бокового крыльца. Через эти двери во дворец входили лишь личные охранники князя и маги, а в последние три дня в просторной прихожей дежурили дозорные ковена, не пропуская никого чужого.

Но спутников Звена пропустили беспрепятственно, даже взглядом не выдав вызванное странной компанией изумление. Однако от ведуньи им не удалось скрыть ни чуточку расширившихся глаз, ни чрезмерно равнодушной приветливости улыбок.

– Лицедеи, – проворчал Чижик, шагавший следом за Дилли, придерживая пса за поводок.

Короткий ровно настолько, чтобы не мешал Оху сбежать или сражаться, если потребуется.

– Просто хорошо воспитаны, – поправил горбуна Ланс и получил в ответ язвительный взор.

– Если люди говорят не то, что считают, или не говорят того, о чем подумали, – это не воспитание, а лицемерие, – ехидно парировал парнишка.

Гард невольно усмехнулся, зачтя дерзкому мальчишке щелчок по носу. Ему нравилось, что этот горбун не опасался спорить с магами, не вел себя развязно и одновременно агрессивно, как обычные рыночные бродяги.

– Но если они смолчали, не желая смутить своими словами маленького горбуна, – внезапно возразила Дилли, – то это все-таки деликатность и чуткость.

– Там один был огненный, ты видела? – вопросом ответил ей Чижик, тайком покосившись на Ланса.

– Видела, – подтвердила Дилли. – Но не считаю, что огненные чем-то грубее прочих.

– Тогда тоже были огненные, – туманно намекнул на что-то известное им двоим мальчишка и смолк, не желая продолжать спор.

– Дилли, – приостановившись возле одной из дверей, мягко произнес Звен, – у меня появилась идея...

– С удовольствием выслушаю, – кивнула ведунья, и Гард провел ее в просторную комнату.

– Это кабинет для начальника караула, мы заняли его временно, – пояснил магистр. – Скоро нам закончат обустраивать комнаты этажом выше. Но это к слову. Я обдумал просьбу вашей родоначальницы и понял, что она принимала решение, еще не зная о нашем сотрудничестве, но уже получив сведения о твоём замужестве.

– Несомненно, – согласилась Дилли.

– И в той ситуации оно было самым лучшим, что можно придумать, – одобрительно кивнул Звен. – Одновременно проверка твоего мужа и надежный кров для своих подопечных.

– Для семьи.

– Хорошо. Но теперь есть выход гораздо надежнее. Ты можешь официально заняться благотворительностью, для жены регента это самое подходящее дело. Для начала создашь в своем доме приют для сирот, вдов с детьми и бездомных женщин. Заведовать этим домом будет ваша мать, и выбор новых обитателей останется за ней. А работниками, кухарками, прачками, садовниками назначите тех, кого она сочтет нужным...

– Я поняла, – перебила его Дилли, – это прекрасная идея, но дому требуется ремонт, там нет самого необходимого, а наследство графа ле Саренса давно проедено толпой приживалок.

– С ними мы разберемся сами, – твердо пообещал Звен. – Репутация вашей матери должна остаться безупречной. А деньги будут, ковен покажет пример, сделав щедрые пожертвования. От тебя нужно лишь согласие, и я тотчас отправлю в тот дом адвокатов и приставов.

– Сначала я напишу матери письмо, – шагнула к конторке ведунья. – Чижик отнесет.

– Тогда я не буду переодеваться, – пробурчал горбун, – и заберу Оха. Мог же он не понравиться такой властной даме?

– Хорошо, – задумчиво оглядела его Дилли, – но вы сюда вернетесь. У меня есть работа для вас обоих. Матери теперь не понадобятся попрошайки. Гард, дай ему, пожалуйста, несколько монет.

– С удовольствием. – Регент отстегнул кошель и подал парнишке: – Держи.

– Меня не ограбят? – заглянув внутрь, присвистнул тот.
– Мы доведем тебя до места, – мгновенно решил Ланс. – Возьмем простую карету. Идем.
– Я просто потрясен вашим великодушием, – съязвил Чижик, но все же направился вслед за магом, жестом позвав пса.
– Теперь Илнер, – напонила Дилли. – С ним лучше разговаривать здесь. Он хотя бы... здоров?
– Его не били, – нахмурился магистр, – но содержали как особо опасного преступника.
В одиночной камере, где один раз, в полдень, в потолке открывается оконце и оттуда спускается корзинка с самой простой едой. Раз в декаду в крохотной ванной бывает горячая вода, а в корзинке кроме хлеба, вареной картошки и яиц лежит чистое белье и кусочек мыла. Ни книг, ни бумаги, ни каких-либо игр. Только четыре стены без окна, дыра под потолком для воздуха и фонарь, загорающийся утром и гаснущий вечером. Но он все же не сошел с ума. Придумывал различные механические приспособления, обмылком рисовал чертежи на стенах и на полу. Усаживайтесь, я его встречу и отправлю сюда.
– Мечтаю познакомиться, – проводив его взглядом, произнесла Дилли и недоуменно подняла взор, ощутив, как крепче сжалась лежащая у нее на талии ладонь: – Гард? Ты же не ревнив?
– Я заблуждался, плохо себя знал, – невозмутимо заявил он и нежно поцеловал жену в носик. – Но теперь прозрел и готов во всеуслышание объявить себя главным ревнивцем всех ближних и дальних городов. Притом самым мстительным. И не смотри на меня так возмущенно, тебе я верю безоговорочно. Но верить всяким козлам – выше моих сил.
– Шутишь? – облегченно выдохнула Дилли, рассмотрев наконец лукавые смешинки в его глазах. – Ну я ведь могу и отшутиться. Будешь целый месяц целовать сморщенную старушку.
– Ну и что? – подумав, философски отозвался Гард. – Зато никто не станет смотреть на тебя, как козел на малину. К тому же к старости нужно готовиться заранее. Вот будем мы с тобой лет через сто сидеть весной в садике под яблоней, смотреть на правнуков и целоваться. И никакие халгирцы не станут нам мешать.
– Гард! – засмеялась Дилли, представив эту картинку, и на душе вдруг стало так ясно и тепло, словно она уже сидела солнечным утром в саду и вдыхала горьковатый запах яблоневого цвета. Голос ведуньи невольно дрогнул, и она на миг прильнула к мужу, мысленно обещая ему, что все так и будет. Она очень постарается сделать все возможное, чтобы больше не позволить какой-либо сумасбродке растоптать свое счастье. Хотя Генри она просто жалела и считала больше пациентом, чем мужем, но память о его страшной гибели даже сейчас, спустя три года, еще не стерлась и временами тянет сердце тупой болью, как старая рана.
– Дилли? – Гард сразу что-то почувствовал своей обостренной интуицией и чуткостью лучшего сыщика княжества, заглянул жене в лицо и расстроился: – Прости за неудачную шутку. Я не хотел тебя огорчать. Просто забываю от радости, сколько ты за эти дни перенесла... Дилли?
– Я на тебя не сержусь, – незаметно смахнула она невольную слезинку. – Наоборот, удивляюсь, как лживы порой слухи. Ты совершенно не такой, как утверждает людская молва, редко к кому она так же необъективна. Зато Сайморса все считают справедливым и великодушным, хотя мы уже знали, что это далеко не так. Потому и не пошли с просьбой.
– Родная моя... – Тровенг горячо жалел, что нельзя сейчас вернуться домой, посвятить молодой жене весь вечер, расспрашивая о том, как она жила до него, и, глядя в ясные глаза, наслаждаться ее непритворной искренностью. – Он специально выставлял меня злобным и подозрительным, оставив себе роль благородного правителя, и я не спорил, считая, что это даже на пользу делу. Владыку должны любить и уважать, тогда его врагам будет намного труднее плести свои заговоры. Теперь понимаю, как ловко он мной манипулировал, но все это я ему простил. А вот попытки убить тебя не прошу никогда и больше не считаю себя чем-то ему обязанным. Теперь я навеки должен лишь тебе – все обещанное в храме.
Он притянул к себе жену, подтверждая нежными поцелуями свои слова, и несколько минут наслаждался неведомым прежде счастьем, пока ведунья мягко и решительно не отстранилась.
– Сюда идут, – шепнула виновато, торопливо поправляя прическу, и провела ладонью по лицу, убирая предательский румянец. – Гард, если он не захочет с тобой говорить, оставишь нас на несколько минут?
– Вот... – с напускной печалью вздохнул ее муж. – Как только появляется молодой красавец...
– Он для меня слишком молод, – засмеялась Дилли, – поэтому можешь не беспокоиться.
– А сколько тебе лет? – внезапно заинтересовался Гард. – Извини... я просто хотел спросить... когда у тебя день рождения?

– Никто не знает, – с притворной беспечностью пожала плечами ведунья. – Почти двадцать шесть лет назад мать забрала у сумасшедшей старухи замурзанного и тощего ребенка. Ему было около года или чуть больше. Тот день мы и считаем моим днем рождения.

– Прости... – настроение графа сразу испортилось, – я никогда бы не спросил, если бы мог предположить...

Договорить он не успел. В дверь коротко стукнули, и появившийся маг учтиво представил:

– Илнер Янге. – Пропустив в комнату худого и бледного молодого мужчину, коротко кивнул и исчез.

– Проходи, садись, – предложил Гард, но, рассмотрев недавнего заключенного, хмуро поинтересовался: – В «Сорргейве» плохо кормят?

– Меня оттуда увезли через год, – бледно усмехнулся Илнер. – Не знаю куда, в еде было снотворное.

– Но сейчас... – Регент хмурился все сильнее.

– Два месяца назад вернули. Наверное, планы изменились.

– И что там с тобой делали? – На щеках Тровенга заиграли желваки.

– Пытались выяснить, каким образом я пробирался к княжне. – Губы бывшего гвардейца искривила кривая ухмылка.

– Били? – едва сдерживаясь, рыкнул сыщик.

– Нет... но издевались. Рассказывали про нее всякую грязь, запугивали, по три дня не давали воды... пока не начинало мутиться сознание.

– Я же просил послать мне весточку, если что-то будет не так!

– Не получилось. Они все отобрали еще в крепости и пригрозили, что доберутся до моих родичей. – Илнер отвернулся к окну и словно забыл про собеседника.

– Дилли, я должен ненадолго уйти, – заметив поданный женой знак, нехотя произнес сыщик и так же скрепя сердце покинул кабинет.

– Я бы чаю попила, – задумчиво проговорила ведунья, глянув в окно. – А ваша милость присоединится?

– Меня последние четыре дня кормят с утра до ночи, – фыркнул Илнер и осекся, когда незнакомка уверенно закончила его фразу:

– Но есть все равно хочется. Не волнуйся, это не страшно. Просто жуй получше, запивай обильнее, и ничего твоему желудку не будет. Ланс?

– Ваша светлость нажала на кнопку, – широко улыбнулся возникший в дверном проеме напарник Гарда.

– Наша светлость хотела попросить чаю, – отозвалась Дилли. – И к нему чего-нибудь посушественнее. Я где-то нагуляла зверский аппетит.

– Прости, сейчас будет. – В голосе стремительно исчезнувшего мага ясно слышалось огорчение. Дилли проводила его взглядом, спокойно придвинула к креслу Илнера небольшой столик и села напротив.

– Ну зачем вы сами двигали, ваша светлость? Я не инвалид, – хмуро поглядел на нее мужчина. Молодой, всего двадцать пять, Дилли это было известно давно. Но в глазах усталость и тоска, как у человека, почти прожившего жизнь.

– Ничего, он легкий. Илнер, я пришла поговорить с тобой об очень деликатной проблеме... У меня здесь важное дело – вернуть к жизни Гелиссу. Но для того, чтобы она захотела жить как все нормальные люди, я должна показать ей цель, ради которой она пожелает вылезти из кокона безразличия. Этой целью могут стать разные вещи, и проще всего пообещать ей тебя. Но сначала я хочу знать, нужна ли тебе эта несчастная девушка, пережившая предательство самого близкого человека – собственного отца. Если нет, скажи откровенно, твою судьбу это не испортит. Тебе возместят все потери и изымательства и помогут устроиться так, как ты пожелаешь. Это я обещаю.

В дверь снова стукнули, и она смолкла. И молчала, пока за подавшей на стол горничной не закрылась дверь.

–пей чай, – выбирая тарталетку, предложила Дилли. – И не спеши. Взвесь все хорошенько.

– А кто вы такая? – с внезапным подозрением глянул на нее бывший лейтенант.

– Ведунья, – светло улыбнулась она, подумала и добавила: – И уже пять дней как жена лорда Тровенга.

– Он женился, чтобы вылечить Гелиссу?

– Нет. Он искал меня, чтобы вылечить Гелиссу, – в серых глазах женщины плескалось доброе веселье, – а женился неожиданно даже для себя. И это не фиктивный союз. Но я жду такого же честного ответа.

– Если бы все было так просто... – Горькая усмешка снова исказила губы недавнего узника. – Но ответьте еще на один вопрос... Ее отец знает, что я здесь?

– Нет. И никогда не узнает. Он болен... серьезно. И лечится в... не важно где. Но прежним уже не будет.

– Понятно... – задумался Илнер, снова уставился в окно и, казалось, забыл обо всем. Но рука, потихоньку таскавшая с блюда еду, выдавала его смятение.

– Мне очень жаль Гелиссу, – сказал он наконец и виновато глянул Дилли в глаза, – но я ведь даже никогда не видел ее вблизи. Лишь издали во время дежурств. Конечно, ее чувства меня очень тронули, я с удовольствием ей отвечал на «солнечные» записки. Когда их расшифровал. И даже мечтал жениться, но жить где-нибудь в поместье. Я совершенно не подхожу для светской жизни, и она такая же, это мы выяснили первым делом.

– Илнер, сейчас возможно все, – уверенно заявила ведунья. – И если ты хочешь знать мое мнение – вам нужно познакомиться поближе. А чтобы никто не мешал разговаривать и гулять по саду – заключить помолвку. Допустим, на год, ей нужно восстановить здоровье, да и тебе тоже. А потом вместе решите, разорвать ее или назначить свадьбу. И не беспокойся, править княжеством Гелиссе не придется, мой муж назначен регентом. Жить можно будет в дальних покоях дворца, куда нет доступа любопытным придворным. В тронном зале она должна появляться лишь в крайних случаях.

– Почему вы так сильно хотите выдать ее замуж за простого лейтенанта? – недоверчиво шурился Илнер.

– Нет, замуж княжну никто не гонит. Я всего лишь хочу ее вылечить. – Дилли открыто смотрела ему в глаза и говорила самым доброжелательным и уверенным тоном, помня, что веру в людей в несчастном узнике убивали упорно и изощренно. – Ты же сказал, тебе ее жаль. И мне тоже, я просто не выношу, когда родители считают детей товаром, который нужно продать повыгоднее для себя.

– Мои родители не такие... – вспомнил лейтенант и вдруг подозрительно уставился собеседнице в лицо: – А что с ними?

– Прости, я не спросила у мужа. Но мне кажется, они в безопасности.

В этот раз на звонок в кабинет явился Тровенг, подтверждая догадку Дилли, что их бессовестно подслушивают.

– Как у вас дела?

– Илнер спрашивает, что с его родичами?

– Все хорошо. Отцу с матерью не разрешали выезжать из города и проверяли почту, но теперь все запреты сняты и они получили солидное возмещение. И уже едут сюда, за ними послали карету.

– Спасибо, – с облегчением улыбнулась мужу ведунья и обернулась к лейтенанту: – Не спеши, не нужно решать сгоряча. У тебя есть время подумать.

– Я постараюсь, – поднялся он с места и направился к двери, но, дойдя, оглянулся на регента: – А ходить мне можно везде?

– Конечно, – пожал плечами тот. – Ты теперь свободный человек.

Третье светозарня

Брагод, дворец князя Сайморса Онзирского

Гард

Солнце лениво поднималось из-за дальних холмов, обливая теплым светом суровые замковые стены, величественный дворец, роскошный сад, высокие мостики, фонтаны и крыши беседок. Но вначале оно осветило просторную площадку на вершине угловой башни защитной стены, где яростно сражался с соломенным чучелом Гардант Тровенг.

В каждой руке регент, одетый лишь в легкую кожаную броню и любимый шлем, держал тонкий изогнутый клинок и управлялся с ними с невероятной ловкостью и скоростью. Солома и дерево так и летели во все стороны, усыпая светлым ковром потертые базальтовые плиты пола. Ради защиты от огня замковые стены когда-то построили полностью из камня, не применяя дерево даже для перекрытий.

– Достаточно, – негромко произнес Халс, сухой и жилистый, как вяз, форандец, служивший у Тровенга мастером-оружейником. И исполнявший при этом еще с десяток различных обязанностей.

– Левая рука чуть отстает. Если вступишь в длительный бой, будешь путаться, – назидательно сообщил Халс, так же хорошо, как и хозяин, знавший, насколько редкое, почти небывалое, это явление – длительный бой. Особенно если встречаются мечники уровня, подобного Тровенгу. Равных в бою можно легко отыскать в пору ученичества, реже – среди гвардейцев первых лет службы. А позже каждый мечник находит свой собственный прием и особенный внезапный удар. И в схватке повезет тому, кому удастся нанести его раньше соперника.

– Подтяну, – улыбнувшись, пообещал Гард старому учителю, и тот вдруг тихо засмеялся.

– Радуюсь за тебя, хозяин, – пояснил он удивленному графу. – Женидьба – дело темное, не всем везет. А тебе выпал счастливый камень, и это сразу видно. В твоей манере боя появилась душа, и это делает тебя намного сильнее. Прежде ты был лучшим потому, что просто желал победить, а теперь у тебя есть ради кого побеждать.

– Спасибо, – выдохнул Гард, снял шлем и водрузил его на голову Халса.

Затем оглянулся на широкую бойницу, у которой каждое утро после тренировки стоял по две-три минуты, остывая и наслаждаясь видом и легким ветерком. Усмехнулся и замер на месте, теперь ему было не до красот окрестных холмов. Гард и так сбежал сюда незаметно, как преступник, не желая потревожить сладко спящую жену. Одно воспоминание о Дилли выгнало на губы широкую счастливую улыбку, и регент, не раздумывая больше, сунул оружие в ножны. Халс проводил ученика понимающим, добрым взглядом и шагнул к бойнице, шепнуть ветерку, что сегодня ловкий мечник не придет с ним поздороваться.

Резкий удар в плечо и близко не походил на нежное дуновение утреннего бриза, и опытный мастер сразу это сообразил. Не стал даже пытаться удержаться на ногах, наоборот, как подкошенный рухнул на пол и пополз к лестнице, стараясь держаться в тени стен. И лишь через пару десятков локтей ощутил, как начинает неметь левая рука. Скосив взгляд, мастер с досадой рассмотрел расплывающееся по легкой бригантине темное пятно и торчащий посредине хвостик дальнобойного болта.

– Злое змейство! – ругнулся старик на форандском и, понимая, что своими силами ему не добраться, лег на пол.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы достать из-за пазухи тревожный свисток, и еще пара – резко в него дунуть. После этого оставалось лишь лежать, стараясь дышать размеренно и ждать помощи.

Гард не успел еще спуститься до первого этажа, где обычно купался в прохладной купели и переодевался, когда увидел мчавшегося навстречу дежурного мага и отстававшую от него на несколько шагов четверку гвардейцев.

– В чем дело? – рявкнул регент повелительно, однако маг даже не приостановился.

Но, пробегая мимо, коротко бросил:

– Тревожный сигнал.

Гард немедленно развернулся и ринулся за ним, с досадой понимая, что неуклонно отстает. Маги не стеснялись использовать в подобных случаях свои умения и усиливающие зелья. Так они и ворвались на верхнюю площадку, покинутую регентом всего пару минут назад. Маг впереди, а Тровенг, вспомнивший, что там никого не оставалось, кроме Халса, и собравший все

силы, – шагов на двадцать приотстав. И едва смог рассмотреть лужу крови, растекающуюся от лежащего навзничь учителя и склонившегося над ним мага, расвирипел, словно дикий зверь. Трудно было не понять сразу, что Халс пострадал не за собственные действия, у мечника не было в княжестве ни одного недоброжелателя. Зато были у самого Тровенга, и, следовательно, настигший учителя удар предназначался Гарду.

Он давно знал и понимал, что Сайморс постепенно отстраняет его от действительно тайных дел, которые сам и сгрузил на него когда-то, но старался не обращать внимания. Многие люди к старости становятся подозрительными и недоверчивыми, особенно когда нет дружной семьи и надежных друзей. Обвинять князя в том, что он сам сплавил в монастырь жену, не сумевшую родить ему наследника, и чуть не убил дочь, Тровенг мог только мысленно, точно зная, как сильно пожалели о своей дерзости те, кто осмелился произнести это вслух. Нет, он не боялся, давно приготовил себе запасное гнездо, просто не видел в этом смысла. Князя убедить не удалось бы, а, лишившись места советника, Гард предоставил бы Фабонзу полную свободу действий и возможность карать своих недругов. А этого допустить он никак не мог, во врагах у интригана числились самые порядочные и честные подданные князя.

– Я заморозил рану, дал ему противоядие и вызвал магистра, – мельком глянув на регента, сообщил маг и вдруг властно приказал: – Не стой на виду и не подходи к бойницам. В него стреляли из арбалета. Болт усилен магией, иначе он не пробил бы броню. Но сидит неглубоко... Больше он ничего не добавил, но Тровенг и сам понимал, сколько всяких пакостей может оказаться в усиленной магией стрелке. От неизвестного яда до проклятия или болезни, и теперь все зависит только от силы и мастерства магистра.

Поэтому послушно сел на пол и взял учителя за сухую, прохладную руку, мысленно умоляя потерпеть еще несколько минут.

Звен примчался еще стремительнее, чем его собрат, и за ним так же легко, как горные козлы, прыгали по ступеням Ланс и еще пара магов.

– Гард, ты как?! – завидев сидящего на полу друга, ринулся к нему напарник. – Ранен?!

– Не я. Халс. Он был в моем шлеме...

– Слава светлым силам! Но тогда ты зря тут сидишь, мы справимся и сами, – отозвался присевший около раненого Звен. Коротко глянул на поджавшего губы Тровенга и примирительно добавил: – У тебя куча дел и молодая жена. Не заставляй ее волноваться. Ланс, иди с ним и не отходи ни на шаг. Кому-то очень не нравится, как повернулись события. И лучше не давать им возможности все возратить в прежнюю колею, иначе...

Все отлично понимали, как непредсказуемо и страшно может быть это «иначе», и Гард – едва ли не отчетливее всех. Поэтому пожал руку учителя и покорно пошел прочь, размышляя, как обезопасить Дилли и ее сородичей.

– Гард! – догнал его Ланс. – Магистр советует временно закрыть замок от гостей и просителей и усилить охрану в столице. Вескую причину долго искать не придется – княгиня при смерти, князь в скорби... Маги готовы помочь.

– Согласен, – с благодарностью выдохнул Тровенг, именно этого ему сейчас и не хватало. Мудрого совета и помощи.

Намного легче бороться с любой бедой, когда есть сильные и верные союзники. Почти друзья. А может, в чем-то даже надежней, ведь с друзьями не всегда совпадают мнения о самых важных для тебя вещах.

Разумеется, он отлично знал, что мало просто закрыть ворота замка от назойливых бездельников и интриганов, нужно искать затаившихся, но не славшихся врагов. Но как приятно осознавать, что можно будет ходить по залам и лестницам, не раскланиваясь с каждым встречным разряженным индюком и не рассыпаясь в любезных комплиментах высокомерным дамам.

У него всю жизнь было обыкновение погружаться в свои мысли, когда требовалось срочно решить какой-то важный вопрос или продумать план серьезной операции. В такие моменты Гард делался слегка рассеянным и мог, направляясь в кабинет или в библиотеку, забыть о всяких поклонах и расшаркиваниях. Хотя и замечал все происходящее вокруг, но очень отстраненно, подсознанием фильтруя на главное и незначительное. И почему-то все расфуфыренные бездельники всегда попадали во вторую категорию. Это оскорбляло их до глубины души, Тровенг отлично знал, с какой язвительностью они между собой обсуждают его невоспитанность, не решаясь, однако, при встрече высказать ни единого упрека.

Тем более никто из блюдолизов даже в пылу обид не решился бы подстрелить его из особого, усиленного магией арбалета. Да они такого оружия и в руки никогда не брали. Однако пробудить в них озлобление сейчас, когда княжество лишилось законного, хотя и не лучшего правителя, все же было неосмотрительно.

– Мы можем написать тебе речь, – деликатно произнес следивший за другом Ланс. – У нас есть братья, для которых найти нужное слово так же легко, как тебе – воришку. И еще... Звен уже отправил на холмы наших лучших следопытов, они отыщут любой след.

– Спасибо, – кивнул Гард, и сам собиравшийся это сделать, и буркнул просто для порядка: – Надеюсь, стрелка они найдут быстрее, чем Дилли.

– Сейчас искать намного проще. Место, откуда можно попасть в бойницу так безошибочно, не больше комнаты, – не смог не встать на защиту братьев Ланс, но тут же смягчил тон: – К тому же Дилли – не маг и умеет не оставлять следов. Кстати, к ней спозаранку пришли две женщины, и они уже завтракают в ее гостиной. Я как раз шел к тебе доложить, когда услышал тревожный сигнал.

– Понял, уже иду, – кивнул Тровенг и тут же спохватился: – А ты не хочешь пойти со мной? Тебе ведь интересно?

– Думаешь, мне одному? – с усмешкой намекнул маг. – Ни один магистр не отказался бы.

– Темная сила, – выдохнул регент огорченно, сообразив, что мысленно еще находится там, на башне, – прости за несообразительность. Конечно, зови Звена. Ну и еще кого-нибудь одного, не стоит кучей наседать на редких гостей.

– Гард, – деликатно прикоснулся к его плечу маг, – не переживай ты так. Я работаю рядом с тобой почти десять лет, не раз вместе сидел в засаде и шел по следу разных мерзавцев. И знаю, как ты обычно собран, холоден и непреклонен. Если честно, даже боялся, что у тебя в душе не осталось простых человеческих чувств и слабостей. Это ведь очень страшно и ничем не лечится. А сейчас на тебя столько всего свалилось – неожиданная свадьба, предательство Сайморса, похищение и покушение, немудрено, что ты растерялся. И все равно беспокоишься обо всех: о ведуньях, о Гелии, даже о князе. Да еще и взвалил себе на плечи целое княжество... Лично я бы не решился.

– Ты меня сегодня удивил, – ошеломленно смотрел на друга Тровенг. – Но, наверное, ты прав, никогда прежде мне в голову не приходило, что всего за несколько дней жизнь может так резко измениться. И я рад, что ты и твои братья пришли мне на помощь, точнее, всему нашему народу.

– Так ведь и мы тоже этот самый народ, – отшутился Ланс и достал почтовый амулет, послать сообщение Звену.

Оставив мага отправлять вестников, Гард поспешил в ванную, не желая предстать перед родственницами жены в пыли и соломе. И вскоре, умытый и причесанный, в свежей одежде и мягких домашних ботинках, он входил в собственную гостиную. Кроме Дилли и ее гостей за накрытым столом уже сидели трое магов. Ланс, Звен и молодой лекарь Варгус, принявший вчера под свой надзор дворцовый лазарет.

– Светлого всем дня, – поздоровался вежливо регент, прошел к жене и, нежно поцеловав ее в щеку, сел рядом. – Поскольку тут все свои, обойдемся без лишних церемоний. Представь мне своих родственниц, любимая, маги, надеюсь, представились сами. Я – Гардант Тровенг.

– Мы тоже можем сами, – тепло улыбнулась ему старшая женщина, голубоглазая и светловолосая, с пышной косой, узлом уложенной на затылке. – Я – Ясвена, а она – Лита.

– Очень приятно, – искренне отозвался Гард и перевел взгляд на лекаря: – Варгус, как там дела?

– Неплохо. Яд мы опознали, устранили, рану зашили, кастовали регенерацию. Дня три тебе придется обходиться без мастера.

– И место, откуда стреляли, уже нашли, – ответил на немой вопрос Звен. – Туда ушла четверка боевиков на каргах. Сейчас они догоняют стрелка, как только поймут, пришлют вестника.

– Он один?

– Пока непонятно. Они выслали вперед следящее заклинание и поместили преступника.

Удаляется он быстро, видимо, едет на марале или страве. Но кархи быстрее.

– Гард? – встревоженно спросила сыщика жена. – Что это за история?

– Кто-то выследил, где он каждое утро занимается с учителем-мечником, – спокойно сдал регента магистр. – Но болт попал в наставника. Извини, Гард, – ничуть не виновато глянул он

на сердито поджавшего губы Тровенга, – но такие события от жен лучше не скрывать. Андилия – не изнеженная леди, которая начнет рыдать и падать в обморок.

– Почему же? – с улыбкой возразила Ясвена. – Мы такие же женщины, как и они. Можем и в обморок упасть.

– Слышал? – Гард метнул в мага недовольный взгляд.

– Но предпочитаем быть в курсе происходящего, – мягко добавила старшая ведунья. – И спасибо за предостережение... Как я понимаю, вы неспроста рассказали это при нас?

– Мы хотели предложить вам помощь, – осторожно произнес Звен. – Дилли говорила, что вы вынуждены были убежать. Кто вас так напугал?

– Халгирцы, – прямо глянула ему в глаза мать клана. – Мы их видим издали. И от вас отличаем. Они уже захватывали наших девушек, тем удалось уйти, но с ними не было малых детей.

– Я так и думала, – нахмурилась Дилли. – Тогда, может, забереешь Оха?

– У нас еще пять собак, – отказалась Ясвена. – Да и помощь магов я думаю принять. А Ох и вам пригодится. Ну а теперь давай сходим к княжне, из-за нее я и пришла.

– Ты с нами? – глянула на Тровенга жена.

– Провожу, но разговаривать лучше без меня. Она всех советников и помощников своего отца считает врагами.

– Тогда мы сами, поешь спокойно, – постановила Дилли и сдобрила это решение ласковой улыбкой. – Я скоро вернусь.

– Ничего, прогуляюсь, – поднялся с места Тровенг, хотя неназойливая забота жены согрела душу неожиданно трогательным теплом.

Давненько уже никому не было дела до того, спокойно он позавтракал или наспех сжевал холодные и черствые куски. А иногда и просто на ходу проглотил кружку крепкого взвара, щедро приправленного медом и сливками. Нитта всегда ставила такой на стол в его спальне и в кабинете, зная, что хозяин может куда-то сорваться по срочному вызову перед самым ужином.

– И я, – тихо буркнула вторая гостя, совсем юная ведунья.

Она была худенькой, миниатюрной и светловолосой, как мать клана, хотя Гард теперь отчетливо понимал, что это всего лишь иллюзия. Ведуньи могут быть такими, какими захотят, вернее, какими им выгодно быть в этот момент. Постоянным остается только вес, да еще цвет глаз. Даже рост ведуньи могут менять, как объяснила Дилли, но не слишком кардинально.

– Пожалуй, и я с вами схожу, – внезапно решил Ланс, присоединяясь к уходящим.

– Без охраны нас отпускать не положено, – съехидничала девчонка, и Гард сразу насторожился. Где-то он уже слышал эти интонации, причем недавно. Выбравшийся из-под стола белый пес привычно пристроился с левого бока Литы, и сыщик на миг ошеломленно замер. Темные силы! Давненько он так не ошибался... пожалуй, с самой юности, когда еще только учился сыскному делу. Хотя лишь сейчас начал понимать, что, вполне возможно, о некоторых своих оплошностях не узнает никогда.

– Ну да, – насмешливо подтвердил Ланс. – Вы неизученная и непонятная сила, лучше не оставлять без присмотра.

– А говорят, маги ничего не боятся, – с разочарованием протянула девчонка.

– Врут, – уверенно объявил маг. – Мы трусливые и осторожные, как...

– Тараканы, – мило улыбнувшись, подсказала Лита.

Шедший следом за ними Гард отметил, какой хорошенькой она становится, когда улыбается, просто светится, как хрусталь, на который упал солнечный лучик.

– Да, эти точно трусливы, – с досадой поджав губы, вынужден был согласиться Ланс. – Но мы...

– Еще трусливее?! – В голосе девчонки звучал хорошо сыгранный изумленный ужас.

– Вообще-то, не стоит так задевать магов, – не выдержав, попытался помочь другу регент и тут же понял, что попался.

– Убивать будет? – очень серьезно справилась Лита и чуть замедлила шаг. – Тогда я рядом с тобой пойду. Тебя же он бить не будет? А ты меня защитишь по-родственному. Хорошо иметь в зятях целого регента.

– Я детей не бью, – раздосадованно огрызнулся Ланс, и Гард невольно улыбнулся.

И сразу же поспешил поджать губы, не желая расстраивать друга еще больше. На его памяти еще никому не удавалось так обозлить спокойного и рассудительного сыщика, легко справлявшегося с любыми преступниками.

– А всех остальных, значит, бьете, – тотчас печально вздохнула юная ведунья, не пропустившая оговорку Ланса.

– Только бандитов. – Тот явно проигрывал в этом шуточном пикировании, но сдаваться никак не желал.

– А если они еще дети? – живо заинтересовалась Лита.

– Чижик, – оглянувшись, улыбнулась девчонке Дилли, подогрев смутную догадку регента, – ты встречала детей-бандитов?

– Целую толпу, – уверенно кивнула Лита. – И теперь хочу знать, можно их бить или нужно терпеть все пакости?

– Где Чижик? Или... – Замерший на месте Ланс поперхнулся и, медленно обернувшись, потрясенно уставился на юную ведунью: – Что?!

– Дилли, – мягко окликнул жену Гард, сомневаясь, стоит ли верить своим ушам или над ними сейчас пошутили. – Скажи, любимая, это у тебя привычка такая – звать всех подростков Чижиками?

– Нет, – с улыбкой качнула она головой и, дождавшись мужа, прижалась на секунду к надежному плечу, затем взяла его под руку и потянула дальше. – Чижик у нас один. Одна. Лита. Она с детства такая... говорливая и живая.

– И она сидела на рынке и скоморошничала за монетки?! – В голосе Ланса внезапно прорезались гневные раскаты надвигающейся грозы.

– Ничего подобного! – всерьез оскорбилась Лита. – Мы там работаем. Собираем слухи и передаем весточки от сестер. Как бы Дилли узнала, где мы, если бы я там не ждала в условное время? А теперь Снежок сидит и будет сидеть, пока нужно.

– Тоже в личине горбуна? – не поверил Ланс.

– Нет, – решила вмешаться в спор Ясвена. – У Снежка своя личина. Однако Чижик хотела сказать вам не про себя. На рынке набирает силу банда подростков, в основном попрошайки и бродяги, но учит их кто-то взрослый. Литу они не трогали, Ох натаскан защищать хозяина. А многие молодые кухарки и служанки ходят по рядам только группками и все чаще берут охранника. Там у входа можно нанять.

– Знаю, – помрачнел Гард.

Он действительно знал и уже пару раз предупреждал начальника городской стражи, чтобы навел там порядок. И тот честно обещал все сделать и всех воришек посылать. А раз не сделал, значит, у самого рыльце в пушку.

– Я займусь, – скрипнул зубами Ланс.

– Нет, – сухо отказал регент. – Сам с Кирнера спрошу, еще месяц назад давал задание. Видимо, пора ему в отставку. А тебе доверяю гостей. Любимая, – склонился он к жене, прикоснулся губами к пушистым волосам и на миг задохнулся жарким, непривычным еще счастьем, – мы пришли. Вот покои княжны. А мне пора.

Третье светозарня

Брагод, дворец князя Сайморса Онзирского

Дилли

– Я так рада за тебя, он во всем искренен, – тихо, одними губами, шепнула Ясвена, подхватив дочь под руку, и добавила громче: – Ну, идем к княжне? Ланс, если я пойму, что ты ее тревожишь, то поправлю прическу. Это знак оставить нас одних.

Ведунья проговорила это так твердо, словно командовала сейчас своими ребятишками, но внезапно ставший очень серьезным маг и не подумал возражать. Даже слова не произнес, лишь кивнул согласно и снова нахмурил брови, обдумывая что-то свое.

Ясвена уверенно постучала в дверь и, не дожидаясь разрешения, потянула за ручку.

– Можно? – входя в комнату, спросила она неожиданно мягко.

– Нужно было дождаться, пока вам ответят! – возмущенно прошипела старшая фрейлина.

– Не забывайтесь, леди Райконт! – тотчас холодно одернул ее Ланс. – Перед вами ваша госпожа леди Андилия Тровенг и ее родственники!

– Можете быть свободны, – сухо произнесла Дилли, не глядя на компаньонку княжны. – Ваши услуги здесь пока не требуются.

– Простите... – оторопело пробормотала та, но, проходя мимо мага, метнула в него злой взгляд. Чижик едва слышно едко фыркнула, но тут же замерла с самым невинным видом, рассматривая сидевшую в кресле у окна бледную худенькую девушку.

На вид она казалась не старше самой Литы, восемнадцатилетие которой наступит лишь в первый месяц осени, однако все присутствующие знали, что еще весной Гелиссе исполнилось девятнадцать.

– Ну, девочка моя, – сев напротив княжны, с сочувствием оглядела ее Ясвена, – я принесла тебе хорошие новости. Ты победила. Отныне никто и никогда не заставит тебя выйти замуж за нелюбимого и никто никогда не выгонит тебя из этого дома. Теперь ты княгиня и выбирать князя будешь по своему вкусу.

– Мне еще нет двадцати одного, – безучастно прошелестела в ответ Гелисса и снова уставилась в окно.

– Мы знаем, – улыбнулась Дилли. – Мы ведуньи. И отлично понимаем, что ты нам не веришь. Да и кто бы поверил на твоём месте? Но у нас правило такое – жить честно. И заморочить мы можем только мошенника или злодея, но никак не ребенка и не обиженную жизнью девочку. За эти дни в княжестве многое поменялось, твой отец уличен в опасных для народа интригах и вернуть себе власть не сможет уже никогда. Он сам от нее отказался, когда удрал из княжества, похитив меня. Тогда я еще не знала всех планов Сайморса и помогла князю бежать из плена, но в ярости он попытался меня убить. Если захочешь, позже я расскажу тебе все подробно, хотя ты ведь и сама давно уже знаешь, насколько он жесток и лжив. Самого преданного и честного советника, лорда Тровенга, выставил перед всеми пугалом, надеясь казаться на его фоне добрым. Однако весь тайный сыск и все маги знают, кто прикладывает все силы, чтобы спасти оговоренных и оболганных узников от незаслуженного жестокого наказания. Вот и Илнера Янге тайный советник спас от казни, даже дал тому вестника на всякий случай. Правда, уже в тюрьме до лейтенанта добрались приспешники Фабонза, и от них ему сильно досталось... но он жив и здоров.

Дилли специально рассказывала о последних событиях с такими подробностями, словно перед ней ребенок. Княжна и в самом деле была сейчас маленькой девочкой, спрятавшейся от жестокой действительности в надежный кокон придуманного убежища.

– Зачем вы мне это объясняете? – За почти настоящим, мастерски сыгранным безразличием в голосе Гелии таилась неизбывная боль, и ее ощутили не только ведуньи, но и маг.

– Быть может, вашей княжеской светлости будет интересно знать, что Илнера уже привезли сюда еще два дня назад. Он живет в покоях второго этажа, – ломая все планы ведуний, сообщил Ланс, с удовольствием отметив, как сбилось старательно выровненное дыхание Гелиссы, и добавил с легким вздохом: – Целители прописали ему особый рацион.

– А... – Гелия замялась, еще никому из них не веря и не решаясь задать волнующий ее вопрос, – он болен...

– Просто голодал... – Ясвена взяла княжну за руку и крепко, ободряюще пожала. – Ты же понимаешь, что в тюрьме кормят скудно?

– А вы... – наконец с робким интересом покосилась на нее девушка.

– Меня все зовут попросту – матушка Ясвена. Я старшая мать клана, и для меня все обиженные и брошенные девочки любого возраста – дочери. Потому и обращаюсь ко всем попросту.

И всем помогаю, таково мое призвание. Вот и к тебе пришла, как только смогла, прежде

пришлось бы пробиваться силой, а мы ни с кем не деремся. Только защищаемся. Ну так как ты решишь, девочка, будешь разговаривать с лейтенантом или это был просто предлог, чтобы пойти против воли отца? Ну поплачь немного, я с тобой посижу и все тебе объясню. Дилли...

– Мы уже ушли, – потянула Ланса к двери графиня. – Чаю вам приготовим.

Лита с Охом шла за ними и, едва прикрыв за собой дверь, возмущенно фыркнула:

– Раньше я была лучшего мнения о магах. Представить не могла, что вы такие коновалы.

– Что значит «коввалы»? – оскорбленно прищурился Ланс.

– А кто еще разом вываливает такие новости на голову перепуганной девушке, будто воз камней с моста? – обвиняюще заявила девчонка и назидательно пояснила: – К этому нужно было подходить постепенно, издали, как Дилли.

– Он ведь не просто маг, он воин и сыщик. – Дилли попыталась защитить друга, но Лита снова пренебрежительно фыркнула:

– Матушка говорит, что маги и тем более дознаватели должны быть в сто раз пронительнее, хитрее и обходительнее, чем обычные люди.

– Против мнения матушки мне не выстоять, – буркнул Ланс, в глубине души удивляясь, как этой пигалице удастся заводить его с полуслова, и яростно ругая себя за вспыльчивость.

Ну что ему стоило сейчас смолчать? Молчал же столько лет, слушая выговоры вечно недовольного Сайморса.

– Так и не нужно было бежать впереди повозки, – язвительно высказалась Лита. – Теперь бедная Гелия будет рыдать целый час, а матушке придется ее утешать.

– Пусть немного поплачет, ей полезно отпустить все обиды. – Приобняв сестру за плечи, Дилли повела ее от мрачно сопевшего мага. – А тебе я открою один секрет. Зря ты нотации Лансу читала, лучше бы попросила его показать какое-нибудь чудо. Или покатать на каргах.

– Вот еще... – неуступчиво дернула плечиком Чижик. – Попрошайничать! Да я этих фокусов знаешь сколько видела на рынке? Там почти каждый день новые комедьянты выступали.

– А кархи тоже были? – с благодарностью ухватился за подсказку графини Ланс.

– На них ведь нужно учиться летать? – отмахнулась вредная девчонка. – А я высоты боюсь.

– Тогда я вас оставлю. – Распахнув дверь в соседнюю гостиную, маг сделал широкий жест: – Прошу, чужие тут не ходят. Это крыло охраняется особо. Вот звонок, горничные принесут все, чего пожелаете.

Ланберс торопливо направился к лестнице, и вскоре его шаги стихли где-то внизу.

– Ну придумывай, чего тебе хочется, – предложила Дилли, проходя в светлую комнату, и дернула звонок: – Мороженое, шоколад, конфеты, торт?

– Издеваешься? – Чижик присела на широкий подоконник и, тоскливо уставившись куда-то вдаль, неожиданно спросила: – Я веду себя очень глупо?

– Не сказала бы. Но видишь ли, в чем дело... он пытался ухаживать за мной...

– Что ты говоришь! – мгновенно отвернулась от окна Лита. – Как интересно. Ну и?

– Пришлось пояснить, что с магами у нас не совпадает энергия, и он поверил.

– А про исключение?

– Сказала, конечно, я же знаю правила. Но, боюсь, тогда он этого не услышал.

– Ты была такой же... как сейчас?

– Я была при нем разной, – мягко усмехнулась Дилли, отлично понимая, что именно так тревожит сестренку. – Но выбирала не сердцем, а умом. Как выясняется, иногда это самый верный способ не ошибиться.

– А сердцем... – Лита не договорила, но ведунья слишком давно ее знала и поняла все без слов.

– Оно молчало, – чуть покривила она душой и заговорщицки подмигнула сестренке: – Зато ты еще вчера кого-то выделила.

– Если бы вчера... – буркнула та и отвернулась. – Он на рынок ходит за мясом и острым перцем. И не всегда один, я насчитала по меньшей мере пять разных женщин... Все молодые, хорошенькие и послушные, как курицы!

– Так! – тихо охнула Дилли. – А матушка? Знает?

– А от нее скроешь? – с сарказмом усмехнулась Лита. – Думаешь, она зря меня сюда привезла в компаньонки к княжне?

– Компаньонкой ей ты быть не можешь, это скорее для меня должность, – отказала графиня. – А вот камеристкой или фрейлиной – выбирай сама. У фрейлин прав побольше и работы никакой.

– Да я, вообще-то, подумываю сбежать, – по-взрослому усмехнулась Лита. – С ума сойду тут от тоски. Но, Дилли, все, о чем мы говорили, – это секрет, особенно для твоего мужа. Я ненавижу сводничество.

– Да кто ж его любит? Я и сама никаких советов не терплю... Хотя, знаешь, сначала считала, что союз у меня будет фиктивный. Но жрец сурово так сказал, что ритуал для фальшивой пары они не проводят. Я подумала, спросила себя... и вдруг поняла, что не против настоящей семьи.

– Не хвастайся, так завидно и приятно на вас смотреть... Ну, где там твой торт?

Ох вдруг поднялся и тихо оскалил зубы, показывая, что в коридоре враги.

– Да что же это такое! – сердито прошипела Дилли. – Можно в этом замке хоть один день прожить без покушения? Лита! Отойди от двери!

– Я не слабее тебя, – огрызнулась та, но в сторону отступила.

И вовремя. В широком коридоре-галерее, выходящем окнами на внутренний дворик, раздался громкий хлопок, словно взорвался магический огненный шар, и тяжелая створка распахнулась внутрь, как от ураганного порыва ветра. Усиливая на ходу свою скорость и ловкость, Дилли стрелой метнулась к сестре, вжала ту в стену, закрывая своим телом. Но в комнату никто не вломился, бой шел в галерее и где-то на нижних этажах.

– Дилли, ты меня раздавишь, – попробовала разжалобить сестру Лита, однако та даже не шевельнулась, отлично ощущая непробиваемую твердость напрягшегося тела девчонки. Разумеется, долго в таком панцире та не продержится, но пока за нее можно не беспокоиться. В галерее гроыхнуло еще раз, и еще, по полу поползли клочья черного жирного дыма, и ведуньи поспешно отступили к окнам, отзывая Оха.

Тот повиновался безропотно, и девушки дружно выдохнули. Раз пес, натасканный на определенные запахи, больше не беснуется и не рычит, значит опасность миновала.

Где-то в конце галереи прозвучали короткие, отрывистые команды, издали донесся торопливый перестук шагов, и наконец Дилли узнала встревоженный голос мужа. Но и не подумала ринуться ему навстречу, наоборот, отошла к самому окну и запрыгнула на стоящий рядом диванчик, удобно усевшись на спинке.

Лита и Ох мгновенно последовали ее примеру, и уже сидя рядом с сестрой, девчонка задумчиво сообщила:

– Если здесь всегда так, когда дергаешь звонок, то лучше самой приносить пирожные из столовой. Там были такие, кругленькие, я постеснялась взять второе...

– Где? – совсем рядом переспросил кого-то регент и почти сразу появился в дверном проеме. – Дилли?

– Мы тут, любимый, – кротко отозвалась ведунья, отлично слышавшая бушевавшую в его голосе тревогу.

– Как я счастлив, – пошутил он, окинув их внимательным взглядом и улыбнувшись с видимым облегчением, – что верно выбрал жену. Что бы ни случилось, она сохраняет спокойствие и рассудительность, не падает в обморок и не прыгает в окна.

– А кто-то прыгал? – заинтересовалась Лита.

– Да, – направляясь к дивану, с усмешкой ответил Тровенг. – Леди Райконт и пара шаманов.

– Но фрейлина, – нахмурилась Дилли, чуть подвигаясь к Чижикю, чтобы мужу хватило места рядом с ней, – должна была идти отдыхать?

– Она и отдыхала, – приобняв ее за плечи, пояснил регент. – Комнаты Мадлены – рядом с покоями княжны. Леди очень дорожит своим местом и потому неусыпно следит за Гелиссой. Хотя старшая фрейлина несколько заносчива, зато очень ответственна, и кроме того, ей некуда уйти. Ее отец еще лет двадцать назад скрылся в неизвестном направлении. А перед этим проигрался в пух, поставив на кон особняк, все имущество и приданое дочери.

– Я этого не слышала, – пробормотала Дилли и спохватилась: – Так она... разбилась?

– Нет, попала в сети. Маги по настоянию Сайморса на всякий случай поставили их уже давно, а Ланс недавно усилил. Кстати, это он и почувствовал, что кто-то задел охранные плетения, и поспешил сделать вид, будто уходит, – шаманские амулеты безошибочно чувствуют магов.

– Мог бы и нам намекнуть, – сердито проворчала Лита. – Не ждали бы пирожных.

– Вы хотите есть? – миг напрягся Гард и виновато заглянул в глаза жене: – Нужно немного подождать, пока очистят от угара галерею и комнаты. Ты очень правильно сделала, что поднялась повыше. Этот дым вполне может быть ядовитым. Ваша мать тоже молодец, уговорила Гелию залезть на стол.

– Ладно, тогда посидим еще немного, как птички на веточке, – состроила печальную гримаску Чижик, явно не привыкшая долго оставаться на одном месте. – Но мне все равно никогда не понять, откуда тут взялись шаманы, если в замке только слуги и охрана?

– Из потайного входа, – с досадой буркнул Гард. – Пока непонятно, чего наобещал им Сайморс, но именно халгирцы помогли ему наделать новых тайных проходов, используя проложенную внутри печных простенков систему старинных дымоходов. Когда-то весь дом отапливался дровами, и это было крайне неудобно. Возле печей стояли смолистые поленицы, каждое утро толпа лакеев скребла топки печей и поды каминов, вычищая сажу и золу. И все равно было очень дымно, пыльно и грязно. Поэтому, когда маги предложили установить магические нагреватели, все обрадовались. Печи убрали, а дымоходы остались, ломать из-за них стены никто не собирался. И никто не задумался, что они изначально строились достаточно широкими, чтобы мог пробраться трубочист.

– Наверняка и Сайморс не сам об этом вспомнил, – уверенно предположила Дилли. – Не похож он на человека, умеющего придумывать подобные планы. Значит, верно угадал Звен, кто-то очень долго и кропотливо плел свою паутину. И если сейчас многое из происходящего кажется нам странным и нелогичным, то лишь оттого, что мы не видим всей картины. Но и паук тоже не может пока знать, что события уже пошли по не просчитанному им пути. Ведь Сайморс должен сейчас быть где-то в плену, и кто-то собирался требовать за него выкуп. У кого? У Фабонза? Ведь именно у него была бы в распоряжении княжеская казна. А если бы его выкупили, – а все советники настаивали бы на этом, – страна получила бы никому не нужного и потерявшего власть князя и осталась с незаконным правителем и пустыми сундуками... Приходи кто хочешь и бери голыми руками.

– Умеешь ты, сестрица, порадовать, – зябко повела плечами Литя. – Но если представить, что они еще и захватили бы ведунью...

– То значит, правильно мы сделали, поверив магам, – сделала неожиданный вывод Дилли и снизу заглянула в лицо мужа: – А ты о чем задумался?

– Вспоминаю, как жил, даже не догадываясь, что бывают такие умные девушки. И благодарю судьбу, соединившую наши пути. – Гард нежно чмокнул жену в кончик носа и с легкой усмешкой сообщил: – Звен хочет предложить вашей матери место советника при князе или в совете ковена.

– Она не согласится, – убежденно фыркнула Литя. – Женщинам это не нужно. Матушка или Дилли и так могут рассказать вам все, о чем догадаются, а решать, как поступить, – забота мужчин. Женское дело – воспитывать детей, чтобы выросли добрыми и честными.

– Все очищено! – на миг заскочил в гостиную Ланс, махнул рукой, убирая осевший дым, и помчался куда-то, даже не глянув на друга и его собеседниц.

– Ваша светлость, звали? – Бледная, опасливо озиравшаяся горничная заглядывала в гостиную с таким испуганным лицом, словно ожидала увидеть монстров.

– Принеси чаю, – скомандовал Тровенг. – И сладостей побольше.

– Мороженого, – добавила Литя и с деланным равнодушием спросила, проводив взглядом стремительно исчезающую служанку: – А кто все-таки упал в обморок?

– Старшая горничная, – одобрительно пояснил сыщик, находя такую внимательность девчонки очень положительным качеством.

При этом ничуть не сомневаясь, что и Дилли не пропустила его слов, просто сочла невежливым выпытывать подробности, которые муж еще не успел ей сообщить.

– И все поверили? – изумленно вытаращилась Литя. – Что молодые служанки ходят и работают, а повидавшая всякого старшая горничная сомлела?

– Не поверили, – не сдержал улыбки Гард. – Слишком хорошо ее знают. У нее кличка – Мурена, и обычно она ничего не боится. Если ей сказать, что в дальнем подвальном складе что-то шуршит, она возьмет плетку и пойдет ловить отлынивающих от работы подчиненных.

– Очень интересно... Чего же она испугалась? Или притворялась? – Задумчиво поглядывая на мужа, Дилли с легким смятением признавалась самой себе в происходящих с нею переменах.

С каждым днем она все сильнее привязывалась к этому мужчине, и все те нежные слова, которые в первые дни их совместной жизни произносила с некоторым напряжением, зачастую авансом, теперь говорила совершенно искренне и с удовольствием. Хотя разумом отчетливо понимала, что ничего необычного в этом нет, многие люди, со временем узнавая других все лучше, начинают относиться к ним с большим доверием и симпатией. Но не так быстро... и не

настолько неудержимо. Никогда прежде Дилли не приходилось испытывать ничего подобного, и она была уверена, что совершенно не способна на самозабвенное, поглощающее все помыслы чувство. Ведь влюблялась она в юности, да и потом встречались мужчины, в которых девушка видела возможного мужа. Правда, позже все они исчезли из ее жизни по разным причинам, так и не узнав, что проходили испытание на место рядом с юной ведуньей.

– Да, собиралась сбежать. Именно она помогала халгирцам прятаться в пустых покоях, – ответил ей Гард и, интуитивно ощутив какое-то напряжение, крепче обнял жену и спрыгнул с дивана с ней на руках. – Куда тебя посадить, любимая? Мне, к сожалению, пора идти на допрос, но я постараюсь поскорее вернуться. Скучать одним вам не придется, скоро придет Ланс или кто-нибудь из магов.

– А нам нельзя на допрос? – опередила сестру легко соскочившая с дивана Лита.

– Не стоит вам смотреть на это зрелище, – твердо отказал регент.

– Пытать будете? – Глаза Чижика зажглись любознательностью.

– Конечно нет, магией заставим, – усмехнулся Гард. – Но они злятся, ругаются, говорят гадости, обещают страшно отомстить... даже мне противно.

– Мы лучше останемся здесь, – решила Дилли. – Или погуляем по саду.

– Умница, – нежно шепнул Гард, поцеловал жену и нехотя отправился в тюремную башню, по пути пытаясь понять, куда делся Ланс, если ему было приказано охранять ведуний?

Третье светозарня

Брагод, дворец князя Сайморса Онзирского

Дилли

Прежде чем отправиться в сад, Дилли послала Оха в покои княжны, и вскоре пес вернулся, таща в зубах маленькую подушечку.

– Все ясно, – увидев условный знак, фыркнула Лита, – нам предлагают отдохнуть. Значит, мать решила сама договориться с бедной сироткой. Ведь князя же нельзя считать за отца?

А княгиня – тем более мачеха.

– Ты права, – признала ведунья. – Хотя бывают и очень добрые мачехи, но Гелии не повезло. Княгиня очень робка, и у нее всегда хватало собственных бед. Возьмем с собой корзинку со сладостями?

– Лучше мага. – Чижик лукаво покосилась на дверь, за которой сидел в кресле пришедший вместо Ланса молодой маг: – Он же может рассказывать новости?

– Я возьму и его, и конфеты, – решила Дилли и пошутила: – После сырых грибов мне трудно с ними расстаться.

На сообщение Литы о желании прогуляться маг среагировал совершенно спокойно. Спокойно забрал корзинку со сладостями и графином лимонада и пошел впереди, указывая подопечным более короткий путь. Ведуньи послушно шли следом, изредка обмениваясь насмешливыми взглядами. Их нынешний охранник явно получил самые четкие и строгие указания и относился к своим обязанностям очень ответственно. Не реагировал на шутки, не согласился выпить чаю с пирожным, даже конфетку не взял. Любая девушка на месте сестер уже сочла бы себя пленницей или обиделась на недоверие, но не ведуньи. Им его чувства были понятны без слов, хотя маг и старался казаться равнодушным.

Княжеский сад был одной из диковинок Брагода, и лишь немногие из подданных и гостей Сайморса могли похвастаться прогулкой по его дорожкам. Когда-то один из прадедов князя дружил с магистром, имевшим сильные способности природника. Именно тот маг и создал это чудо, сначала вырастив купы редких деревьев и кустов, а затем построив между ними роскошные фонтаны и беседки, соединив их запутанными аллеями из плетистых роз и цветущих лиан. Но главной диковинкой был грот, причудливо вырезанный в хрустальной скале, возвышавшейся в центре самого большого фонтана.

В грот можно было попасть по хрупкому горбатому хрустальному мостику, словно чудом висевшему над тугими струями. И лишь подойдя вплотную и приглядевшись, ведуньи рассмотрели поддерживающие его тонкие витые прозрачные колонны, почти незаметные на фоне воды.

Из голубоватого полусумрака грота узкая внутренняя лесенка вела на вершину скалы, и вот там мастер расположил самую прекрасную беседку. Снаружи она походила на крохотный хрустальный замок, сверкавший в солнечных лучах, а внутри была небольшая округлая комнатка. Посредине стоял невысокий стеклянный столик, сервированный хрустальной посудой. Вокруг него тянулся удобный, тоже прозрачный диван, заваленный подушками из бледно-голубой парчи.

– Даже просто стоять в этом волшебном месте – и то предосудительно, – без малейшего смятения сообщила Лита и смело шлепнулась на мягкую подушку. – А сидеть – и вовсе злодеяние.

– Злодеи те, кто прятал такую красоту от людей, никому не позволяя прикоснуться к ней душой, – поправила Дилли, обходя вокруг стола и заглядывая во все высокие арочные окна. – А мы с тобой обязательно попросим Гарда разрешить гулять по этому саду детям из приютов.

– Матушка говорит, в Форандии нет приютов, – по-взрослому вздохнула Лита. – И сирот с беспризорниками тоже не бывает.

– Это верно, я там была, – кивнула Дилли и принялась раскладывать по вазочкам принесенные сладости. – Указ издал еще дед нынешнего короля, и он очень прост. Осиротевшие дети считаются собственностью короны и получают до совершеннолетия неплохое содержание. Им позволено самим находить себе новые семьи, и если не сложатся отношения с выбранными родителями, ребяташки могут уйти к другим. Но не могут менять назначенного воспитателя, который обычно присматривает за несколькими сиротами и проверяет, как они живут и чему учатся. В результате деньги, которые у нас тратятся на борьбу с юными воришками и преступниками, на содержание тюрем, приютов и толпы стражников и судей, король тратит на воспитание законопослушных и порядочных граждан.

– О! – задумавшись, изрекла вдруг Лита. – Тебе нужно рассказать об этом мужу. Пусть напишет такой указ, пока у власти. Потомуки будут его благодарить и прославлять.

– Думаешь, он не знает? – невесело усмехнулась Дилли, опускаясь на диван напротив сестры. – И наверняка нечто подобное намерен сделать. Но сначала ему нужно выловить всех безрассудных халгирцев и выяснить, чего хочет тот, кто присылает их сюда. Кстати, спроси однажды у матери, почему мы не живем в милой Форандии.

– А ты не знаешь?

– Знаю. И думаю, тебе тоже можно уже узнать. У них закон разрешает жениться на пятнадцатилетних девушках, а наши матери считают, что это очень рано. Хотя девушки в этом возрасте уже могут рожать детей, но еще очень несамостоятельны и нередко попадают в полную зависимость от желаний мужа. Как тебе известно, такие союзы, где один человек диктует другому свою волю, мы считаем рабством, и не важно, принудительное оно или добровольное. Мне кажется, добровольное даже страшнее: женщина много лет покорно выполняет все приказы, даже не задумываясь о том, чего хотелось бы ей самой. Ведунью в такой семье точно не вырастишь, ведь дети с первых дней жизни привыкают к командам извне и никогда не решатся править своим телом.

– Теперь понятно... А что ты там делала?

– У меня была оттуда пациентка, нанимала сопроводить ее до дома. На стражу ей денег не хватало, а мне заплатила старинным фолиантом. Мы пробирались в ее поместье пешком, шли по ночам, а днем спали в гамаках на высоких деревьях. Назад я вернулась на барке... Чижик, что происходит? Твой взгляд все тоскливее с каждой минутой.

– Ничего, – сразу перестав растягивать губы в деланой улыбке, хмуро вздохнула Лита. – Просто я, наверное, все испортила. Или испугала его, или шокировала... как думаешь?

– Думаю, ты слишком спешишь. И с выводами тоже. Я понимаю, у тебя характер такой, неугомонный и нетерпеливый. Но посуди сама, ты давно за ним наблюдаешь, многое о нем знаешь, даже уже смирилась с его любвеобильностью, раз так спокойно рассказываешь про куриц. А он видел тебя лишь несколько часов... Горбун не считается. Понимаешь? Представь, что в тот день, когда ты увидела его впервые, он подошел бы и предложил... допустим, помолвку. Вспомни свои ощущения, мысли... Никогда не поверю, что ты с первого мгновения готова была объясняться ему в любви.

– Нет, не стала бы, – подтвердила Чижик и вздохнула еще тяжелее. – Мне давно известно, как такие мужчины относятся к наивным дурочкам, падающим им в руки переспелыми сливами. Но если бы он мне сразу не понравился, я бы никогда не стала за ним следовать. А я следила, признаюсь, используя все свои хитрости, как самый настоящий сыщик, я же их сразу отличаю. И Оха посылала по следам, и пряталась под каретами, даже надевала личину старушки... Слушай, Дилли, может, он считает, что я для него слишком молода? Так я могу сделать лицо постарше.

– Мозги сделай постарше! – сердито прикрикнула Дилли. – И запомни одно: если сейчас поспешишь – никогда его не получишь. Станешь одной из куриц... на пару-тройку ночей! А потом будешь выть, как плакальщица, и придумывать способы мести. Я тебя знаю.

– Но что же делать? Дилли, подскажи. Кроме тебя, мне никто не поможет.

– Вот представь себе, делать нужно вовсе не то, чем ты до сих пор старалась его привлечь. Сейчас самое главное – показать, как он тебе безразличен. Ты должна встречать его равнодушным, даже холодным взглядом и побольше помалкивать, книжку возьми... будешь читать. А я попробую проверить его настроение – бросить пару намеков. Но если ты вздумает подглядывать – ничего хорошего не жди. Он маг и опытный сыщик, сразу раскусит нашу игру.

– Я попытаюсь, но это нелегкая задача, – мрачно пообещала Лита.

– Ну и что? Ты тоже не обычная служаночка или цветочница. И тебе вполне по силам сыграть эту роль. Но помни одно, Чижик. Хотя я предлагаю тебе временно прятать свои чувства, а сами себе мы будем казаться плетущими паутину паучихами, на самом деле все намного серьезнее. Мужчины не бабочки, не жучки и не дичь, как считают некоторые особы... Нет. Все мы люди, и желание у нас одинаково – найти свое счастье. Однако судьба капризна и переменчива, лишь очень немногие могут похвастать, что узнали свою половинку и испытали нежные чувства с первого взгляда. Но еще меньше тех, кто сразу поверил собственному сердцу. Поэтому готовься к долгой осаде. Ланс старше, он вполне может засомневаться в твоей серьезности и постараться не потерять налаженные отношения с курицами и привычную свободу. Не обязательно так бывает, но зачастую мужчины страшатся сломать устоявшуюся жизнь еще больше, чем женщины. Ну? Я не очень тебя запугала?

– Очень. Но я тут подумала, чего мне хочется больше, отступить или попробовать завоевать место рядом с ним? И я выбираю борьбу.

– Нет, Чижик, – вздохнула Дилли. – Только не борьбу. В любви такие настроения совершенно неуместны и очень вредны. Поверь, невозможно вызвать нежные чувства военными действиями, в бою можно только победить, запугать, захватить в плен, принудить. А чтобы пробудить любовь, взлелеять ее и позволить расцвести в полную силу, необходимо вложить душу, терпение и усилия, схожие лишь с тяжким трудом выращивания нежнейших цветов или созданием чудес, подобных этому гроту. А мы с тобой попытаемся только открыть твоему избраннику глаза на твои чувства, показав ему их силу и бескорыстие.

– Как-то это скучно и ненадежно! – Чижик по-мальчишески провела ладонью по губам, стирая крошки от пирожного, и с вызовом уставилась на укоризненно следившую за ней сестру: – Ну не умею я так.

– Не лукавь. Все ты умеешь. А вот о том, что слишком долго общалась на базаре с юными воришками и беспризорниками, начав не только копировать их поведение, но и примерять на себя чужие убеждения, – расскажешь матери. Или придется говорить мне... Надеюсь, ты избавишь меня от подобной ноши.

– Да пошутила я, прости, Дилли. Просто мне сейчас тяжело, и курицы эти на самом деле злят до зубного скрежета. Оказаться на их месте и ходить покорно за мужчиной по рынку мне даже в страшном сне не привидится. А матери я все могу сказать, сегодня же скажу. Хотя она и сама

знает, потому и убрала меня с рынка. Ты думаешь, почему я про бандитов утром заговорила? За мелких боюсь, не смогут они дать отпор целой толпе.

– Знаешь что? – прищурилась Дилли. – А пойдём-ка во дворец. От пирожных меня уже тошнит.

– Хочешь сбежать? – Глаза Чижика загорелись.

– Нет, это слишком просто. Да и не выпустят нас по-хорошему.

– Чтобы мы вдвоем и не ушли? – не поверила юная ведунья. – А давай испытаем. Запутаем вон того зануду, который глаз не сводит с фонтана. Пробуем?

– Лита, да ты пытаешься превратить меня в рыночного налетчика! – открыто засмеялась Дилли. – А не забыла, что это я должна сделать из тебя строгую и независимую леди? И не смотри так разочарованно, я и сама знаю, что от охранника мы уйдём. Но вот ты, похоже, не догадываешься, что к нам сразу приставят второго, потом третьего... и так до тех пор, пока мы не окажемся в магических цепях и колодках под конвоем толпы магов. Нет, сейчас мы пойдём во дворец и попросим себе работу. Раз я уже отдала дом бездомным одиноким женщинам с детьми, значит, могу взять под надзор ещё какой-нибудь приют, куда будут отправлять твоих рыночных знакомцев, и поставить тебя над ними главной.

– Но ведь пороть их там, конечно, запрещено?

– Наоборот. Сейчас в приютах дозволены строгие наказания, хотя я точно знаю, что Гард против. И мы можем попытаться сделать все возможное, чтобы никто никого ни за что не бил. Есть ведь и моральные методы.

– Ты уверена? – с сомнением протянула Лита.

– Да. Нас ведь матери никогда не били? Но могу признаться честно, когда я в первый раз ушла из дома и устроилась в пекарню приказчиком, иногда мне очень хотелось поколотить некоторых работников и покупателей. Я просто мечтала надавать наглým лакеям оплеух, а вороватым и лживым разносчикам – подзатыльников. Но вытерпела, хотя и с трудом. Только наказания матери и удержали. А те, кому не досталось таких матерей и такого опыта, не сносят. Но это очень тонкая и деликатная тема: как остаться порядочным человеком, когда вокруг творится беззаконие, а правят хапуги и жулики. Пока не будем об этом, идем спасать твоих бандитов.

– Идем, раз больше некого, – с досадой вздохнула девчонка, направляясь за сестрой к лестнице.

Четвертое светозарня

Брагод, дворец князя Сайморса Онзирского

Гард

– А ты куда? – Заслышав шлепанье босых ног, Гард остановился и резко обернулся. – Рано же еще.

– У меня тоже дела, – невозмутимо сообщила жена, от которой минуту назад он потихоньку сбежал.

Точнее, уполз, причем крайне неохотно, буквально силком выпихивая себя в прохладу раннего утра.

– Дилли... – вернулся регент к любимой женщине, поймал в объятия, прижал к себе, чувствуя, как в душу возвращаются покой и умиротворение, – ты только недавно перенесла такое потрясение, и вообще в последние годы много работала. Тебе нужно отдохнуть, а ты все время ищешь себе новые дела.

– Это ты про приют? – беспечно спросила она, наслаждаясь его заботой. – Не беспокойся, на мне он будет только числиться. Заниматься беспризорниками хочет Лита. Чижик очень деятельная и непоседливая, без живой работы загоскует. А мне нужно с утра поговорить с матерью, она встает очень рано. Потом мы будем завтракать, и мне хочется знать, ждешь ли ты меня? Или нет? И еще... Не ходи сегодня на ту стену.

– Дилли... – выдохнул Гард и в очередной раз мысленно проклял халгирцев, князя и всех прочих властолюбцев вместе с ними за безумные идеи.

Из-за этих жадных интриганов он вместо медового месяца должен с раннего утра до поздней ночи заниматься самыми разными, но одинаково неотложными делами. Поиском спящих по Брагоду шпионов и убийц, допросами пойманных халгирцев и сообщников Фабонза. А еще заброшенными Сайморсом хозяйственными делами княжества и новыми указами, которые он пишет совместно с магистрами и оставшимися на своих местах советниками. Вот и сейчас нужно бежать на заседание, маги обещали к утру подготовить черновики документов и запустить во всех харчевнях и трактирах правдоподобную байку о тяжелой болезни князя, приведшей его к неизлечимому умственному расстройству.

– Иди уже, – с легким вздохом отодвинулась ведунья, – тебя ждут. И меня тоже...

– Прости, любимая, – виновато улыбнулся регент, поцеловав жену невыносимо бережно и нежно. – Очень надеюсь, что все это скоро закончится и мы сбежим к морю. До самой зимы. Дилли спрятала очередной вздох и проводила мужа ласковой улыбкой. Незачем добавлять ему огорчений, он и так переживает из-за того, что не может посвящать ей все свое время. Наивный, растроганно усмехнулась ведунья, не верит, что для нее намного важнее вот эта его тревога, чем прогулка по княжескому саду.

Тем более у нее сейчас тоже много дел, которые обязательно нужно решить самой. Помощь сородичам в обустройстве, подсунутый Чижику приют и Гелисса, которую она вчера так больше и не видела.

Уже через пять минут графиня без стука проскользнула в дверь отведенных старшей ведунье комнат. Мать особо просила прийти пораньше, пока вездесущая Лита еще спит.

– Присаживайся, до завтрака можно выпить по чашечке травяного отвара, – кивнула Ясвена на стол, накрытый к чаю, и похвалила: – Правильно ты придумала найти ей дело, меньше будет мечтать о своем принце.

– Шутишь? – невесело глянула на нее Дилли. – Это уже давно не мечты. Она им дышит и страдает, я пообещала помочь.

– Я не шучу, просто проверяла, правильно ли подозревала, – призналась мать. – Но раз ты сама взялась, я спокойна. Поспеши, сегодня мне пришла весточка от хорошего друга, король Форандии отправил к твоему мужу посла. Тот летит на каргах и завтра-послезавтра будет здесь. Боюсь, у него далеко не радостные новости.

– Сейчас пойдем завтракать и скажу об этом Гарду, – пообещала графиня. – Но зачем торопиться? Или... ты считаешь, что действительно будет война?

– Почему ты сразу подумала про войну? – пытливо глянула мать.

– Магистр говорил о признаках появления человека, желающего стать единовластным властелином. Ну а подчинить себе несколько стран без боя пока еще никому не удалось.

– И не удастся, – подтвердила старшая ведунья. – Никто не захочет посадить себе на шею еще одного бездельника. Он ведь будет жить на родине, а может, вообще на одном из райских островов, и думать только о своих желаниях и забавах. Но я прошу тебя поторопиться по другой причине. Если мои подозрения верны, ехать в Форандию придется тебе. Ты самая лучшая из тех, кому под силу справиться с этим делом.

– А почему именно туда, а не в Халгир? – недоуменно нахмурилась Дилли.

– Знакома я с ним, – грустно усмехнулась Ясвена. – С его величеством Эршелем, которого все считают слабоумным старикашкой. И могу тебя заверить, далеко не так уж он и стар. А в интригах и казуистских планах даст фору всем остальным соседним правителям. Так что войны, слава всем богам, можно не ждать, хотя он и постарается всеми силами сделать видимость, будто она неминуема. И если уж этот хитрец решил на такое, даже чего-то наобещал жадным халгирцам, – значит, ведунья нужна ему позарез.

– Боюсь даже спрашивать, как вы могли познакомиться... – ошеломленно пробормотала Дилли. – Но почему тогда он прислал к тебе шаманов, а не того самого посла? Его ты ведь не выгнала бы?

– В споре мы, – упрямо прикусила губу мать клана. – Он не пожелал издать указ, какой я просила, а я пообещала, что по своей воле ни одна ведунья не переступит границу Форандии.

– Ничего себе цветики-лютики... – История давнего запрета вдруг открылась перед молодой ведуньей с совершенно невозможной стороны. – А если меня муж не отпустит? Он ведь понимает, что я могу оттуда и не вернуться?

– Вернешься. Я тебе письмо для короля дам, – твердо пообещала мать и нехотя призналась: – Вот меня он мог бы и не выпустить.

– Боюсь, – огорченно вздохнула Дилли, – мне бесполезно обещать тебе забыть об этих словах.

– А я и не прошу. Можешь помнить, думать и даже провести расследование, – губы Ясвены кривились в едва заметной горьковатой ухмылке. – Я и заранее могу признать, что совершила очень большую ошибку. Даже глупость... Но ведь все мы люди и не можем прожить, не сделав ни одной оплошки. Помнишь наше правило: каждый, осознавший свою ошибку, постаравшийся исправить ее последствия и давший себе зарок больше никогда так не поступать, может считать себя прощенным. Вот и я сейчас как раз стараюсь выправить прошлые промахи.

– Мать! – ринулась к ней Дилли, обняла за плечи. – Извини, я не то хотела сказать. И никогда не заподозрю, будто ты могла решить что-то сгоряча или от злости. Ты всегда такая спокойная и рассудительная, наверняка это его величество протопало своими сапогами по всем твоим душевным ранам, раз ты пошла на такой шаг. Скажи только, когда это было?

– Почти пятьдесят лет назад, – призналась старшая. – Но мы потом еще пару раз встречались... Он приезжал... инкогнито, потом я случайно туда попала... Но главного Эршель так и не понял... просто не смог взглянуть на вещи с моей точки зрения.

– Тогда как же я его уговорю?

– Ему необходима какая-то помощь... Очень нужна, иначе он ни за что не стал бы искать ведуний. Когда мы встретились в последний раз, Эршель поклялся забыть обо мне навсегда.

– Весело же ты жила... – Дилли смотрела на мать с состраданием, пытаясь сообразить, как преподнести мужу такую неожиданную новость.

– Веселее некуда, – облегченно подтвердила та, поколебалась и тревожно заглянула дочери в глаза: – Я долго сомневалась, нужно ли тебе рассказывать... Есть тайна, которая заставит его согласиться на все условия. И мне очень не хочется, чтобы он ее узнал. Однако в самом крайнем случае...

– Вот когда он наступит, тогда и откроешь, – твердо отказалась Дилли, смутно догадываясь, о чем может идти речь. – А сейчас скажи, до чего вы договорились с Гелиссой?

– Она решила вчера вечером на встречу с лейтенантом. Илнер ждал ее во внутреннем садике, и они гуляли там почти два часа, а мне пришлось изображать компаньонку и нюхать розы в дальней нише.

– Надеюсь, они не задумали никаких глупостей? – осторожно намекнула Дилли на способность ведуний расслышать каждое словечко.

– Нет. Несмотря на юность, этот мужчина очень благоразумен и рассудителен. Он очень правильно разъяснил княжне смысл происходящего, весьма точно оценив действия ее отца и его тайные намерения. К концу свидания они пришли к согласию и договорились объявить о помолвке, чтобы иметь возможность получше узнать друг друга. Но жить во дворце не желают, в этом у них полнейшее согласие. Сегодня необходимо решить, где их поселить. Нужно безопасное поместье или замок, где можно будет соблюсти все приличия и устраивать встречи с лояльными Гелиссе знатными и значимыми людьми. Репутация будущей княгини должна быть безупречной. Сейчас ее стережет леди Мадлена, а позже я хотела приставить Литу, но теперь все зависит от твоих успехов.

– Оказывается, Ланс уехал вчера домой, – правильно поняла тревогу матери Дилли, – и до ночи так и не вернулся во дворец. Как только появится, попытаюсь что-либо разузнать.

– Ясно, – огорченно усмехнулась Ясвена, и графиня ответила печальной гримасой.

А чего тут непонятного? Куда еще спешить молодому мужчине, проведшему почти полмесяца в странствиях, особенно если его ждут хорошенькие содержанки? Причем сразу четыре – старшая ведунья уже поделилась с младшей своими сведениями.

Уверенный стук в дверь прервал их беседу, и женщины догадливо переглянулись. Так стучал только регент и только туда, где была его жена. Все остальные двери перед ним и прежде открывались беспрекословно, а теперь, когда магистры повесили ему на шею княжий защитный артефакт, их распахивала по его желанию магия.

– Я пришел проводить вас в столовую, – объявил Гард, поздоровавшись с Ясвенной и незаметно окинув ее бдительным взглядом, – и спросить, Гелисса будет с нами завтракать?

– Она уже одевается, – сообщила ведунья. – И Илнера тоже нужно позвать. Они решили объявить о помолвке, но жить в этом дворце не хотят категорически. Он напоминает им о самых тяжелых испытаниях.

– Поговорим с магистрами, – пообещал регент. – Они очень хорошо умеют решать подобные задачки. А еще какие новости? У Дилли в глазах печаль... Что-то стряслось?

Сообщение о посланце короля Тровенг выслушал внешне бесстрастно, но кожа на его скулах сразу натянулась, а глаза чуть сузились.

– Правильно ли я понял, что у вас там есть осведомители на самом высшем уровне? Вряд ли король рассказывает о своих планах в присутствии слуг или даже придворных.

– Ты верно сообразил, – не стала лукавить Ясвена. – У меня там надежный друг. Но имен я называть не стану... пока. Сначала нужно встретить посла и выяснить, что понадобилось старому лису.

– Я могу рассказать об этом магам? – Голос бывшего тайного советника стал суше и отстраненнее, а во взгляде появилась прохладца.

– Для того я и поделилась с тобой новостями, – мужественно посмотрела ему в глаза старшая ведунья. – И еще хочу заранее сказать одну важную вещь... Никогда и ни по какой причине я не стану рисковать жизнями своих дочерей и сестер. Тем более ради собственной выгоды или ради спасения чьей-либо короны.

– Гард, – Дилли подхватила мужа под руку и упорно ловила его взгляд, – тебе, конечно, пока очень трудно мне поверить, слишком мало мы знакомы... Но когда будешь знать меня получше, то поймешь – я и на гран не лукавлю, называя тебя любимым. Это чувство для меня самой – огромная неожиданность, внезапный дар расщедрившейся судьбы, но тем больше я его ценю.

– Счастье мое! – жарко стиснув ее в объятиях, растроганно выдохнул сыщик и сразу спохватился: – А при чем тут это?

– Просто запомни: твое слово всегда будет для меня решающим, если придется делать непростой выбор.

– Умеете вы запутать, – нехотя оторвавшись от губ жены, озадаченно мотнул головой регент, – но я все запомнил. А теперь пора, там ждут. Первый официальный завтрак после отречения Сайморса... Кстати, советники настояли, чтобы князь тоже присутствовал. Но не волнуйтесь, он и словечка лишнего не скажет.

– Тогда я быстренько сменю платье, – сообщила Ясвена, отводя задумчивый взгляд, и торопливо покинула комнату, давая молодоженам пару минут на нежности.

О том, что Дилли случайно проговорится, она не беспокоилась, рано или поздно, Тровенг теперь обязательно докопается до всего, что известно об этой тайне немногим посвященным. Но к тому времени это будет уже не столь важно и не сможет разрушить выстроенный ею хрупкий мостик из прошлого в будущее.

Двери парадной трапезной были широко распахнуты, но никто не спешил туда входить.

Немногочисленные гости, советники и магистры прогуливались по широкой галерее, похожей обилием кадок с редкими растениями на оранжерею.

Среди цветов были расставлены изящные резные скамьи и кресла, задрапированные шифоновыми занавесями зеленых оттенков, затканными изящным узором из листьев, веточек и бутонов. Они перемежались со стоящими на малахитовых постаментах вазами, костяными фигурками животных и статуэтками. Застеленный пушистым изумрудным ковром пол казался живой травкой и приятно пружинил под ногами.

Казалось, тут можно гулять, наслаждаясь ароматами и покоем, бесконечно, не замечая никого и ничего. Однако, едва Гард с женой появились в ведущей в галерею арке, гости как по команде замерли и повернулись к ним, жадно изучая незнакомую женщину, так внезапно ставшую их правительницей.

И тут же дружно перевели взоры на соседнюю арку, откуда в сопровождении Звена входил бывший князь Сайморс Онзирский. Невозмутимыми остались лишь магистры да Ланс, поспешно шагнувший к напарнику от ближайшего куста.

– Его светлость лорд Тровенг и леди Тровенг... – Дворецкий запнулся и тише пробормотал: – Лорд Сайморс Онзирский, ее светлость княжна Гелисса Онзирская... капитан Илнер Янге...

– Леди Андилия! – резко остановился напротив ведуньи Сайморс. – Я должен вас поблагодарить... Вы спасли мне жизнь, в горячке я этого не осознавал... Теперь мне немного легче, однако лечение еще не закончено... потребуется время. Но я не привык оставаться в должниках и в последнем указе, передавая власть в княжестве дочери, а до ее совершеннолетия – назначенному регентом тайному советнику лорду Тровенгу, особым пунктом определил вам награду. Надеюсь, вы простите мне неподобающие князю капризы. – Желаю вам выздороветь, – лаконично ответила Дилли, слегка склонив голову, и отступила под защиту мужа.

Но князь, сразу потеряв к присутствующим всякий интерес, больше ни с кем не разговаривал, даже Гелиссе словно не заметил. И, едва пригубив чаю, не прощаясь покинул столовую. Мать-ведунья и Чижик появилась в зале лишь после его ухода.

Дворецкий на миг замешкался, но его выручил Гард.

– Это компаньонки ее светлости княжны Гелиссе, леди Ясвена и леди Данлита, – уверенно сообщил он, оглядел присутствующих и твердо добавил: – А еще я хочу объявить вам радостную новость. Сегодня вечером во дворце состоится бал по случаю помолвки ее княжеской светлости Гелиссе Онзирской и его светлости полковника Илнера Янге.

– Меня начинает пугать скорость моего продвижения по служебной лестнице, – едко пробормотал сидевший рядом с Гелией бывший узник, и его соседи, расслышавшие эти слова, отреагировали добродушным смехом.

– О, ваша светлость! – с облегчением воскликнул один из советников. – Можете поверить старику, самое страшное в вашей жизни теперь уже позади!

Гард кивком и улыбкой подтвердил точность этого вывода и принялся ухаживать за женой, тайком поглядывая на Ланса, словно случайно оказавшегося за столом возле ведуний. Его напарник явно что-то задумал, и Тровенг желал знать, что именно.

Но поговорить им удалось нескоро. Разумеется, завтрак – это не обед и не может длиться три часа кряду, но гости, измученные за последние дни тревогой и кажущейся нестабильностью ситуации, жаждали получить ответы на все свои подозрения и опасения. Успокоить и выпроводить их удалось только благодаря Гелиссе, решительно поднявшейся со стоявшего во главе стола кресла, принадлежащего прежде ее отцу.

Правильно поняв намек, сотрапезники поспешили раскланяться и отправились по домам разносить встревоженным родичам невероятные новости. А Гард, сделав условный знак напарнику, проводил жену в ее гостиную и вернулся в кабинет, ставший в последние дни чем-то вроде штаба.

Никого из магистров еще не было, только Ланс стоял у окна, так пристально рассматривая происходящее снаружи, что Гард даже подошел ближе, заглянул через плечо. И не обнаружил ничего интересного или особого.

– Ланс, тебе нужна помощь? – неожиданно для самого себя задал он вопрос, который еще недавно нашел бы несколько навязчивым. А вот теперь желание выяснить правду считал дружеской обязанностью.

– Сам не знаю, – хмуро усмехнулся тот. – Жизнь вдруг перестала быть понятной и простой. Ты меня потерял? Извини, пришлось решать семейные дела.

– У тебя же нет семьи? Или...

– Теперь нет, – бесшабашно объявил Ланс и как-то смущенно признался: – Даже самому странно. Дал отставку всем своим невестам, они умудрились без меня перессориться.

– Жалеешь?

– Нет. Радуюсь. Но дома как-то непривычно пусто. Не нужно ни о ком заботиться...

Оказывается, я очень ответственный. – Ланс махнул рукой и засмеялся, но в его веселье ясно слышались тоска и неустроенность человека, мечтающего о семейном уюте.

– Вот и хорошо, – стараясь говорить невозмутимо, постановил Гард. – Займи покои поближе к моим, в ближайшие дни у нас будет много работы. А девушку еще найдешь... Хотя не мне тебя учить.

– Уже нашел, – очень тихо вздохнул маг и оглянулся на дверь. – Твой пример оказался заразен.

– Чижик? Но она совсем девчонка!

– Думаешь, я сам не вижу? – Вот теперь в голосе напарника Гард расслышал и горечь, и обиду, и рвущую душу безнадежность. – Забудь. Сюда идут, моя сторожка сработала.

– Это магистры... – едва успел сообщить Тровенг, как двери распахнулись и появился Звен с двумя собратями.
– Что-то серьезное? – почти с порога спросил магистр, знавший, что регент не станет отвлекать их от дела ради пустяка.
– Сам пока не пойму, – чуточку слукавил Гард. – Мать-ведунья по своим каналам получила известие, что Эршель отправил к нам посла. Тот летит на крылете и будет дня через два.
– Мы получили об этом весточку пять минут назад, – ошеломленно оглянулся на друзей Звен. – А когда ты узнал?
– Еще до завтрака. А она, насколько я подозреваю, знала еще вчера вечером. И еще... она уверена, что посол летит с просьбой, королю нужна помощь.
– Темные силы... – помрачнел Ланс. – Неужели ему понадобилась ведунья?
– А все остальное у него в королевстве имеется свое, – сделал простой вывод Варгус. – И намного больше, чем у нас.
– Выходит, он тоже замешан в нападении на Сайморса?
– Да, получается так. Значит, мы сильно ошибались в своих выводах и нужно пересмотреть все планы, – озабоченно произнес Звен и вдруг облегченно улыбнулся собеседникам: – Но хоть войны можно пока не ждать, и то спасибо.

Четвертое светозарня

Брагод, дворец князя Сайморса Онзирского

Дилли

– Ну, Дилли, – сестренка смотрела на нее с нетерпением, едва сдерживаясь, чтоб не постукивать ногой от волнения, – что-нибудь выяснила? Да говори же быстрее, какой ты стала копушей!
– Я, между прочим, почти год аптекаркой работала, – шутливо огрызнулась Дилли. – Там без аккуратности и внимательности никак нельзя было. Не хмурься, Чижик, все хорошо. Он просто ездил домой, его гарем там перессорился, и Ланс всех разогнал. Но тревожиться за них не нужно – всех развезли по домам в колясках и с кучей баулов. Они теперь невесты с приданым, наш маг очень щедро откупился от бывших претенденток.
– Не красит мужчину такое легкомыслие, – пробормотала Ясвена, не поднимая взора от шитья. – Сначала собрал полный дом девиц, обнадежил, потом выставил...
– Разве он не мог ошибиться? – тотчас возмутилась Лита. – Или изменить мнение?
– Или влюбиться? – с невинным видом поддержала ее Дилли и тут же отпрыгнула в сторону дикой кошкой, спасаясь от выплеснутого на нее кваса. – Лита! Ты теперь ни шуток, ни советов не понимаешь? А кто всегда уверял, что ему не грозит оглохнуть и ослепнуть от любви?
– Это была не шутка! – сердито огрызнулась юная ведунья. – Или очень злая шутка!
– И почему ты так решила? У меня совершенно иные сведения. Ланс хотел бы за тобой ухаживать, но считает тебя слишком молодой.
– Дилли, если ты сейчас снова шутишь, я не знаю, что сделаю... Уйду из дома, и вы больше никогда меня не увидите!
– Иди, – вдруг строго взглянула на нее мать. – Если тебе не нужна наша любовь и забота, если тебе без семьи будет лучше – иди. Если не будешь скучать по мелким, по Оху, по Снежку и птицам – иди. Но не смей ставить такие условия. Ни один человек не может все время только работать и думать о серьезных делах, каждому нужны отдушины. Хоть немного радости,

шуток, смеха. Если ты так плохо знаешь Дилли и не понимаешь, что она никогда не стала бы шутить над чужой бедой и ни за что не обидит слабого, то иди.

– Мать... – Чижик с обидой смотрела на старшую, кусая от досады губы, – разве шутить можно только ей?

– Твоя шутка прозвучала как ультиматум, – устало вздохнула Ясвена и вдруг отбросила платье: – Так не хочется идти на этот бал! Но я ведь не капризничаю и не мучаю вас упреками?

– Мать, она поймет... Наша Чижик добрая и заботливая! – ринулась спасать семейный покой Дилли. – И знает, как мы все ее любим, просто немножкохватила через край.

– Я знаю ее с пеленок. – В тихом голосе матери сквозь светлую грусть пробивалась смешанная с болью тревога. – И моя в том вина, что Лита стала колючей, как ежик, и без надобности дерзкой. Не нужно было позволять ей так много времени проводить на рынке. Она еще слишком молода и впечатлительна, а у рыночной стаи законы волчьи. Они никого не уважают, всем грубят, запугивают и испытывают на крепость. Ее тоже не раз пытались подчинить, но Чижик научена обороняться, и постепенно они признали ее хоть и не своей, но равной. А Лита приняла это за собственную заслугу, со временем начала невольно подражать их выходкам, и это меня очень обеспокоило. Ведуньи черпают силу в своей доброте, честности и чуткости. Конечно, бывали среди нас и те, кто, взрослея, стал считать себя выше других и презирать наши законы. Нет, они не потеряли способность к изменению тела, зато утратили более ценное.

Умение учить доброте детей и зарабатывать доверие и уважение тех, кто приходил за помощью.

– Она все поймет! – Дилли наконец поймала сестру в объятия, прижала к себе и, как в детстве, нежно гладила по волосам, позволяя поливать слезами нарядное платье. – Она у нас умница.

Просто любовь – такая странная штука, вдруг сваливается на тебя, как воз соломы, и не знаешь, куда от нее ползти. Но Лансу показывать свои чувства рано, поверь мне. Пусть сам решит, нужна ли ему такая заноза, и постарается тебя завоевать.

– Кто-то говорил, что в любви военные приемы не действуют? – шмыгнув носом, съязвила Лита.

– Особенно у девушек, – убежденно подтвердила Ясвена, снова принимаясь за переделку платья. – Женщины и война – вообще непримиримые враги. Для истинных ведуний нет ничего отвратительнее войн, боев и кровавых ристалищ. Открою вам самый большой секрет: самые лучшие, мудрые и благородные мужчины тоже их не жалуют. Женщина же изначально создана для рождения жизни, и в ней самой природой заложена всепоглощающая потребность защищать любых детенышей. А если вы встретите даму, с горящим взором смакующую подробности смертельной схватки или охоты, мысленно поставьте на ней черный крестик и никогда не берите ее в подруги или сообщницы. Она либо отъявленная лгунья и говорит не то, что думает, либо ее разум неисцелимо отравлен. Воспитанием, окружением, жизнью – не важно, но она лишена самого ценного женского качества – неприятия насилия. Такие люди внутренне готовы в любой момент совершить самое страшное злодеяние, не пожалеют ни ребенка, ни калеку, ни старца. Ведь основные запреты написаны вовсе не на бумаге, они сидят глубоко в нашем разуме. Надеюсь, ты поймешь меня и не обидишься, дочка, я давно хотела это сказать... Ну, иди одевайся, Дилли поможет тебе с прической.

– Я собираюсь представить тебя своей младшей сестрой и фрейлиной, так ты получишь больше свободы. Хотя я сама графиня лишь по мужу, надеюсь, тебя это не особенно расстроит, – подмигнула Дилли в зеркало Чижик, заканчивая сооружать ей прическу.

И хотя собственные волосы доставали Лите лишь до лопаток, с помощью ловких рук ведуньи и искусно сделанного шиньона они вскоре превратились в изящную золотистую раму, подчеркивающую свежесть и прелесть юного личика.

– Я вообще никогда не пошла бы ни на какой бал, – тоскливо вздохнула задумчивая после материнской отповеди девчонка. – Но нужно же посмотреть вблизи, какой он во дворце.

– Неплохой, – честно признала Дилли, сразу сообразив, кого имеет в виду Чижик. – Маги в чем-то лучше обычных мужчин, честнее, сдержаннее. Но понимание личного счастья у каждого свое, и с этим ничего не поделаешь. Хотя я уже придумала, как тебе помочь, но расскажу позднее, когда прояснятся некоторые детали.

В бальный зал княжна и сопровождающие ее приближенные лица спускались по широкой лестнице в строго установленном порядке. Сначала Гелисса под руку с Илнером, за ними

Тровенг с женой. Следом, гордо подняв голову, спокойно шествовали Ясвена, получившая статус тайной советницы княжны, и леди Мадлена, оставшаяся статс-дамой. Чижик шла позади всех, скромно опустив взор и помня, что теперь она всего лишь свежее испеченная фрейлина из бедного, почти позабытого рода.

– Ее княжеская светлость Гелисса Онзирская, его светлость полковник Илнер Янге! – зычно и важно объявлял дворецкий, а стоявшая позади и выше всех Лита стремительно обшаривала взглядом зал, ища знакомые русые волосы мага.

И все больше мрачнела, не находя Ланса среди почти трех сотен гостей. Хотя магистров здесь собралось непривычно много. Никогда еще ведунье не приходилось видеть в одном месте столько серебристо-зеленых, как листья тополей, коротких плащей одного фасона, с одинаковой вышивкой по краю капюшона и рукавов.

– Данлита ле Саренс, фрейлина ее светлости Андилии Тровенг, – тише и без прежнего пафоса объявил дворецкий, и Лита, спокойно перенеся и новую должность, и чужую пока фамилию, скромно потупив взор, спустилась с лестницы.

Но краем глаза привычно заметила и появившийся во взглядах окружающих задумчивый интерес, и быстрые переглядывания дам в роскошных нарядах, стоявших в первых рядах гостей, пришедших приветствовать новых правителей.

И только теперь начала подозревать, как глубоко ошибалась, считая, будто никто на нее и внимания не обратит, ведь она всего лишь бедная бесприданница. Как бы не так, все эти лощеные щеголи сразу связали ее с Дилли и регентом, вмиг просчитав выгоду такой партии. Лита даже слегка опешила, только теперь осознав, что задевшее ее предупреждение матери прозвучало неспроста. Ясвена никак не могла не предусмотреть такой реакции придворных прощелыг и, несомненно, тревожилась, не опьянят ли Литу льстивые речи и лживые комплименты, не заставят ли задрать нос и забыть о тех, кто на самом деле достоин ее благодарности и доверия.

– Позвольте показать вам зал, прелестная леди? – Мужчина лет сорока улыбался Чижику уверенно и чуть насмешливо, явно надеясь смутить своей наглостью. – Я – граф Мехалс Теоло.

– Не могу позволить, – наивно вытаращив глаза, отказала ему Лита. – Ее светлость запретила отходить далее чем на три шага. Мне доверен кошель с ее платочками и духами.

– Но разве она вам не родственница? – лукаво усмехаясь, склонился ниже граф и уверенно взял девушку под руку. – И мы ведь будем на виду?

– На каком виду? – растерянно уставилась на него Чижик, очень правдоподобно изобразив, будто не поняла довольно прозрачного намека.

Озадаченно огляделась, словно лишь сейчас заметив, что княжна с женихом и регент с супругой уже поднялись на возвышение и устроились в вычурных креслах с высокими резными спинками. Мать-ведунья и старшая фрейлина сидели на более скромных стульях, стоящих ступенькой ниже. Все остальные гости пока стояли и старались занять место поближе к трону.

– Мне нужно быть там! – Лита резко отстранилась от наглеца и помчалась на свое место, ловко протискиваясь между гостями.

– За это вы должны мне три танца! – довольно усмехнувшись, успел сообщить ей вслед Теоло.

– Уже застолбил пташку? – пренебрежительно фыркнул возникший рядом белокурый красавчик с тщательно завитыми локонами. – Забыл, что все Саренсы бедны, как призраки?

– По-твоему, нельзя полюбить девушку за внешность и хорошее воспитание? – лицемерно поджал губы Мехалс, но в его глазах горел азарт охотника, неожиданно обнаружившего редкую непуганую дичь.

– Внешность? – изумленно хихикнул блондин. – Воспитание? Ты что с утра пил, взвар из мухоморов? С каких пор тебя волнует воспитание? Да и не заметил я в ней особых манер.

– Ну и замечательно, что она не в твоём вкусе, – резко огрызнулся Мехалс и отвернулся от приятеля, направляясь ближе к тронам. – Не будешь мешаться под ногами.

– Значит, ты уже знаешь что-то, неизвестное мне... – проводил его недобрый взглядом сразу посерьезневший красавчик. – Но с чего тогда решил, будто мне не нужна такая куклолка?

– Шакалы, – презрительно фыркнул Ланс, прятаясь под щитом невидимости, как и его коллеги по тайному сыску.

Ковен магов был твердо намерен не допустить на этом балу каких-либо инцидентов.

– Сегодня у нас бал в честь помолвки ее княжеской светлости Гелиссы Онзирской и его светлости полковника Илнера Янге, состоявшейся в дворцовой молельне два часа назад, –

дождавшись, пока гости притихнут, веско и уверенно сообщил Звен, и его голос донесся до самых дальних уголков огромного зала. – А также по случаю их отъезда в один из замков. Консилиум целителей рекомендовал ее княжеской светлости морской воздух и покой. Поэтому со всеми просьбами отныне следует обращаться к регенту, назначенному княжне Гелиссе последним указом князя Сайморса Онзирского.

Магистр помолчал, изучая пронзительным взором лица призадумавшихся придворных, и шагнул в сторону, уступая место Трovenгу.

– Сразу хочу уточнить, – не вставая со своего трона, спокойно заявил Гард, – со всеми просьбами и жалобами теперь можно обращаться в канцелярию тайного сыска. С сегодняшнего дня там круглосуточно принимают заявления от подданных княжны и гостей столицы.

– А приемы? – неуверенно пробормотал кто-то.

– Приемы и празднества не запрещены, – регент сделал вид, будто не понял, о чем именно речь, – но если вы намерены устроить особенно солидное торжество, подайте заявку заранее. Мой советник по вопросам безопасности выделит в помощь опытных сотрудников. Остальное понятно?

– А княжеские приемы? – не выдержала непоседливая брюнетка, висевшая на локте одного из самых заядлых ловеласов.

– Князь на излечении, и ему навсегда противопоказаны шум и волнения, – с откровенным укором глядя на несообразительную леди, сухо произнес Звен. – Ее княжеская светлость Гелисса Онзирская ближайšie полгода намерена провести вдаль от Брагода, а ее светлость княгиня Лестения почти не встает с постели.

– Но регент... – обиженно надув губки, не желала сдаваться упрямо мечтавшая о балах леди.

– Я, разумеется, буду устраивать приемы, – медленно проговорил Гард, и Дилли сразу услышала в его голосе скрытую угрозу, – как же без них. В дни официальных праздников, в честь приезда официальных посольств и важных событий. Часть из них будет проходить во дворце, а некоторые, например, праздник урожая или встреча первого зимнего месяца, – в залах принадлежащих городу зданий. В мэрии, в театре, на турнирной арене.

– А ваши личные? – Брюнетка явно была горда своим разговором с Трovenгом и считала его подробные ответы данью собственной харизме.

– Наши личные праздники, – холодно подчеркнул Гард слово «наши», – полностью в ведении моей дорогой супруги, и даже мне не известно, какими они будут и когда. Знаю лишь одно: проводить их мы намерены в собственном доме. Но давайте оставим эти скучные вопросы и поздравим ее княжескую светлость со столь значительным событием.

Несколько мгновений толпа гостей молча переваривала это заявление, затем вперед шагнул один из старших магов и склонил голову в учтивом поклоне.

– Поздравляю, ваша княжеская светлость, и от души рад, что ваша настойчивость увенчалась полной победой. Позвольте от имени всего ковена преподнести этот скромный дар. – Он подал Гелиссе шкатулку, и девушка, прикусив от волнения губу, распахнула крышку.

Достала свиток, внимательно прочла, потом еще раз – и передала бумагу жениху.

– Большое спасибо... не ожидала... но мне очень приятно. Вы так точно угадали... именно о таком замке я и мечтала.

– Всегда готовы во всем поддержать вашу княжескую светлость, – улыбнулся магистр.

Его поступок подал пример гостям, в руках у многих лордов зашелестели листы бумаги, дамы предусмотрительно отступили, пропуская тех, кто мог подкрепить свое поздравление подарком. Вскоре в руках у леди Мадлены была куча скрученных и просто сложенных бумаг, и кто-то из магистров подал ей изящную серебряную корзину, куда она благодарно сложила неожиданное богатство. Лорды не скупились, вдруг сообразив, кто будет править ими в ближайшие десятилетия.

А едва дары иссякли, из оркестровой ложи послышались тихие звуки музыки и вперед выступил Юнтас, секретарь Трovenга, назначенный распорядителем бала.

– Сегодня для гостей открыты все залы первого этажа, – важно объявил он, – и в них каждый может найти себе развлечение по вкусу. В приемном зале для публики приготовлены удобные кресла, уже выходят на сцену менестрели и комедианты; в оранжерее стоят столики с различными десертами; в гостиных любопытных ждут сказители, гадалки и различные игры; а в столовой накрыты праздничные столы, и главный повар приглашает отведать его лучшие блюда. Ну а в этом зале для любителей танцевать до полуночи будет звучать разнообразная

музыка. В полночь откроются двери в княжеский сад, где маги устроят для вас особый, волшебный фейерверк.

Он помолчал, дав публике осознать неслыханную щедрость, и стукнул жезлом об пол. Музыка зазвучала громче, одновременно угасли все яркие светильники, и вместо них нежно засияли падающие из-под потолка огромные, в ладонь, разноцветные призрачные снежинки. Под этот чарующий снегопад хотелось забыть обо всем и, лоя руками и подолом волшебный нетаящий снег, кружиться в легком, неспешном танце.

Но уже приглашающе распахнулись все двери, впуская в зал ароматы цветов, чего-то вкусного и серебряный звон колокольчиков, привязанных к шапочкам лакеев, разносящих напитки и горячие блюда.

– Ну а мы куда идем? – с улыбкой спросила мужа Дилли.

– А чего тебе хочется? Можно обойти все залы и выбрать по душе.

– Я уже там, – кротко сообщила ведунья.

– Желаете танцевать? Прошу, – вставая, подал ей руку регент и повел в центр зала. – Но не суди строго, если ошибусь, мне давно не приходилось тренироваться.

– Не волнуйся, все ведуньи отлично танцуют, и я тебе помогу, – уверенно отмахнулась Дилли, и очень скоро Гард отчетливо понял, о чем именно она говорила.

Еще ни с кем ему не танцевалось так легко, как с женой. Она ощущала его малейшие движения и предугадывала намерения так чутко, словно они танцевали каждый день с самого детства.

Тровенг мог ошибаться сколько угодно, танцевать любую, только что придуманную импровизацию – Дилли и на миг не запуталась бы, не оступилась и не начала паниковать.

Вскоре Гард забыл обо всех своих сомнениях и, чуть добавив скорости, помчал жену сквозь цветной снегопад по широкому кругу под упоительную мелодию старинного вальса. Гости расступались, освобождая для них место, а Дилли, откинувшись на руку мужа, казалось, летела, не касаясь туфельками пола и не замечая никого и ничего.

Мелодия сменилась, над залом поплыли медленные, торжественные звуки величественной куранты, и ведунья незаметно потянула мужа к выходу.

– Если тебе не нравится этот танец, – мгновенно насторожился Тровенг, – можно сказать Юнтасу, это мой секретарь, и оркестр будет играть только твою любимую музыку.

– Я запомню, – пообещала Дилли, уверенно увлекая мужа в одну из ниш, где за занавесью из полупрозрачного шифона стоял удобный диванчик и столик с напитками, – а теперь мне хочется другого.

– Прости... – засомневался Гард, – о чем ты?

– Не понял? – лукаво смотрели на регента любимые глаза, а он терялся в догадках.

Но сразу отменил все пикантные предположения, какие неизбежно возникли бы, будь на месте Дилли одна из придворных ветрениц. Не так она воспитана, да и незачем им смущать сидящих в засаде магов.

– До встречи с тобой я считал себя довольно проникательным мужчиной. – Усадив жену на диван, Тровенг налил ей холодного морса и сел рядом.

– Ты и сейчас таким остался, – убежденно подтвердила ведунья, и ее муж не услышал в этих словах ни капли лести или лжи. – Но никак не отвыкнешь считать всех женщин легкомысленными вертихвостками и наивными простушками.

– Тебя такой я точно не считаю, – категорично отказался Гард. – Еще леди Ясвену, Литу, ну и, пожалуй, Гелиссу.

– Спасибо за комплимент! – засмеялась его жена и сразу посерьезнела: – А если не считаешь Чижика юной глупышкой, то почему прячешь друга?

– Какого друга?... Дилли! Ты все неверно поняла. Он сегодня работает. Вместе с особым отрядом следит за гостями, чтобы никому не пришлось в голову испортить княжне этот праздник.

– Любимый, – огорченно вздохнула ведунья, – хочу сказать тебе о том, как понимаю это я.

Подскажи, где ошибаюсь. Сегодня среди гостей открыто ходят двадцать семь самых сильных магистров ковена и более десятка твоих подчиненных, по укромным углам сидит под невидимостью целый отряд магов и сыщиков, а еще в зале три ведуньи и глава тайного сыска.

И наверняка где-нибудь в библиотеке или в башнях только и ждут команды боевые пятерки из мага и гвардейцев.

– Невероятно... – Гард ошеломленно смотрел на любимую женщину, только теперь начиная отчетливо понимать, как мало пока знает о ее возможностях. – Ты ни в чем не ошиблась, даже магистров точно подсчитала...

– Это просто привычка – считать все одинаковое, – небрежно пояснила Дилли и пытливо уставилась мужу в глаза: – Так скажи мне, неужели все это войско никак не обошлось бы без Ланса? К тому же наверняка он принес бы не меньше пользы, если бы гулял между гостей, а не сидел на ложном балкончике над входной дверью.

– Любимая, он сам попросился в тот отряд... – помрачнев, Гард взял руку жены и нежно поцеловал ее ладонь, – принуждать его мне не хотелось. Он и так резко поменял свою жизнь и планы на будущее, прогнал от себя всех девушек, из которых собирался выбрать жену. Ему нужно время...

– Возможно, с вашей точки зрения, это и правильно, – вздохнула ведунья, – но бывают случаи, когда намного важнее думать не только о себе. Понимаешь, он взрослый мужчина, и с женщинами встречался довольно опытными, из тех, что могут придумать хитрый план, притвориться несчастными и глупыми, выждать момент и оказаться в нужном месте в нужную минуту. Мне приходилось наблюдать за такими. Но сейчас все совершенно иначе. Чижик два года сидела на рынке в рваных штанах и вытертой рубашке, а сегодня она впервые на балу. Особенном, необыкновенном – маги постарались. Как ты думаешь, почему она не танцует?

– Не могу даже представить... – озадаченно пробормотал Тровенг и нахмурился, услышав негромкий окрик жены, предназначенный явно не для него:

– Можешь не подслушивать исподтишка, иди сюда, я тебе в глаза все скажу.

– Ланс? – неверяще оглянувшись регент, когда шевельнулась занавесь ниши, отодвинутая невидимой рукой.

– Прости, Дилли, – буркнула пустота виноватым голосом его верного напарника, – я не хотел.

– Чего? – устало осведомилась она. – Подслушивать или прятаться от Чижика? Учти, шпионаж я тебе прощу, а вот крушение ее наивной мечты первый танец на первом балу в ее жизни танцевать с тобой – никогда.

– Боюсь, он уже опоздал, – холодно прищурился Гард, мгновенно включившись в невинную интригу жены. – Когда мы уходили танцевать, вокруг твоей сестры крутилось трое завязтых обольстителей. Они знают сотни способов получить согласие неопытных девушек. Пустота яростно рявкнула нечто непонятное, занавесь рванулась, как от штормового порыва ветра, и чуткий слух Дилли разобрал в праздничном шуме и гононе торопливый перестук удаляющихся шагов.

– Ушел? – одними губами спросил Гард ведунью, слушающую недоступные ему звуки.

– Идем! – Вскочив с дивана, она потянула его за собой. – Я хочу это видеть.

К распахнутым дверям тронного зала они мчались как на пожар и все-таки не догнали Ланса, появившегося у входа из-за последней колонны. Маг влетел в зал стремительно, но сразу сбавил шаг, направляясь в сторону тронов уверенной походкой завсегдатаев балов и приемов.

И наверняка одновременно с супругами увидел, как Лита, хмуро слушавшая сиявшего счастливой улыбкой белокурого красавчика, нехотя подала ему руку.

– Прошу прощения, – небрежно буркнул блондину Ланс, мгновенно отгораживая того от Чижика невидимым щитом, – я немного опоздал, но этот танец леди Данлита обещала мне.

Не обращая внимания на возмущенно зашипевшего красавчика, маг перехватил протянутую не ему руку, неназойливо потянул Литу к себе, вынуждая сделать шаг. И лишь после того, как она неуверенно подалась вперед, наконец взглянул девчонке в глаза.

На краткое мгновение они замерли, не говоря ни слова, только смотрели друг на друга, и если Ланс увидел во взгляде Чижика постепенно тающее изумление, то ведунья успела разглядеть и понять гораздо больше. Во взоре мага сквозь недоверие и сомнение упорно, будто молодая травка из-под замшелого валуна, пробивалась робкая пока надежда, светилась затаенным ожиданием чего-то невозможного. Так мечтательно и замороженно обычно смотрели только малыши, встречающие Чижика с рынка. Не решаясь ничего просить, несмело поглядывали на ее карманы, в которых могли оказаться самые невероятные вещи. От простых пирожков и тянучек до засахаренных южных орехов и даже трубочки с волшебными стеклами.

На языке у Литы уже вертелась ехидная шуточка про проглотившего язык ухажера, как вдруг ей отчетливо вспомнились слова матери. Девушке сразу представилось, как Ланс, усмехаясь, говорит нечто подобное ей самой... и она поспешила поджать губы. И тут же с досадой

заметила, как в ответ на эту невинную гримаску померкла сиявшая во взоре мага надежда. Мелькнула в уголках мужественных губ горькая усмешка, застыло в безликой учтивости лицо, и даже рука стала безжизненной и прохладней.

От кольнувшего душу понимания, что она нечаянно сама все испортила, Чижику захотелось заскулить обиженным щенком. Сердце испуганно сжалось пойманной птичкой, мысли тревожно заметались, ища достойный и верный выход, а взгляд привычно устремился за помощью к Дилли.

Ведунья уверенно улыбалась ей через весь зал, и эта надежная, добрая улыбка, как обычно, придала Чижику сил и смелости.

– А я уж думала, вы про меня забыли, – крепче ухватившись за ладонь Ланса, озорно улыбнулась ему девчонка и облегченно выдохнула, когда маг в ответ одарил ее горячим благодарным взглядом.

– Тебе не кажется, – шепнула мужу Дилли, провожая взором направившуюся в центр зала парочку, – что пора сесть за стол? Из трапезной доносятся такие ароматы, а гости стесняются начать ужин прежде хозяев...

– Тогда нужно намекнуть Гелиссе, – мгновенно принял решение Тровенг и взглядом подозвал к себе Юнтаса.

Тот серьезно выслушал указание и вскоре важно шествовал в сторону трапезной впереди княжны и ее жениха, изредка ударяя об пол жезлом, призывая зазевавшихся гостей расступиться.

Следом за княжной уверенно вел свою необыкновенную жену регент, а за ними, соблюдая дистанцию и нарочитую неспешность, следовали гости. Только магистры без видимой надобности бродили по гостиным и залам да самозабвенно кружилась в танце одинокая парочка.

Пятое светозаря

Брагод, дворец князя Сайморса Онзирского

Дилли

– Доброе утро, мать. – Ведунья слегка зевнула и поежилась, поднявшееся солнышко еще не согрело напоенный ночной прохладой воздух.

– Извини, – мягко улыбнулась Ясвена, – я по делу. Мне пора домой, и так задержалась. Но сначала хочу рассказать тебе одну историю. Позвони, пусть принесут чаю.

– Ты уверена, что мне это нужно? – опасливо переспросила Дилли, дергая шнурок звонка.

– Нет, но на всякий случай... Он необычайно хитер и пронырлив, иначе не правил бы шестой десяток.

– Сколько?! – изумилась графиня Тровенг. – Так у него есть дар?

– Не больше, чем у твоего мужа, – невесело усмехнулась Ясвена. – Но зато более полезный. Эршель очень проницателен и может быть очарователен, как опытная кокетка.

– Здорово же он тебе насолил, – не сдержалась Дилли.

– Я ему тоже. Нашла коса на камень. В юности он был убежден, что человек, родившийся принцем, изначально умнее и лучше всех остальных людей. И все вокруг должны ему подчиняться и беспрекословно, с радостью исполнять каждое слово.

– Тяжеловато с такими договариваться, – задумчиво посочувствовала младшая ведунья.

– Невозможно, – с невеселым смешком призналась Ясвена. – Даже если готова идти на уступки. В молодости Эршель был очень хорош собой и обходителен, в него влюблялись с первого взгляда все женщины и девушки от самых знатных до селянок. И ни одна долго не выдержала. Содержанки находили женихов, невесты уходили в монастыри, жены изменяли с садовниками и пажами. Он заключил шесть союзов, но ни с одной женой не родил ребенка. А бастардов от мимолетных любовниц не признавал принципиально.

– Значит, верно я поняла... – нахмурилась Дилли. – Лита – его дочь? Ты ведь тоже его любила?

– И не жалею. Но ты немного не угадала, – мать-ведунья печально вздохнула, – Лита – не единственная.

– Тогда кто еще? Мать... на кого это ты намекаешь?! Не может быть. Меня ведь забрали у сумасшедшей старухи?

– Ну да. Но прежде эта старуха служила при дворце помощницей кастеляна. И тайком помогала наивным фрейлинам и заблудшим служаночкам пристроить ненужное дитя в хороший дом. А позже заболела и вернулась в свою деревню. Но девицы знали, куда можно обратиться за помощью.

– И ты нашла меня случайно? – Дилли смотрела на мать испытующе, начиная догадываться, как на самом деле попала к Ясвене.

– Нет, конечно. Когда мне сообщили, чьего ребенка отвезли в деревню, я скакала три дня, чтобы успеть. Поила коня зельями и снова мчалась. Старая кастелянша к тому времени почти выжила из ума, и я очень боялась, как бы она случайно не угробила малыша.

– Вот это подарок к свадьбе... – Графиня обессиленно опустила в кресло. – Так, может, мне не стоит с ним встречаться?

– Решай сама, – поднялась с места мать. – Я потому тебе и сказала. Но про Литу молчи, сколько будет возможно.

– А она сама знает?

– Нет. Я хотела рассказать, как ей шестнадцать исполнилось, но она отказалась. Ты же знаешь ее мнение: раз его не заботило, как живет и что ест его ребенок, то и ее теперь не волнует его жизнь. А ты не хочешь узнать имя...

– Нет, – резко отказалась Дилли. – Я такая же, как Чижик. И кроме тебя, у меня нет и никогда не будет другой матери.

– Даже если у нее были на это важные причины? – Ясвена испытующе смотрела на дочь.

– Важные? – презрительно засмеялась та. – Какие могут быть причины у матери отказаться от своего ребенка? У нее не было денег? Их с ребенком выгнали бы из дворца? Или кто-то осудил бы ее за рождение бастарда? Родители? Придворные? Почему тебя не остановила ни одна из этих причин? Сначала ты забрала меня, потом Литу, а кроме нас еще пятерых ребятишек. Ты могла уйти из дворца, жить в монастыре, а позже в стареньком деревенском доме. Тебе приходилось с утра до ночи заниматься хозяйством, доить корову, полоть грядки, шить, готовить, стирать... и учить нас управлять своим телом. А она ничего этого не пожелала сделать ради своего ребенка. Я для нее умерла, но и она тоже умерла для меня, безымянной и чужой. Прости, мать, но нет на свете силы, которой удалось бы воскресить ее в моей жизни. Ты можешь смотреть укоризненно, можешь меня упрекать, но мне ее даже не жаль. Она ведь, по сути, приговорила своего незащитного малыша, отправляя его в деревню к безумной старухе.

– Люди бывают разные, – тихо пробормотала мать-ведунья. – Некоторые выдерживают удары судьбы и становятся крепче, опытнее, мудрее. А другие изначально настолько слабы и пугливы, что не способны спасти даже самих себя.

– Мне это хорошо известно, – не сдавалась Дилли, – и я стараюсь помогать слабым, ты ведь знаешь. Но их слишком много, и моих сил на всех не хватит. наших. Поэтому мы и помогаем самым честным, чистым и добрым душой. Ты сама так учила.

– И очень боюсь, – хмуро вздохнула Ясвена, – не направила ли вас по неверному пути. Сегодня придет посланец... пришли мне весточку, когда станет ясно, что ему потребовалось.

Она развернулась и решительно вышла из комнаты, едва не столкнувшись в дверях со служанкой, везущей тележку с завтраком.

Дилли молча смотрела, как горничная накрывает на стол, но думала вовсе не о еде. Ведунью тревожило пока неуловимое подозрение... скорее прозрение, и она все отчетливее понимала, что мать открыла ей только маленький уголок старинных тайн.

– Любимая! – К ней стремительно шел регент, не забывший по пути окинуть гостиную внимательным взглядом. – Мне сказали, у тебя в гостях Ясвена.

– Она уже ушла... – Девушка откровенно любовалась подтянутой фигурой мужа, мужественными чертами его лица, на котором расцветала шальная, безудержно счастливая мальчишеская улыбка.

– Тогда я поем с тобой. – Одарив жену нежным взглядом, Гард не удержался, привлек ее к себе и пару минут целовал бережно, словно еще только узнавая.

Они завтракали неторопливо и степенно, как положено законным супругам, но над столом витало светлое праздничное настроение, и не портили его ни задумчивые взгляды Гарда, ни легкая тревога Дилли, решавшей непростой вопрос. Сколько правды можно открыть мужу и нужно ли вообще ему что-либо говорить? Над последним она размышляла всего несколько секунд и отчетливо осознала, что выбора нет. Если она желает вырастить в своей семье безоговорочное доверие и честность, то начинать нужно с себя.

– Дилли, – осторожно коснулся ее руки муж, – твоя мать сказала тебе нечто неприятное?

– Скорее совершенно неожиданное, – открыто улыбнулась ему Дилли. – Я даже никак не могу привыкнуть. Сейчас допьем спокойно чай, и расскажу тебе... Думаю, ты будешь потрясен не менее меня.

Разумеется, рассказывать она собиралась пока только про себя, оставив тайну Литы на крайний случай; мать никогда не стала бы просить о молчании из желания досадить Эршелю. Трөвенг слушал ее объяснения очень внимательно, чуть хмурясь, но ничем не выдавая своих эмоций, и к концу короткого рассказа Дилли начала слегка беспокоиться. Оказаться неверно понятой ей почему-то очень не хотелось.

– Вот такого я от него не ждал, – дослушав, пробормотал Гард и крепче прижал к себе жену, давно оказавшуюся в плену его рук. – Мне многое известно про Эршеля Великолепного, все-таки он сильнейший из наших соседей. Мы даже раз пять встречались на разных приемах, Сайморс не упускал ни одной возможности получить приглашение в Айканир. Признаться, я немного жалел короля, так и не дождавшегося наследника. И даже заподозрить не мог, что он способен отказаться от собственных детей.

– Потому как очень упрям, – погладив его рассыпающиеся после купания волосы, тихо вздохнула Дилли, – и не хочет признать простую истину. У некоторых людей с древности сохранилось в памяти тела одно незыблемое правило – рождать детей только от любимых. А он любил простых девушек, но женился раз за разом на принцессах и герцогинях ради мнимой чистоты и знатности крови, а потом обвинял несчастных жен в бесплодии. Хотя во всем виновен сам.

– Ты подразумеваешь, – задумался регент, – говоря о герцогинях...

– Только доказанные случаи, когда рожденные молоденькими женами от престарелых знатных лордов наследники, подрастая, становились похожими вовсе не на законных отцов. Еще известны подмены слишком бдительных и осторожных лордов их собственными двойниками, нанятыми для безопасности. Ну и знатных младенцев иногда заменяют с разными целями.

– Получается, во всех странах давно не осталось ни одного законного наследника? – признавая верность ее выводов, хмуро усмехнулся Гард.

– Такого я не говорила. Иногда правнуки очень похожи на портреты прадедов. Я сказала лишь, что Эршель гонялся за фата-морганой, топча жизни любимых женщин и своих детей. А теперь прозрел... или наконец сдался.

– И что ты будешь делать, – насторожился регент, – если он признает тебя принцессой?

– Откажусь, разумеется, – твердо объявила она. – Но не потому, что когда-то он не пожелал признать меня дочерью, а за подлость по отношению к любимой женщине, которую его жестокое величество вынудил отдать своего ребенка неизвестно кому.

– Это твое право, – кивнул он, мрачней. – Но я очень надеюсь, что Эршель никогда о тебе не услышит и ничего подобного не пожелает. Он из тех людей, которые всегда получают все, что им заблагорассудится. Я постараюсь, чтобы он вообще не узнал о твоём существовании.

– Гард... – ведунья нежно гладила его по щеке, – боюсь, тебе это не удастся. Ясвена не может отправиться на переговоры с королем, поэтому придется ехать мне.

– Какие переговоры? – опешил он и тут же подобрался: – А откуда ты это взяла?

– Мать сказала, раз король так сильно нуждается в помощи ведуньи, то постарается своего добиться. И наверняка у него хватит способов заставить тебя пойти на уступки. Так, может,

лучше не злить его и не заставлять прибегать к угрозам? Те, кто старается договориться по-хорошему, всегда получают много больше, чем те, кого прижали силой.

– Но почему именно ты? – Гард совершенно не был готов даже ненадолго выпустить из виду свое сокровище. Хватило ему тех дней, когда она была в плену у халгирцев.

– После матери я самая сильная ведунья. И на этих переговорах у меня будет преимущество перед остальными, ведь его величество должен мне за похищение. Ну и последнее... – Ее муж был расстроен настолько очевидно, что Дилли просто не могла его не успокоить. – Без тебя я никуда не поеду. Несколько дней магистры как-нибудь справятся с твоими делами. Или ты им не доверяешь?

– Доверяю. А вот тому старому пройдохе даже платочек не дал бы подержать. Он наверняка уже напридумывал хитроумных планов и убежден в их удачном завершении, раз действует так напористо.

– Любимый, я верю в твои догадки и подозрения. Но если это действительно так, то ехать нужно обязательно. Никто, кроме ведуньи, не сможет убедить короля в ошибочности его намерений.

– Ладно, – нехотя оторвавшись от любимой, сдался регент. – Если посол на самом деле будет настаивать на встрече – попытаем удачу. Однако магам я должен все это рассказать, чтобы они были готовы.

– Но попроси держать в тайне, мне вовсе не льстит такое родство.

– Непременно, – уходя на совещание, пообещал Тровенг. – А ты не скучай... и подбери гардероб, раз собираешься ехать на переговоры с Эршелем.

– Непременно, – шутливо передразнила мужа Дилли, хотя и сама прекрасно понимала, насколько он прав.

Королевские приближенные и советники очень внимательны и далеко не добры. И ни за что не упустят случая воткнуть Гарду под кожу сотню шпилек, если обнаружат на его супруге дешевое платье. Значит, она просто обязана быть одетой соответственно новому статусу, но постарается решить эту задачу по-своему.

– Дилли! – ворвался в ее комнату белый вихрь, распался на два существа, мохнатое и лохматое, и вмиг оказался возле стола. – О, у тебя тут так вкусненько!

– Руки мыла? – строго осведомилась Дилли, пряча улыбку. – И почему ты бегаешь по дворцу непричесанная?

– Он украл мой парик... – не переставая жевать, пробормотала Чижик, – и спрятал.

– Ланс? – с наигранным изумлением вытаращила глаза старшая ведунья.

– А при чем тут он? – сразу забыв про пирожное, возмущенно уставилась на нее Лита.

– Но ночью, когда мы встретились в последний раз, рядом с тобой я видела именно его... – Дилли сделала вид, будто задумалась. – Неужели ты завела себе еще одного дыхателя?

– Ты плохо меня знаешь?

– Хорошо, потому и удивляюсь.

– Дилли! Перестань шутить! Ланс проводил меня и ушел. А шиньон я сняла, когда легла спать!

– Уф... ты меня успокоила! – не выдержав, засмеялась графиня и вдруг каким-то седьмым чувством поняла, что Лита никогда не простит ей молчания. – А я как раз хотела идти к тебе.

– Зачем? Проверять, пустила ли я Ланса в свои покои? – снова ухватила пирожное Чижик.

– Нет, разумеется. Хотела рассказать новость, которую мне открыла утром мать.

– Ну? – Лита вмиг стала серьезной и даже про пирожное забыла.

– Так вот... Он, конечно, сволочь и гад, и я не призываю тебя его признавать. Но у нас с тобой он общий.

– Дилли... – Лита схватила чашечку со взваром, выпила большими глотками, отставила и лишь после этого четко и размеренно спросила: – Кто – «он»?

– Отец.

– У меня нет... – привычно выпалила Чижик и смолкла, глядя расширившимися глазами на Дилли. А потом враз охрипшим шепотом спросила: – А... мать?

– Твоя – Ясвена, разве ты забыла? – пошутила Дилли, понимая ее потрясение.

– А... твоя? Законная жена?!

– Нет, от законных жен у нашего козла детей не было, – успокоила ее старшая сестра. – Мать никогда не ломала чужой семьи, выброси из головы такие мысли. Он время от времени

влюбляется... такой любвеобильный гад. И с Ясвеной они встречались не раз, но всегда ссорились и надолго расставались. Он упрямый и самоуверенный, как горный баран.

Она не стеснялась в хлестких прозвищах для Эршеля, точно зная, насколько ярко ненавидела Лита незнакомого ей мужчину, взвалившего на плечи кратковременной возлюбленной тяжкий груз воспитания ребенка. В их семействе все четко знали: каждая монетка, зазвеневшая в кармане матери, заработана ее нелегким трудом. А их истинные родители не дают детям даже медяка, и, естественно, проявлению горячей любви или простого уважения это знание не способствовало.

– А почему это она вдруг про него рассказала? – с неожиданной прозорливостью осведомилась Чижик.

– Ну, во-первых, ты уже почти взрослая... вон и мужчину очаровала... – мягко пошутила Дилли, отметив сообразительность сестренки. – Во-вторых – чтобы ты чувствовала себя в моем доме хозяйкой, ну и в-третьих... нашему козлу зачем-то срочно потребовалась ведунья. И я скоро туда поеду. С мужем, разумеется. А ты должна сама решить, чего хочешь.

– Ты собираешься ему помогать? – Чижик неверяще уставилась на сестру. – Несмотря на то, как тот козел со всеми нами поступил?

– У меня нет выбора, – сразу посерьезнев, ответила старшая ведунья. – Он не простой селянин и может доставить Гарду и княжеству много крупных неприятностей. Придется согласиться на встречу.

– Насколько не простой? – обдумав ее слова, подозрительно прищурилась девчонка.

– Очень. Это король Форандии.

– Ого! – присвистнула Чижик. – Тогда он не просто козел, а мерзкий паук-птицеед. Ты уверена, что вырвешься из его паутины?

– Со мной поедет Гард и кто-нибудь из магов. Ковен не позволит ему меня забрать.

– Тогда и я с вами.

– Ни в коем случае! – нахмурилась Дилли. – Боюсь, тебя он точно не отпустит... Мне кажется, ему нужны не мы, а мать.

– Да? Вполне возможно... Но мы же не скажем ему, что я ей родная?

– У него есть придворные маги и целители, и кроме того, у них какие-то общие дела с халгирскими шаманами. Это от них вы убежали из Мшарья.

– Я не убежала, – буркнула Лита. – Мы со Снежком жили тут, с матерью Мирой и Лером. Мать хотела, чтобы я присмотрелась к столичной жизни. А сама оставалась с семьей.

– Как мне хочется с ними встретиться, поговорить, – вздохнула Дилли, представив добродушные лица сородичей по клану.

– А кто тебя не пускает? – изумилась девчонка. – Возьми у служанок пару платьев и пойдем сходим.

– Мать запретила, да и магистры будут волноваться, приставят охрану. Ты не забыла, что только вчера по Гарду стреляли, а по дворцу бегали лазутчики? Поэтому и хочу ехать к козлу... Выскажу все, что про него думаю. Сам боится своим детям дать кусок хлеба, так еще и матери мешает растить сирот.

– Дилли, ну возьми меня с собой! Я тоже хочу плюнуть ему в раскормленную рожу! Но если ты запретишь – не буду, потерплю. Ну и помочь тебе в случае чего я смогу не хуже магов. С вами же Ланс поедет, он всегда с Тровенгом ездит, я точно знаю.

– Да, – не выдержав, хихикнула Дилли, – у тебя очень веские причины. Но я подумаю, обещаю. А сейчас беги в мою спальню причесываться, возьми там в сундучке любой парик. Да Оха прихвати, сюда идет твой возлюбленный.

– Пока просто знакомый, – не согласилась Лита, но поспешила исчезнуть, коротко свистнув псу.

– Можно? – постучав, заглянул в дверь маг.

– Входи, – позволила ведунья, ловко пряча за вазу с фруктами чашечку Литы. – С добрыми новостями или нет?

– Гард велел передать, что посол на подлете, часа через три будет здесь. А хозяйки двух модных салонов уже прибыли, привезли лучшие наряды и сейчас развешивают их в гостиной первого этажа. Я провожу.

– Выпей чаю, – вставая, предложила Дилли, – пока я переобуваюсь.

– Недавно пил, – отказался Ланс и вдруг, красноречиво оглянувшись на дверь спальни, накрыл центр комнаты мутноватым, словно чай с молоком, куполом. – Дилли, это самый сильный щит тишины, скажи по дружбе, почему она прячется? В чем моя провинность? Вроде моя магия ей не мешает... Или вы с матерью считаете меня... староватым?

– А сам ты как считаешь? – заинтересованно уставилась на него Дилли и тут же сдалась, рассмотрев горечь во взгляде мага: – Ланс, ты не о том беспокоишься. Возраст тут совершенно ни при чем, умственно ведуньи взрослеют раньше других девушек, а телом умеют управлять. И никто от тебя не прячется, просто она побежала причесаться. Да и мы с матерью никогда не встанем у Литы на пути.

– Тогда о чем я должен беспокоиться? – пронизательно смотрел ей в глаза сыщик.

– Ты пока очень мало ее знаешь, и, боюсь, еще не осознал, что ведунья никогда и ни в чем не будет похожа на обычную девушку, хоть одаренную, хоть нет. У нее всегда будут свои дела, свои, близкие ей по духу, подруги, собственные взгляды на воспитание детей и семейную жизнь. И самое главное, ведуньи не заводят кратких интрижек, у нас все серьезно и навсегда. Обманов и предательств мы тоже не прощаем... В общем, ужиться с нами далеко не просто.

– Зато и сами не изменяете мужьям, не требуете от них невозможных вещей, с вами интересно поговорить и легко договариваться. – Ланс усмехнулся и как-то смущенно добавил: – Но самое главное, еще ни одну из девушек мне не хотелось носить на руках, петь ей серенады и осыпать стогами полевых цветов.

На это ведунье просто нечего было ответить, да и не нуждался маг в ответах. Дилли уже было предельно ясно: в этот раз он не отступится так легко, будет бороться за свое счастье до последнего... хотя и бороться ему вовсе не нужно.

Спасла ее Лита, как обычно, стремительно ворвавшаяся в гостиную со словами:

– Я придумала, пойду к нему в образе горбуна!..

Купол мгновенно растаял, и так же резко смолкла девчонка, рассмотрев стоящего перед сестрой Ланса. Слишком, непозволительно близко.

– Ты как раз вовремя. – Старшая сразу поняла, о чем могла подумать влюбленная и недоверчивая Чижик. – Ланберс просит разрешения официально за тобой ухаживать.

Собирается петь тебе серенады и приносить снопы полевых цветов.

– И что ты ему ответила? – медленно остывая, буркнула Лита.

– Пока ничего, жду тебя. Это твоя жизнь, и решение принимать только тебе, знаешь ведь наши законы, – сухо вато сообщила Дилли, возмущенная подозрениями сестры.

– Ну, сено пусть носит, только матери, – вздернула носик Лита. – Она будет зелья варить и чаи собирать. Песни лучше петь в спальнях малышей, они хорошо засыпают под колыбельную. Ну а ухаживания я, пожалуй, приму...

– Спасибо, прекрасная леди, – учтиво склонил перед ней голову Ланс. – Я счастлив, что ты согласилась стать моей официальной невестой. И теперь на правах жениха желаю знать, куда, точнее, к кому, ты собралась идти в обличье рыночного мальчишки?

– Пока никуда, – властно заявила Дилли, не позволив сестре огрызнуться. – Сейчас мы идем выбирать наряды. Ты обещал проводить. Обо всем прочем поговорим после приезда посла.

Пятое светозарня

Брагод, дворец князя Сайморса Онзирского

Гард

Ланс вернулся к регенту хмурым и задумчивым, и Гард мгновенно заподозрил в этом вину Чижики. Но сделал вид, будто ничего не заметил, хотя в памяти сделал пометку поговорить с другом сразу, как закончит разбираться с нахлынувшими делами.

Магистры развернули бешеную деятельность, узнав о решении регента отправиться на переговоры лично, да еще в сопровождении жены. Лишь в тот момент регент осознал, насколько серьезно они подходят к обязанности управления княжеством. Сайморсу с его подозрительностью, непомерным упрямством и высокомерием и не снилось, что назначать налоги нужно не с потолка, а лишь после изучения отчетов княжеского банка и казначейства. Да он даже в кошмарах не предполагал тех нововведений, которые уже записали в указах магистры! Зато сам Гард не сомневался, что народу эти указы понравятся. Всем земледельцам и скотоводам, ремесленникам и многодетным семьям отныне была положена большая скидка, а некоторым и полная отмена налогов. И даже помощь казны. Зато налог многократно возрос для богатых горожан, ростовщиков и владельцев больших поместий.

И вот они-то, недосчитавшись части огромных доходов, обязательно возмутятся такой несправедливостью. Потому-то и нужно заранее подписать указы, особенно касающиеся передачи части полномочий совету, куда войдут магистры ковена.

– Гард, – позвал регента работавший за соседним столом напарник, выбрав момент, когда они остались в кабинете вдвоем, – тебе не известно, куда собирается Чижик?

– Нет, – отвлекшись на секунду от бумаг, непонимающе поглядел на него Тровенг. – А почему ты спрашиваешь?

– Просто хочу знать... она проговорила, что пойдет в личине горбатого мальчишки.

– А Дилли?

– Обещала сказать после приезда посла.

– Значит, скажет, она никогда не лжет, – успокоил его друг, возвращаясь к куче бумаг.

– Гард...

– Ну что еще? – с досадой вздохнул тот.

– Я обещал сопровождать вас, но теперь все изменилось. Дилли официально позволила мне ухаживать за сестрой. И если Чижик собирается впутаться в какую-то авантюру, я должен ее охранять.

– Вот теперь понял... – Гард задумчиво прищурился, прислушиваясь к собственной интуиции. Его магические способности были очень невелики, всего лишь добавляя чуткости к любым проявлениям природных явлений и человеческих поступков. Будь Тровенг простым селянином, он безошибочно устанавливал бы время, когда нужно сеять рожь, а когда косить клеверники. Заранее чуял бы дожди и засуху, точнее соседей определял бы честность купцов и перекупщиков.

А должность начальника тайного сыска научила распознавать действительно серьезные происшествия среди сотен мелких недоразумений, происходящих в княжестве каждый день. И теперь Гард несколько не сомневался в верности подозрений напарника, ему и самому не понравилось намерение Литы.

Если честно, еще вчера, бродя с любимой женой по запутанным дорожкам парка, волшебным и таинственно освещенным исходящим от каждой травинки и цветка разноцветным сиянием, регент искренне порадовался за Ланса. Друг встретился им возле одной из чудесных беседок, где он кормил мороженым Литу, вместе с ней пытаясь угадать, на котором из ближайших кустов в следующий момент появится волшебный бутон. Все гулявшие по саду гости заразились этой увлекательной игрой и загадывали желание кто тихо, про себя, кто вслух, наперебой с друзьями.

И потом, когда стремительно распустившийся огромный светящийся цветок отрывался от веточки и медленно взмывал вверх, чтобы со звоном взорваться над деревьями роскошным огненным фонтаном и опасть вниз призрачными лепестками, перьями и лентами, радовались, прыгали и кричали, как восторженные ребятишки.

– Ланс, я рад за тебя, очень. Но мне кажется, волнуешься ты рано. Скорее всего, она собралась отправиться с нами, но я ее не возьму.

– А если Дилли попросит?

– Дилли? – Тровенг нахмурился и несколько минут размышлял, отчетливо понимая, что спорить с женой ему совершенно не хочется.

Да и не станет она настаивать на своем решении просто из каприза или упрямства, как все его бывшие пассии. И если что-то решит, то можно не сомневаться – у Дилли будут на это веские причины.

– Ну ты же понимаешь, – откровенно глянул он на друга, – что в этом случае я спорить не стану. Хотя и не представляю, зачем нам брать с собой ехидную девчонку, но помню, что она тоже ведунья, и весьма умелая. Но во всех случаях сначала нужно спросить Дилли.

– Никогда не ожидал, – с интересом рассматривал друга Ланберс, – услышать от тебя такие слова. Прости, но я завидую белой завистью и мечтаю о такой же жене. Хочется, чтобы можно было посоветоваться с ней о чем-то серьезном, кроме того, сколько гостей позвать на прием и какие заказать наряды.

Гард ответил ободряющей улыбкой и поспешил закопаться в указах. Внезапное признание напарника, никогда до этого не говорившего о подобных вещах столь откровенно, застало его врасплох, смутило и заставило на миг представить себе, как бы он жил, если бы не встретил Дилли и не решился ради дела жениться на ней.

Вспыхнувший в душе протест самой возможностью подобного поворота судьбы озадачил и даже слегка испугал Тровенга, неожиданно для себя во всей полноте осознавшего, как много значит для него эта необыкновенная женщина. Не просто много, нет. Она теперь для него все. Его сердце и кровь, его боль и радость, а он – глупец, последний глупец, возмнивший себя незаменимым правителем и шелестящий бумажками, в которых магистры уже сто раз обдумали, обсудили и выправили каждое слово.

А ему нужно думать вовсе не об этом, а о том, как уберечь и защитить свою жену, как не позволить ушлому Эршелю отобрать ее или кого-то из ведуний, раз Ясвена так не желает переходить границы его королевства.

– Ланс, – резко отодвинув бумаги, поднялся с места регент, прошелся по кабинету, подыскивая более точные фразы, и, посмеявшись над этой собственной привычкой, коротко спросил: – Кто писал эти указы?

– Звен и Орвес, – сразу насторожился Ланс. – А что такое?

– Ты можешь их позвать? Срочно.

– Конечно, они во дворце. Ты обнаружил ошибки?

– Нет. Я нашел самоуверенного индюка и намерен с ним покончить, – кровожадно усмехнулся регент.

– Гард... – опасно оглядел его маг, явно ожидая какой-нибудь детской выходки вроде активации боевого амулета. И хотя точно знал, что Тровенгу такие поступки несвойственны, не мог не предупредить: – На магистров невозможно напасть с помощью амулетов. Мы же сами их делаем и закладываем особое заклинание. Исключение из всех врагов.

– Я похож на безумца? – искренне изумился Гард. – Ты действительно считаешь...

– Нет, но ведешь себя необычно. Потому и предупреждаю.

– Спасибо, друг, – почему-то развеселился Гард. – Жаль, ты не сказал мне этого раньше. Ну, где твои магистры?

– Здесь, – отозвался от двери Звен и спокойно направился к столу. – Слушаем.

– У меня три вопроса. Кто писал эти указы, кто будет править, пока мы в отъезде, и главный: четыре дня назад вы сделали мне предложение, но я отказался. И только теперь осознал, как недальновидно поступил. Если можно его вернуть...

– Можно. Это предложение мы готовы исполнить в любой момент. А указы мы писали сообща, стараясь все предусмотреть. Ну и о правителе. Поскольку у нас есть свои дела, твои мы разделили, но официальным заместителем решили оставить Юнтаса, твоего секретаря. Он в курсе всего и лучше всех знает, какие вопросы можно решить без тебя, а какие оставить до вашего возвращения. С тобой отправимся мы с Лансом и Варгус.

– Спасибо, – удовлетворенно кивнул Тровенг и нажал на камень в кольце, вызывая Юнтаса. – Ланс, пиши указ, я даю Юнтасу право подписывать в мое отсутствие все необходимые указы. Он отодвинул к краю стола кипу бумаг и уставился на магистров:

– Я готов к ритуалу. Надо куда-то идти?

– Нет, – с интересом рассматривал его Звен. – Только ответь на один вопрос: почему ты так резко поменял все собственные решения?

– Ланс помог мне понять свою неправоту, – спокойно сообщил Гард. – И я осознал, что выгляжу в ваших глазах недоверчивым, самоуверенным индюком.

– А вдруг мы ошиблись? – испытующе смотрели на регента магистры.
– Юнтас очень внимательный и аккуратный, – ухмыльнулся Тровенг. – Он прочтет и отыщет ошибку. Но даже если ничего не найдет, все несуразности сразу заметит народ. У них и мураш не проскользнет, нужно лишь дать людям возможность говорить, не опасаясь за свои шкуры.
– Благодарим за ответ. Снимай все амулеты и украшения, на тебе не должно быть металлов и камней. Встань посредине, мы завернем тебя в щит. Будет немного горячо, но недолго. Второй раз ритуал можно будет провести через несколько месяцев...
Остальное Гард слышал глухо, как сквозь одеяло. Еще он ничего не видел, кроме окутывающей его туманной пелены, а ощущал лишь тепло возникшей между лопаток точки. Словно кто-то поставил на него чашку с горячим чаем, и она становилась все теплее, но не обжигала, а лишь согревала, как изразцы натопленной печи...
– Достаточно. – Туман растаял, и регент обнаружил напротив себя кучку изучающе рассматривающих его магов. – Как ты себя чувствуешь?
– Хорошо, – не солгал Гард. – А что мне теперь можно делать?
– Ничего, – решительно разбил его мечты Звен. – Пока только резерв увеличился. Теперь все твои амулеты будут служить дольше. Не пытайся ничего кастовать, этому нужно упорно учиться, а у тебя сейчас нет времени.
– Теперь у меня его намного больше, – хитро усмехнулся регент и шагнул к столу Ланса. Взял указ, пробежал взглядом и, поставив размашистую роспись, вручил Юнтасу: – Держи и начинай работать. А я иду готовиться к встрече с посланцем.
Стреб свои амулеты и направился к двери.
– Не слишком ли стремительно он помудрел? – с сомнением спросил Звен и кивнул Лансу: – Иди, догоняй. Может, еще какую идею подбросишь... по дружбе.

Шестое светозарня

Брагод, дворец князя Сайморса Онзирского

Дилли

Ведунья молча стояла у окна, ожидающе поглядывая на служанок, развешивающих по гардеробной купленные ею платья. На душе у нее было тревожно, и вся эта суматоха вокруг нарядов, украшений и прочей мишуры казалась совершенно неуместной. Ей хотелось поговорить с матерью или поиграть с малышами, выпить фруктового чаю с необыкновенно вкусными рогаликами, которые печет Мира. Или просто погулять по саду, рассмотреть беседки, до которых она не дошла вчера ночью. О том, чтобы посидеть в них с мужем, ведунья и мечтать себе запретила, на Гарте теперь целое княжество... вместе с происками халгирцев и интригами проклятого Эршеля.
– Мы закончили, леди Андилия, – кротко сообщила старшая из служанок. – Вам что-нибудь принести?
– Нет, – отпустила их Дилли, заранее сообщившая, что оденется сама.
Не зря же она выбрала только те платья и блузки, которые легко надеть без чужой помощи, несказанно разочаровав модисток, пытавшихся всучить правительнице пышные наряды на шнуровке, с многослойными юбками и замысловатыми туниками.
– Дилли... – несчастно пробормотала Лита, сидевшая в углу дивана, поджав под себя ноги, – ты на меня сердисься?

– Я не могу на тебя сердиться, – печально ответила ведунья, – потому что я тебя люблю. Но мне больно понимать, что все наши усилия были напрасны. Ты не ведунья.

– Но Дилли, я же могу сделать себе другое лицо и даже горб... – Чижик говорила все тише и медленнее. – Я все понимаю...

– Понимать мало, – горько усмехнулась Дилли. – И сделать горб – тоже не главное. Важнее всего пронести в душе доверие к тем, кто всегда был за тебя, и к тем, кого ты любишь. Без веры нет любви, нет понимания, ничего светлого нет... И ведуний без веры тоже нет. Ты же все это знаешь, почему же позволяешь управлять собой самым отвратительным чувствам? Ревность – это всего лишь несправедливое недоверие, смешанное с больной подозрительностью и необузданной злостью.

– Дилли, я же не нарочно! Оно само вспыхивает в душе, как костер на ветру, и гудит так, что в глазах темнеет!

– Я тебе об этом и говорю. Как только почувствуешь приближение этого огня – немедленно полей себя мысленно ледяной водицей разумных доводов. И очень скоро поймешь, как глупо и опасно растрачивать на подозрения свою душу и зря рвать сердце себе и любимому мужчине.

– Дилли... я все поняла... я все это знаю наизусть! Возьмите меня с собой!

– Литя, родная моя, неужели ты не видишь, как больно мне делаешь? Пойми, там дворец, толпы хороших ветреных фрейлин, графинь, баронесс и прочих придворных дам. Наш козел без огромной свиты даже в ванную не ходит. И все они будут улыбаться нашим мужчинам и строить глазки. А еще – ронять веера, предлагать фрукты, приглашать на танцы, прижиматься и невзначай оглаживать по плечам. Я должна буду постоянно следить, чтобы ты не убила парочку самых наглых и глупых прелестниц. Или, того хуже, не начала давать пощечины Лансу!

И ладно бы за дело! Он ради тебя перечеркнул всю прошлую жизнь, в одночасье оставшись без тепла и обожания сразу четырех очень миленьких подружек... Я прочитала светскую хронику и посмотрела их портреты. Думаешь, ему было просто? Но он все бросил к твоим ногам и ждет лишь ответного шага. А ты ему еще ничего не обещала, ничем его не одарила, а уже пытаешься водить на короткой веревочке, как собачку. А он человек! И очень непростой. Опытный сыщик, друг и напарник Гарда, один из самых сильных магистров ковена.

– Откуда ты это взяла? – сдавленно буркнула Чижик.

– А ты даже не задумалась, почему именно его ковен приставил к тайному советнику?

К единственному человеку из ближайшего круга Сайморса, чья честность и справедливость не вызывает у умных людей сомнения? Значит, они очень хотели защитить Гарда. А в защитники таким особам всегда приставляют самых лучших, и это ты должна была сообразить.

– Дилли...

– Не смей рыдать, это самый нечестный способ выдавливать из меня согласие. Умойся и одевайся, посол уже близко, скоро пойдем встречать. У тебя остался самый последний шанс попасть в Форандию – безукоризненно сыграть свою роль. Я хочу сегодня видеть глупенькую, наивную провинциалочку, умеющую лепетать только о погоде и природе. И никаких шпилек, иголок и колочек.

– Спасибо, Дилли, я справлюсь, ты не пожалеешь! – мгновенно вскочив с дивана, пылко обняла ее сестра. – И постараюсь больше не ревновать...

– Просто верь ему, Чижик. Пойми и запомни: без веры нет любви. Если появились сомнения и недоверие – можно смело объявить, что истинная любовь умерла. Остались совершенно иные чувства. Страсть, привычка, боязнь одиночества, дети и общее дело – многое может связывать людей, и иногда довольно крепко. Они даже пытаются называть эти отношения любовью, лукаво утверждая, будто любовь бывает разной. Ложь. Истинная любовь всегда чиста, бескорытна и благородна. Если тебе повезло и ты нашла такую, то старайся беречь как зеницу ока, не убивай недоверием. Она и так очень хрупкая, к сожалению... Ну, беги.

Брагод, дворец князя Сайморса Онзирского

Гард

За окнами властвовала темнота, и трудно было сказать навскидку, какое сейчас время суток. То ли затянувшийся вечер, то ли предутренняя пора. К тому же все вокруг выглядели бодрыми и деятельными. И маги, и слуги, и провожающие.

Хотя последних было не так уж много: пара старших сыщиков, выслушивающих последние указания Тровенга, и мать-ведунья, пришедшая забрать Оха. Ну и шепнуть дочерям родительские наставления, хотя Гард ждал от нее совершенно иного. Регент до последнего надеялся, что Ясвена отговорит Литу лететь с ними, но она даже глазом не моргнула, услышав про решение Чижика. И Дилли тоже смолчала, словно это было для нее самым обычным делом – везти зеленую девчонку в самое логово вздорного интригана. А на осторожный вопрос мужа лишь мягко улыбнулась и пообещала объяснить все позже.

И теперь регент почти с нетерпением поглядывал в окно, ожидая сигнала погонщиков.

Добираться до границы, где их уже ожидал в порту Порога княжеский фрегат, было решено на крыльцах. Магистры еще с вечера загрузили их багаж в четыре новенькие лодки. Регенту по статусу не полагалось путешествовать скромно, поэтому им с Дилли достался самый новый и удобный крылет. Второй предназначался для Литы и ее компаньонки, роль которой доверили магине Разне, одной из лучших телохранительниц тайного сыска. В третьем собирались лететь Звен и Варгус, а в последнем – Ланберс с магистром Брэном, примкнувшим к делегации в самый последний момент.

– Чтобы место не пустовало, – хмуро пошутил разочарованный Ланс, втайне надеявшийся лететь в одном крылете с Чижиком.

Хотя и был единственным, кто в открытую восстал против ее участия в этой миссии.

– Объясните мне, зачем мы везем с собой лишнюю проблему? – возмущался он, хмуро взирая на отводившего взгляд напарника. – Если ей так хочется посмотреть на Форандию или на королевский дворец, можно будет позже хоть год жить там инкогнито. В королевстве всегда рады путешественникам, оставляющим содержимое кошель в гостиницах и магазинах. Но брать ее сейчас с собой глупо и опасно. Эршель явно задумал какую-то пакость, в последнее время его главным развлечением стали всяческие интриги и козни.

Гарду пришлось намекнуть, что это решение Дилли, и, судя по разочарованной ухмылке напарника, в этот момент ведунья много потеряла в его глазах.

– А посланца разбудили? – отставив чашку с бодрящим взваром, спросила леди Тровенг, и ей сразу ответили оба магистра:

– Да.

– Но предупредили, что мы вылетаем первыми, поэтому он еще только одевается.

– Тогда мы идем наверх, – решил Гард, мечтавший уговорить Дилли поспать.

Вчерашний день выдался напряженным и одновременно скучным. Посланник Эршеля лорд Шраген из-за налетевшего встречного ветра прибыл с порядочным опозданием и сразу после официального обеда, вручив регенту грамоты и отдельно запечатанный личной печатью конверт, отправился отдыхать. Хотя его можно было понять, крылеты у короля – самой старой модели, магистры упорно не желали помогать Форандии из-за дружбы короля с халгирскими шаманами.

Побеседовать им удалось лишь после ужина, но письмо короля к тому времени было прочитано и обсуждено, а все выводы – сделаны. Поэтому посол уже не мог ни сказать чего-либо важного, ни как-то повлиять на принятые решения. Да они его и не особо заинтересовали. Судя по скучающему лицу, лорд заранее был убежден, что иного выхода у Гарда нет, ведь за помощь король обещал подписать договор о совместном сооружении тоннеля в Уголенское княжество и огромные скидки онзирским купцам.

Просторная крыша задней части дворца, специально устроенная с очень небольшим уклоном и крытая особой керамической плиткой, уже не пустовала. Висевшие на столбиках пузатые масляные фонари освещали рядок крылетов, возле которых суетились слуги, притащившие провизию, напитки и всевозможные развлечения, от книг и игр до бумаги и карандашей.

К первой кабинке погонщики уже привязывали неуклюже ковьявших кархов.

– Лита? – удивленно позвала вдруг ведунья.

Проследив за ее взглядом, Гард рассмотрел выбравшуюся из темного угла девичью фигурку в невзрачных мужских штанах и рубахе навывпуск.

– Когда ты успела сюда забраться? – изумился регент, отлично помнивший, что, когда они покидали столовую, Лита еще ела пирог.

– Он... – Девчонка вдруг всхлинула и вцепилась в сестру мертвой хваткой, как утопающий – в проплывающую мимо корягу.

– Не реви. Быстро и четко объясни, что произошло, – спокойно велела Дилли.

– Я его ударила, – горько прорыдала Лита.

– За что?

– Он вчера весь вечер уговаривал меня остаться... – сквозь всхлипывания призналась девчонка, – а сейчас сказал...

– Дурак был, – обреченно пробормотал рядом Ланс, и Дилли успешно сделала вид, будто не расслышала его шагов. – Лита, малышка, прости! Лети куда хочешь, только не плачь!

– Ты не прав, – серьезно глянула на него Дилли, ласково поглаживая рыдающую сестру по волосам и плечам. – И забудь навек это детское слово – «прости». Ты ведь не ребенок, стащивший конфетку. А она не добрая маменька.

– Дилли... – маг смотрел мрачно и несчастно, – я все понимаю...

– Нет, ничего ты не понимаешь, – не согласилась она и оглянулась, заслышав шаги. – Но поговорим позже, на судне. А сейчас она полетит со мной. Гард, мы же уместимся втроем? Или сядешь с Лансом?

– Лучше втроем, – подумав, нехотя решил регент. – Не беспокойся, любимая, тут не очень далеко. К обеду доберемся до княжеского особняка в Лучне. Кроме слуг, там никого нет, и осуждать нас за простоту манер просто некому.

– Это хорошо, – нежно улыбнулась ему жена и увела сестру к крылету.

– Если бы я не знал точно, – глядя в темноту, зло пнул столбик Ланс, – что на мне нет никаких чужих заклятий, то считал бы себя проклятым. Я ведь за нее волнуюсь! И не ругался, не командовал – просто сказал: если она считает наши отношения серьезными, то прежде, чем принимать подобное решение, могла бы посоветоваться со мной.

– И за это она тебя ударила?

– Нет... В ответ на эту просьбу она полоснула меня убийственным взглядом, отвернулась и пошла прочь. – Маг несчастно скривился и еще тише выдохнул: – А я по глупости попытался ее остановить.

– Ланс, продержись до Лучни, – обдумав его слова, попросил Гард, – а там попробуем поговорить с Дилли. Понимаешь, ведуньи не похожи на всех остальных девушек. Точнее, они совершенно другие... боюсь, легко тебе не будет.

– Ты же не жалуешься, – тихо пробурчал напарник и, отвернувшись, нехотя побрел к своему крылету.

Гард огорченно вздохнул, ему совершенно не нравились отношения Ланса и Литы. В другой ситуации он ни за что не полез бы в капкан Эршеля с подобной разрозненной и несработанной командой, но сейчас отступить было уже поздно. Посланец при них демонстративно отправил своему королю послание о согласии регента на встречу.

Да и спорить с Дилли не хотелось просто до тошноты, он вообще не желал ей ни в чем отказывать. Наоборот, мечтал о том времени, когда можно будет вздохнуть спокойно, забыть про врагов и посвятить хоть несколько декад только ей. Каждый день приносить любимой цветы и диковинные фрукты, радовать ее всевозможными сюрпризами и особенными, необыкновенными подарками.

Подойдя к крылету, где уже устроились ведуньи, регент нахмурился сильнее. Хотя новые крылеты были еще комфортнее первых экземпляров и вполне могли переносить троих пассажиров, среднее кресло все же оставалось неудобнее боковых. И теперь посредине, полуотвернувшись к сестре и поджав ноги, сидела его жена.

– Дилли, а может, вы полетите вдвоем? А я сяду с Лансом. – Регент тотчас сообразил, как это исправить.

– Нет, – теперь отказалась уже она и лукаво улыbnулась: – Мне без тебя страшно. Не беспокойся, Гар, тут удобно сидеть. Если устану, мы с Литой поменяемся местами.

– Я могу сесть на пол, на подушку, – несчастно прошептала Чижик, пряча заплаканное лицо.

– Не стоит, – заявил Тровенг, устраиваясь на свободном месте и захлопывая крышку. – Крылет должен быть нагружен равномерно. Пока полетим так, позже я поменяюсь с Дилли.

Он мог бы и сразу сесть посередине, но понимал, что сестрам нужно поговорить, и не желал мешать. А едва крылет поднялся в тусклый сумрак предрассветного неба, Дилли нежно погладила мужа по щеке и вздохнула:

– Я знаю, любимый, что тебя удивило наше с Литой упорство. Но поверь, по собственному желанию мы туда не полетели бы ни за какие награды, ни она, ни я.

– Ну, почему мать отправила тебя, я могу понять, – коснувшись губами ее запястья, тихо признался регент. – А вот Лита...

– Она мне сестра, – нехотя созналась Дилли. Подождала, взглядываясь в лицо непонимающе хмурившегося мужа, и добавила: – Родная. По отцу.

– Как... – начал Тровенг и смолк, поджав губы. – Но ведь...

– Да, – подтвердила его догадку жена и печально вздохнула: – Ведуньи влюбляются так же безоглядно, как и все прочие женщины. Вот Лита... Прекрасно видела, как Ланс водит по рынку покорных и покладистых девушек, но вывода не сделала.

– Дилли! – от возмущения голос Чижика зазвенел натянутой струной. – Я же просила!

– А я Лансу ничего и не рассказываю, – спокойно пожала плечами та. – Только моему мужу.

А он тебе, между прочим, теперь считается братом. И выдавать другу твои тайны не будет... без крайней необходимости.

– Любимая, – не выдержал Гард, – я, конечно, не пойду докладывать Лансу ваши секреты, но не тревожиться за него не могу. Потому что очень давно с ним знаком и хорошо знаю, что, несмотря на слухи, он вовсе не любвеобильный мотылек. И это не он соблазнял девушек, а они устроили на него настоящую охоту, придумывали самые невероятные причины ради того, чтобы поселиться в гостевых покоях его дома. А Ланс им не перечил вовсе не из-за ветрености характера, а наоборот – искал единственную. А как только встретил Литу, сразу расстался со всеми претендентками.

– Но от замашек куриного предводителя не избавился, – снова всхлинула Лита.

– В чем они заключаются? – осторожно осведомился Тровенг, начиная понимать, что друг нечаянно задел самую больную струну души Чижика.

– Можно я объясню? – спросила сестру Дилли.

– Как хочешь, – обиженно шмыгнула носом та.

– Очень хочу. Ведь иначе мы не найдем способ вас помирить, и нам с Гардом будет больно на вас смотреть. А еще эта ссора плохо скажется на нашем деле – нечего и пытаться убедить врагов, если не умеем договориться даже между собой.

Чижик промолчала, и Дилли, повернувшись к мужу, сначала подарила ему нежную улыбку и только после того, как он ответил такой же, мягко сказала:

– Я понимаю, что Лита кажется Ланберсу зеленой девчонкой, и поэтому он совершенно неосознанно стремится ею командовать. Тем более привык повелевать своими...

– Курицами, – едко подсказала сестра.

– Не нужно их задевать, – оглянувшись на нее, попросила Дилли. – Я понимаю, тебе сейчас обидно, потому что злишься. Ты ощутила в его движении угрозу или расслышала в приказе знакомые интонации и сразу решила, будто он считает тебя одной из них, но это вовсе не так. Ему было очень больно... нестерпимо больно, Лита, когда он прибежал следом за тобой на крышу. Ты и сама бы это ощутила, родная, если бы догадалась коснуться его руки. И это не боль от твоего удара – у него душа разрывалась от горечи. Ланс ведь уже принял тебя как свою половинку, связал с тобой все планы и надежды. И считает себя в ответе за твою жизнь и безопасность. А ты, вместо того чтобы доказать свою рассудительность и самостоятельность, вдруг начала обижаться, как капризная курица.

– Дилли... – Не договорив, девушка неожиданно залилась горькими слезами и, задыхаясь от сжавшего горло спазма, протянула руку к оконцу, но старшая ведунья оказалась быстрее. Ринулась на сестру, как коршун, навалилась всем телом, оплела руками и ногами:

– Куда?! О матери подумала?!

– Дилли! – коротко всхлипнув, вдруг ошеломленно охнула Лита. – Что такое ты говоришь? Как могла даже заподозрить? Я, по-твоему, совсем дурочка?

– Уже не знаю, – растерянно буркнула та. – Давно меня так не пугали... Просто я не могу придумать, как тебя убедить, но потерять боюсь до дрожи. Литочка, малышка моя, ты можешь его любить или выгнать, но обещай больше никогда не огорчать меня так сильно.

Она выпустила сестру из захвата и внезапно беззвучно заплакала, закрывая лицо руками.

– Дилли! – в два голоса встревоженно вскрикнули ее спутники, и каждый попытался перетянуть ведунью к себе.

Но через несколько секунд Лита опомнилась, уступила сестру ее мужу и вскоре отвернулась, не желая смотреть, как бережно и нежно целует этот сильный мужчина свою любимую, пытаясь унять ее слезы.

– Подожди... отпусти, – тихо шептала Дилли, зная, что сестра слышит каждое слово. – Я уже успокоилась.

– Я тоже, – едва слышно отозвалась Лита, пытаясь понять, почему ей разом отказывают выдержка и благоразумие, стоит Лансу оказаться рядом.

И почему так больно ранит душу его непонимание, упорное желание решать за нее все те мелкие и крупные вопросы, на которые Лита еще с детства привыкла сама находить ответы.

– Чижик... – рука сестры погладила ее по волосам, по щеке, стерла тихо катившиеся слезы, – я была не права. Просто за последний год привыкла жить спокойно, варить травы, пить вечером чай с пирожками, а за эти дни столько всяких бед на голову свалилось, и они все никак не кончаются. Вот и не поняла сразу, почему ты его ударила.

– Не так... – Лита помолчала, пересиливая обиду, и нехотя проговорила: – Не хотела я с ним ссориться. Просто отвернулась и пошла на крышу. А он меня за руку схватил... так крепко и резко, как будто воришку на рынке поймал.

Тровенг, внимательно вслушивающийся в их тихий разговор, выдохнул с досадой и стиснул зубы покрепче. Вот теперь он видел всю картину произошедшего так ясно, словно сам там присутствовал, и отчетливо понимал, в чем ошибка его верного напарника.

Ланс просто свыкся с необходимостью во всем опекать своих безропотных поклонниц, следить за ними как за малыми детьми и теперь никак не может отказаться от этой привычки. И ведь отлично знает, как непросто приходилось Чижика на рынке, сколько смелости и ловкости нужно проявить, чтобы малолетние местные главари признали чье-либо право на свободное существование в их владениях. Но почему-то никак не сложит их в одно – дерзкого горбуна Чижика и хрупкую девочку Литу. Вернее, не видит за ее милым личиком нахальной мальчишечьей рожицы.

– Я могла бы ему намекнуть, – осторожно предложила Дилли, – но, боюсь, тебе хочется вовсе не этого. Ты ведь мечтаешь, чтобы он сам, самостоятельно сообразил, что ты совершенно не такая, как его курицы, чтобы оценил твою смелость, сообразительность и ловкость. Силу он уже оценил, когда ты выдернула у него из рук свой локоть... или ты его отпихнула? Тогда у бедного Ланса небось синяк остался.

– Не беспокойся, – беззлобно огрызнулась Лита, – ничего на нем не осталось. Он магией защищен, это меня так отшвырнуло – летела через полкомнаты.

– Ох, Лита... – Ведунья вздохнула, пытаясь осмыслить, как распутать этот непростой клубок, пока они не забросали друг друга обидными словами да взглядами и не порезали сердца о невидимые ножи непонимания.

– Я сам с ним поговорю, – невозмутимо пообещал Тровенг, и ведуньи, враз насторожившись, дружно уставились на него. – Прости, Лита, но поскольку ты мне теперь сестренка, я как старший мужчина в семье не только имею право, но просто обязан решать подобные проблемы. Ведь от этого зависит спокойствие и счастье моей жены, и я намерен сделать все, что в моих силах, лишь бы больше никогда не видеть, как она плачет.

Некоторое время сестры молча смотрели на него, явно ожидая еще каких-то пояснений, потом, так и не дождавшись, как-то одновременно пошевелились, устраиваясь поудобнее. Дилли снова повернулась к мужу, села боком, подложив под локоть подушечку и вытягивая ноги под его столик. Лита достала орешки и захрустела, как будто все, происходившее до сих пор, было самым заурядным событием.

– Дилли, – не выдержав, прервал регент странное молчание жены, заставив ее взглянуть себе в лицо, – что происходит?

– Мы выслушали тебя, – осторожно подбирая слова, произнесла ведунья, – и не собираемся мешать, ведь каждый человек имеет право действовать так, как ему кажется нужным, когда дело касается его семьи и друзей.

– Значит, вам не понравилось мое намерение? – сразу догадался он и тоже задумался. А через некоторое время, несколько раз перепроверив в уме свои выводы, снова заглянул в спокойное лицо жены: – Любимая, я никогда не был женат, а семьи лишился в раннем детстве. Поэтому совершенно не представляю, как людям удастся находить согласие во всех вопросах, но точно знаю несколько счастливых пар, никогда не спорящих ни на какие темы. И мне всегда мечталось, чтобы в моей семье было так же. У меня слишком непростая и далеко не веселая работа, хочется хотя бы дома ни с кем не воевать.

– Я тоже хочу такую же семью, – нежно погладила его по щеке Дилли. – И мне до отвращения не нравится спорить, ругаться или драться – не важно с кем, с мужем, шаманами или князем. Я вообще ненавижу любую войну. И очень уважаю и ценю твое желание взять на себя нелегкий труд примирения Литы и Ланса. Но прости, любимый, а ты не задумался, что, открыв другу тайны Литы, ты тем самым предашь меня? Ведь она говорила о своих обидах при тебе лишь потому, что считала нас своей семьей.

– Я вовсе не собирался упоминать о ее словах и ее обидах, просто хотел дать совет, – нахмурился Тровенг.

– А ей нужно, чтобы он сам догадался, прочувствовал, принял умом и душой. Я знаю, любимый, что это почти невозможно, но если Ланс очень захочет ее понять – шанс у него есть. – Дилли крепче прильнула к плечу мужа и огорченно проговорила: – Пойми, ведуньям очень нелегко найти свою любовь. Нам нравятся мужчины непростые – мужественные и честные, чуткие и нежные, а таких не так-то много. Но, даже найдя, мы вначале все же сомневаемся и стараемся выяснить все привычки, предпочтения и интересы. Очень не хочется, открыв избраннику душу и пустив его в свою жизнь, через какое-то время обнаружить, что обитаешь рядом с совершенно чужим человеком.

– Мужчинам ничуть не легче, – хмыкнул Тровенг, обнял ее и пообещал: – А раз ты считаешь это предательством, ни словечка не скажу о Чижике Лансу. Но предупреждаю, парень он очень сообразительный и даже из моего молчания обязательно сделает выводы. А теперь я хотел бы поговорить с тобой о другом. Помнишь, я говорил тебе про предложение Звена? Ты ничего нового во мне не замечаешь?

– Как бы я могла не заметить? Ты стал немного сильнее как маг.

– Тебе это неприятно?

– Только немного мешает... Чем ярче сияет рядом твой силуэт, тем хуже видны мне всякие магические вещицы, которые висят на шее и запястьях других людей, – улынулась ведунья. – И это все?

– Пока да. – Заметив разлившуюся по лицу жены бледность, Тровенг мысленно выругался на себя и мягко приказал, устраивая ноги жены у себя на коленях: – Все, отдыхай. Об остальном поговорим в Лучне.

К тому времени он надеялся найти надежный способ защитить любимую женщину от всевозможных тревог и волнений. Слишком больно били по его сердцу ее печали.

Седьмое светозарня

Портовый город Порог в нижнем течении реки Ресны, княжеское имение Лучня

Дилли

Выйти из крылета самостоятельно Тровенг жене не позволил. Уверенно подхватил ее на руки и нес до самых покоев, приготовленных магами, прибывшими сюда заранее.

И в ванную тоже собирался отнести на руках, но Дилли, терпеливо сносившая приступ его заботливости, категорично отказалась.

– Любимый, я совершенно здорова, – нежно шепнула она, и ловко вывернулась из его рук, – лучше попроси принести мой сундук. На корабле я собираюсь ходить в другой одежде.

– Они и сами принесут, – и не подумал шевельнуться Гард, испытующе рассматривая ее лицо, – можешь не спешить. Мы будем отдыхать тут столько, сколько тебе понадобится, чтобы успокоиться. А за Литу не волнуйся, Ланс и близко к ней не подойдет.

– Почему? – насторожилась Дилли, начиная подозревать, что Тровенг все понял по-своему и предпринял собственные меры.

– Я приказал, – коротко сообщил он, ободряюще улыбнулся и направился в сторону второй ванной комнаты.

– Доигралась... – прикусила губу ведунья, не ожидавшая от мужа подобного поступка.

Обедали они вдвоем, Гард решительно заявил, что не обязан развлекать во время пути неприветливых послгов, и вообще желает отдохнуть ото всех. В конце концов, у него медовый месяц.

Магистры даже слова против не сказали, взяли заботу о лорде Шрагене на свои выносливые плечи, а Литу передали на попечение Разны.

– Любимый, – добравшись до десерта, окликнула мужа Дилли, – ты твердо уверен, что нам стоит тратить время на отдых? Посол ясно намекнул на необходимость поспешить... и мне тоже кажется, что так будет вернее.

– Ты недавно сказала... – подняв голову, испытующе уставился на жену Гард, – что мое слово всегда будет решающим?

– Да, – открыто смотрела ему в глаза ведунья, – и спорить не стану. Но от права высказать свое мнение никогда не откажусь. А выслушать меня или отмахнуться – выбирать тебе.

Гард некоторое время наблюдал за тем, как она сосредоточенно мешает в вазочке подтаявшее мороженое, и все отчетливее понимал, что недавно принятое им решение было не таким уж идеальным. И оградить Дилли от забот и проблем ее сестер ему не удастся никогда.

– Я посоветуюсь со Звеном, – наконец сообщил он жене, – и если он считает так же, то после обеда мы отправимся на бриг. Но отданный Лансу приказ отменять пока не буду. Я вспомнил все ее слова и понял, что Лита давно за ним следит... и знает о Лансе намного больше, чем он – о ней. Следовательно, они изначально были в неравном положении. Кроме того, он вообще всегда избегал связей с решительными, настойчивыми и упрямыми девушками, предпочитая послушных и тихих. И жениться собирался только на такой, просто не выбрал пока между своих поклонниц лучшую. И теперь не знает... чего Лита от него хочет... не понимает ее обид и претензий.

– Ты все верно сказал, – согласно кивнула Дилли, – но в одном все же ошибаешься.

Преимущества у нее нет. Она ведь никогда не встречалась с поклонниками... их попросту не было. Никто не знал, что под горбом прячется юная девушка. А выйти на улицу в своем облике Чижик не могла, Мира с мужем живут в пригороде, а соседи там приметливые. Сразу заинтересовались бы, откуда взялась еще одна девчонка и чем занимается днем. Я тебе уже говорила... Лите неведомо присущее всем обычным девушкам умение льстить приглянувшимся мужчинам, кокетничать с ними и вести непринужденные, легкие беседы. И мне точно известно, если она начнет постоянно смотреть Лансу в рот, строить ему глазки и соглашаться со всеми приказами, как его курицы, – это будет совершенно другая девушка, а не Чижик. Но вполне вероятно, тогда она сразу станет ему неинтересной.

– Не знаю... – на этот раз Гард думал немного дольше, – возможно, я и не прав, но слишком уж они торопятся. Пусть немного поживут в разлуке, остынут, подумают и просто соскучатся. Может, станут терпимее и покладистее. Говорят, разлука – это зеркало правды, показывающее истинную ценность красивых слов и пылких поцелуев.

– Боюсь, – улыбнувшись, пошутила Дилли, – на бриге им трудновато будет соскучиться.

– Не волнуйся, любимая, – совершенно серьезно пообещал Тровенг, – эту проблему я решу сам. Поднялся из-за стола, очень нежно поцеловал жену, намекнул, что ей полезно бы полежать, и ушел совещаться с магистрами. Дилли проводила его слегка изумленным взглядом, немного подумала и никуда не пошла. Если Лите понадобится совет сестры, она сумеет сюда пробраться.

Однако она успела обойти комнаты, сложить в сундук дорожный костюм и изучить вид изо всех окон, а никто так и не появился. Лишь через час вернулся Гард с сообщением, что кареты поданы и первые экипажи уже выехали. Рослые слуги торопливо утащили багаж, и к выходу регент с женой шли по гулким от пустоты залам и лестницам.

В карете они тоже ехали вдвоем, но Дилли упорно молчала, не желая задавать каких-либо вопросов. Все равно Гард скажет ровно столько, сколько собирался изначально, такой уж он человек, не стоит ожидать чего-то, не свойственного ему, или обижаться.

– Мы едем последними, – настороженно поглядывая в магическое зеркало, показывающее сверху местность, по которой проезжала карета, пояснил наконец регент. – Перед нами повозка с Литой и Разной. А на козлах у нас магистры, хотя грабители никогда не нападают на последние повозки, в которых обычно едут слуги и повара.

– Мне казалось, – задумчиво пробормотала Дилли, погладив рукой мягкое кожаное сиденье, – слуг в таких колясках не возят...

– Мы едем в самой невзрачной из тех, что стояли в каретном сарае, – довольно ухмыльнулся ее муж. – Сайморс в такую никогда бы не сел. Посланник и маги едут в роскошных дормезах, отделанных золотом.

– То есть, – заинтересовалась ведунья, – вам его не жалко, этого высокомерного лорда?

– Звен утверждает, что под рубахой посол увешан артефактами и носит пояс, искажающий магическое излучение. А вы с Литой заметили, сколько на нем амулетов?

– Я видела. Ничуть не больше, чем на самом Звене, – уверенно сообщила Дилли. – Да и на тебе почти столько же. В крылете и половины из них не было.

– Да, – подтвердил Гард. – Но в следующий раз, если увидишь так хорошо вооруженного незнакомца, не забудь предупредить меня. Не в открытую, разумеется... намеки.

И снова уткнулся в свой артефакт. Однако до судна они добрались без помех, и едва поднялись по мосткам, как княжеский трехмачтовый бриг, отдав швартовы, направился вниз по течению, поспешно распуская паруса.

– Наша каюта на верхней палубе, – сообщил Гард и первым полез по дубовой лесенке, обитой начищенной до блеска медью.

Дилли, подобрав юбки и добавив себе силы, лезла следом, начиная подозревать, что особым смельчаком Сайморс никогда не был. Иначе заставил бы устроить здесь более удобную лестницу.

– Князь катался на этом бриге раз пять, – словно расслышал ее мысли Гард, – и всегда входил на верхнюю палубу по особому трапу прямо с высокого пирса.

– А где едет Лита? – словно невзначай осведомилась Дилли, оказавшись в роскошной княжеской каюте с собственной ванной и отдельной спальней.

– Рядом, – пояснил Гард, – в каюте княжны. Она почти такая же, немного поменьше. Им с Разной там будет удобно. Но спускаться на нижние палубы запрещено по просьбе капитана.

– А Лансу магистры не рекомендовали подниматься на верхнюю, – в тон ему поддакнула Дилли и загадочно усмехнулась: – Но я не поставлю ни медяка на то, что это их удержит... если они, конечно, захотят встретиться.

– Посмотрим, – спокойно кивнул Тровенг и намекнул: – Нам плыть два дня, любимая, можно одеться попроще. Посланника сюда тоже не пустят.

И в подтверждение своих слов решительно сбросил куртку и снял сапоги. Ведунья весело фыркнула и в ответ беспечно кинула на кресло кружевную накидку. Если есть возможность отдохнуть не в ущерб важным делам и планам, то глупо ею не воспользоваться.

Княжеский бриг «Алый альбатрос»

Дилли

В сумерках река всегда кажется намного шире и загадочнее, чем днем. Теряются в вечерних тенях поросшие камышом и кустами берега, почти сливаясь с потемневшим небом, кажется бесконечной лента бурлящей за кормой воды.

Ведунья сидела в глубоком плетеном кресле на верхней палубе, скучающе посматривая на безрадостный пейзаж, и неспешно грызла орешки. Гард недавно ушел к магистрам, устроившим на корме небольшое совещание. Он звал жену с собой, даже пытался прельстить видом горевшего перед бригом заката, но Дилли не сдалась. Ей было неинтересно слушать их рассуждения, как лучше следует поступить с двумя королевскими шхунами из отряда морской охраны.

Не желая повторять ошибок прадеда, прозевавшего нападение воинственных пиратов Серанзии, его величество Эршель держал на море целую флотилию таких судов. И сейчас два из них, вынырнув под вечер из широкого рукава Ресны, ненавязчиво сопровождали бриг, предусмотрительно держась поодаль. И не давая никаких оснований для обид или претензий, ведь в этих местах граница между Форандией и княжеством проходит по реке, и они имеют такое же право плавать здесь, как суда Онзирского княжества.

– Но обычно им не пользуются, – усмехнулась Дилли, отлично видевшая все происходящее на шхунах, даже флажки, которыми махали сигнальщики, передавая напарникам какие-то указания. И прочесть смогла, но не сумела расшифровать значение длинного ряда цифр.

– Дилли... – Голос сестры, осторожно ступившей на палубу, был непривычно тихим и безжизненным, словно она перенесла тяжелую болезнь, и в сердце ведунии точно нож вонзили. Широкий такой... мясницкий.

– Лита?! – ринулась она навстречу Чижику и обмерла, увидев темные капли, слетавшие на светлый лак палубы с пальцев сестренки. – Что произошло?

– Мы с ней поссорились... А ты меня не прогонишь? – опасливо поинтересовалась девчонка, снова нанося сестре острую рану.

И не столько этим немислимым предположением, сколько полным покорности и горечи голосом.

– Лита, как ты можешь так думать? Куда я тебя прогоню? Садись, сейчас вытрем тебе пальцы... это ее кровь?

– Конечно нет... – На миг во взоре девушки мелькнул прежний строптивый огонек и тотчас пропал. – Это я сорвала ногти, освобождаясь от ее пут...

– Что?! – Дилли мгновенно выстроила в уме несколько версий произошедшего, и ни одна ей не нравилась.

Но прежде, чем сделать окончательный вывод, нужно было все еще раз проверить и доказать Гарду и магистрам истину, в которой сама она уже не сомневалась. Для этого требовалось его позвать, но так, чтобы никого не переполошить и не дать заранее сделать никаких предположений.

– Не выращивай пока ногти, – строго приказала она сестренке, но та горько хмыкнула:

– А я и не смогу... все силы истратила. Она же магией меня спеленала...

– А сама?

– На совещание пошла.

Вот теперь кое-что прояснилось, но далеко не все. А у Дилли появилась идея, как срочно вызвать мужа, не тратя выданного им на крайний случай тревожного амулета.

Она подцепила пальцем капельку крови, сочившейся из-под обломка ногтя Чижики, размазала себе по щеке и помчалась к лесенке, ведущей на среднюю палубу.

Там дежурил матрос, приставленный Гардом следить, чтобы никто не нарушал покой его жены. – Срочно... – изнеможенно задыхаясь, будто пробежала миль пять, выдохнула ведунья, глядя на сурового мужчину полными слез глазами, – позовите моего мужа... лорда Тровенга.

Срочно... – шепнула, осев на верхнюю ступеньку и бессильно уронив руки.

Неизвестно, о чем он подумал, но умчался с такой скоростью, что Дилли больше не сомневалась в успехе своего лицедейства. Волновало только одно: как бы Гард не привел с собой Раэну. Она сильная магиня, и даже вдвоем им нелегко будет с ней справиться, пока на помощь подоспеют маги. Ну вот почему ей не пришло в голову договориться с мужем об условных словах и сигналах? Точнее, Дилли просто не подумала, что, даже находясь под защитой магов, можно оказаться в подобной ситуации.

Гарда она заметила сразу, едва он выскочил из двери кают-компания, и тут же медленно поднялась со ступеньки. Неуверенно повернулась в сторону скрытых за надстройкой кресел и медленно, чуть покачиваясь, побрела туда, где, сжавшись в кресле, ждала ее Лита.

– Чижик, я не спрашиваю тебя о причине вашей ссоры. Но сейчас придет Гард, и ты должна будешь рассказать ему все откровенно. Понимаешь, за твоей спиной все мы – мать, Снежок, Мира, малыши... Необходимо, чтобы такое никогда не повторилось. Никто не имеет права лишать ведуний свободы. И всех остальных людей – если они не сделали ничего отвратительного и незаконного.

– Хорошо, – с пугающей покорностью согласилась Лита и вновь опустила взор на кровоточащие пальцы.

– Дилли! – Регент ворвался на верхнюю палубу как смерч, ринулся к жене и замер, рассматривая ее окровавленную щеку: – Кто тебя?!

– Меня? – недоуменно подняла она взор, мысленно моля любимого о прощении за этот невинный обман, потом, словно сообразив, потерла лицо испачканной кровью рукой. – Не волнуйся, со мной нечего, это не моя кровь. Лита...

– Что?! – Вот теперь полный боли вскрик раздался за спиной регента, и рядом с ним возник Ланс, потрясенно оглядывающий Чижика. – Лита? Что здесь произошло?

Он бросился к сжавшейся в кресле девушке, присел рядом на корточки, потрясенно рассмотрел ее пальцы и оглянулся на Дилли.

– Я сама ничего не знаю, – честно призналась та. – Она только сказала, что ее связала щитом Раэна.

– Мне велели никуда ее не выпускать! – Магиня тоже примчалась, подтвердив опасения Дилли. Но за ней возвышался Звен и еще кто-то из магов, и это немного успокаивало ведунью. Теперь ей требовалось пройти по незримому тончайшему мостку в последней попытке не нарушить временное спокойствие. Маги всегда славилась неумеренной вспыльчивостью.

– Кто? – В голосе побелевшего от ярости Ланса зазвенела холодная ярость. – Кто такое приказал?

– Подожди, Ланс, не спеши... – шагнул вперед Звен, встав посредине. – Я сам отдавал ей распоряжения, и звучали они вовсе не так. Раэна, я ведь просил тебя деликатно удерживать Литу от прогулок по нижней палубе. Девочка юная, хорошенькая, а матросы – парни отчаянные...

– Но я уходила на совещание! – Магиня упорно считала себя правой. – И сначала хотела просто запереть дверь, а она так нагло захихикала, что никакой замок ее не удержит!

– Она сказала, – не поднимая головы, горько усмехнулась Лита, – что мы с Дилли наглые актеры и непонятно ради чего все с нами так носятся. Да еще и лучших женихов подсовывают. И Тровенг мог бы найти себе пару получше.

– Ты лжешь! – Глаза магини сверкнули жаркой ненавистью. – Я такого не говорила.

– Но ясно намекнула, – подтвердила Лита.

– Подлечите ее наконец. – Дилли решительно вмешалась в спор, готовый перейти в новую ссору. – Она истратила все силы, выбираясь из магических пут. Не только ногти... у нее на спине и плечах обожжена кожа... И подайте королевским шхунам знак подойти ближе. Мы перейдем туда.

– Дилли? – развернул жену к себе лицом не выпускавший ее из рук Тровенг, хмурясь заглянул в полные печали глаза: – Это неверное решение, любимая.

– Неправильно я сделала, согласившись принять защиту ковена, – устало возразила она, чувствуя, как рвет сердце нестерпимая боль. – Но теперь пора все исправить. Вы же не

поверите, что она единственная, кто так считает? А мы меньше всего желаем стать причиной раскола ковена, я отчетливо представляю, к чему это может привести.

– Ты сейчас не права, Дилли, – твердо заявил Звен. – Ваше бегство этой проблемы не решит. Да и невозможно все время убегать. Я обещаю, мы немедленно разберемся с собратьями.

Объясним непонимающим, докажем сомневающимся...

– Вам никто не поверит, – упрямо процедила Разна. – Я всем расскажу правду. Они монстры, которых вы желаете изучать ради исследовательского интереса. Ты видел, что она сделала с креслом? Разорвала голыми руками кожаную обивку, сломала каркас и вылезла в узкую дыру, порвав одежду, но не зацепив кожу! Ни одному нормальному человеку такое не под силу! Зачем позволять им размножаться, если они не могут сделать ничего полезного? Зато хитростью и обманом одурманивают мужчин, с их помощью постепенно захватывая власть! Думаете, никто не понял, что Гелии никогда не придется править? Вместо нее на троне будет сидеть вон та черная вдова, уже отправившая на тот свет двух мужей и успешно захомотавшая третьего! Разна бросила на старшую ведунью горящий неистовой ненавистью взор и, едко прищурившись, шепнула что-то непонятное, но явно очень опасное. Воздух вокруг Дилли заискрился, сгущаясь в крохотные иголки, и тут же осыпался, подчиняясь повелительному жесту Звена. А секундой позже и сама Разна осела на палубу бесформенной кучкой.

– Запри ее в трюме, – выразительно глянул на Брэна старший магистр, – и заberi все амулеты. Давненько не приходилось мне наблюдать такой вспышки ненависти.

– Это моя ошибка... – виновато пробормотал Ланс и поднял на друга полный острой боли взгляд: – Дал ей слово не выдавать... Она о тебе грезит уже лет шесть, но обещала забыть...

– Никто ни в чем не виновен, – резко пресек его муки Звен. – Всех случайностей никогда не предугадаешь и не устранишь. Данлита, прости ее, пожалуйста, тебе же понятно отчаяние влюбленной женщины, потерявшей последнюю надежду.

– А я ее тоже потеряла? – болезненно кривясь, осведомилась юная ведунья, старательно не смотревшая на бережно исцелявшего ее пальчики Ланса. – Тогда прощаю. Но матери все расскажу, впускать магинь в наш дом нельзя. Дети такого не выдержат...

Она запоздало всхлипнула и, содрогнувшись от предчувствия, наконец-то осмелилась снять блокаду с рвущей тело боли. Но та так и не пришла, напрасно Чижик вслушивалась в свои ощущения. Кто-то из магов ее уже подлечил, и это было прекрасно... но в корне неверно.

Ведуньи должны уметь сами справляться со своими болезнями и ранами.

– Я отнесу тебя в каюту, – бережно подхватил девушку на руки Ланс, и никто не отважился ему запретить.

Проводили взглядами и тоже поспешили покинуть верхнюю палубу, не оглядываясь на отвернувшегося от всех Тровенга, прячущего в крепких объятиях жену.

– Любимая... – тихо шептал Гард, – скажи, что ты передумала. Как я теперь буду без тебя жить? Да и зачем мне тогда все это... княжество, маги, интриги Эршеля и халгирицы?

– Ты не жил бы без меня, – едва слышно отвечала ведунья, радуясь, что сумела помочь магистрам разобраться во всем без боя. – Просто спрятал бы в укромном домике где-нибудь неподалеку. Без балов и приемов я прекрасно обойдусь... а вот без тебя уже не смогу.

– А на меня в это время строили бы далеко идущие планы все, кому не лень? – желчно фыркнул регент. – Тебе так хочется, чтобы я все время жил как тайный агент во вражеском логове? А мне так хотелось верить, что вдвоем мы сумеем отбиться от всех непонятливых и самоуверенных поклонников. И моих, и твоих.

– Я знаю только одного своего поклонника – колбасника Шульта, – еще спорила Дилли, но оба уже знали, что гроза прошла, и истово этому радовались.

Хотя и не так откровенно, как хотелось бы. Разна со своей давней безнадежной влюбленностью и так некстати прорвавшейся ненавистью к счастливой сопернице разрушила тщательно подготовленную магистрами стройную систему защиты. И теперь Лита осталась без постоянного присмотра, который прежде ей обеспечивала компаньонка-магиня.

Гард, помогавший ковену решить этот вопрос и знавший, что нового мага тут взять просто неоткуда, отчетливо понимал, насколько усложнилась их задача. И все же упорно не желал делать предусмотренного на самый крайний случай шага. У регента почти по-настоящему немел язык, едва он вспоминал, что ему придется попытаться уговорить Дилли оставить Литу в княжестве. Одну ведунью магистры всегда сумеют вывести из любой шаманской ловушки,

а вот спасти двух будет намного сложнее. Шаманы не постесняются использовать самые грязные и подлые методы, чтобы заставить магов разделиться.

Известны случаи, когда они пригоняли толпы рабов или детей, от чьего спасения зависел исход всей операции, или приковывали невинных заложников к дверям, закрывающим единственный выход. У тех, кто встал на путь зла и подлости, всегда найдутся сотни способов достичь своих целей, и самые излюбленные из них – это грязная ложь, шантаж и угрозы.

– Любимый, – тихо позвала мужа притихшая в его объятиях ведунья, – ты молчишь очень красноречиво. Мне кажется, я догадываюсь, о чем ты должен мне сказать, и хочу попросить немного подождать. Сюда уже идет Ланс, и от того, что он скажет, зависит мое решение.

– У тебя хороший слух, – виновато вздохнув, похвалил Гард и услышал в ответ легкий смехок:

– У меня обычный слух, но если очень нужно, я могу ненадолго сделать его тоньше, чем у летучей мыши. Я говорю тебе это не ради хвастовства – сегодня мне пришлось пожалеть, что ты так мало знаешь о моих умениях и до сих пор не придумал условных знаков, какие будут известны только нам двоим.

Тровенг изумленно приподнял бровь, поражаясь совпадению их мыслей, – только утром он размышлял примерно о том же.

С лестницы раздался нарочито отчетливый звук шагов, и вскоре перед супругами замер хмурый и взъерошенный Ланберс.

– Садись и рассказывай, – предупреждая его заявление, приказал Гард, делая другу знак повиноваться.

– О чем? – строптиво буркнул маг, но все же небрежно шлепнулся в кресло.

– Поговорил ты с ней? – вмешалась Дилли.

Этот откровенный вопрос поставил Ланса в тупик. Как ответить, если и сам не понимаешь, что происходит?

А ведь он твердо намеревался объясниться с Литой – рассказать, как тосковал по ней все эти нестерпимо долгие часы, как корил себя за нечуткость и невнимание. Хотя и сообразил уже, что больше него самого в этом повинны его слишком послушные и безропотные поклонницы. Это они своим восторженным почитанием отучили его беспокоиться о чувствах и желаниях любимой девушки и заранее думать, как не обидеть ее своими действиями.

Но стоило Лансу увидеть изуродованные пальчики Литы, как у него все в душе просто перевернулось от острой боли. Так безжалостно издевались над жертвами только самые извращенные нелюди да палачи халгирского хана. А потом маг сообразил, что все это произошло по его вине, пусть и косвенной, и ясно понял: отныне он не сможет смотреть Чижику в глаза, зная, что всего этого в ее жизни могло и не быть, окажись он сам немного предусмотрительнее и принципиальнее.

И все-таки они поговорили... всего несколько фраз, окончательно запутавших опытного дознавателя.

– Ланс, – тихо попросила Лита, когда он внес ее в большую каюту роскошных покоев, служившую княжне столовой и гостиной, – пожалуйста... не смотри влево.

– Хорошо, – покладисто пообещал мужчина и старательно отворачивал голову, хотя еще от двери увидел то проклятое кресло, про которое говорила Разна.

Вернее, обломки, что от него остались. И сразу понял, как нелегко было Лите, приклеенной к спинке кресла прочным щитом, вылезать в проделанную ею дыру. У него аж ладони зачесались от нестерпимого желания привязать таким способом саму Разну и оставить дня на два, чтобы сполна прочувствовала всю подлость своего поступка.

– Подать тебе какую-нибудь одежду? – уложив девушку на постель, осторожно спросил Ланс, старательно отводя взгляд от ее изорванной блузки, поверх которой кто-то накинул широкий шелковый шарф.

– Не нужно, – поспешила отказаться юная ведунья и, чуть покраснев, добавила: – Спасибо. Ты можешь идти.

– Лита... – Он замялся, не зная, нужны ли ей его объяснения, и все же отважился: – Мне не позволили сюда приходить и остальным – тоже. Тровенг считает, что вам нужно отдохнуть, и он, несомненно, прав.

– А мне Разна запретила выходить из этих комнат, – вздохнула Лита и неожиданно пояснила: – Но Дилли ничего не знала. Я чувствую, когда говорят правду. Все мы чувствуем.

– Вот как... – на миг задумался Ланс и тут же рискнул поднять на нее полный горечи взор: – Я очень виноват... Раэна давно призналась мне в любви к Гарду, но попросила не выдавать ее. Тровенг сразу отсылал подалеже дознавательниц и магинь, едва замечал их особое отношение. Если бы я тогда не пожалел ее... – Маг смолк, справляясь с накатившей яростью.

– Звен прав, ты ни в чем не виновен. Она ведь могла рассуждать разумно и, если по-настоящему любит, принять его выбор. Хотя это и нелегко... – Девушка чуть покраснела и сразу смолкла, с досадой прикусив губу.

– Лита... – маг не желал с ней спорить, но должен был предупредить, – так, как поступила она, действуют только люди с большим эгоистичным сознанием. Магистрам это отлично известно, поэтому сейчас Раэну отправят к опытному целителю, и лет десять мы с ней не встретимся. Но ты останешься без охраны...

– Я подумаю над этим, – помолчав, серьезно пообещала Лита и, смущаясь, добавила: – А теперь иди... мне нужно переодеться.

– Ланс... – вырвал мага из размышлений голос регента, – мне верно кажется, что ты считаешь нас врагами твоему счастью?

– Нет, – отрицательно мотнул головой тот и удрученно вздохнул: – Как выяснилось, главный враг себе – я сам. Сам выдумал замечательный план по отбору послушной и беззлобной жены, сам оставлял рядом с собой только таких претенденток, и близко не подпуская других. И сам попался в ловушку, привыкнув решать за них все и всегда, не позволяя никаких возражений. Но только теперь начал понимать, почему все никак не мог сделать окончательный выбор. Может, кому-то и нравится всю жизнь жить с тихими серыми мышками, а меня постепенно начала тяготить их покладистость и безвольность.

– Ты сказал все это Лите? – участливо спросила Дилли, но Ланс снова качнул головой:

– Не сумел, но разъяснил ей про охрану. И она обещала подумать.

– Здесь есть третья каютка... маленькая, для прислуги... – задумчиво пробормотал Тровенг, уже прекрасно просчитавший все варианты защиты свояченицы. – Если тебя не смутит...

– Спасибо, – с чувством выдохнул Ланс. – Ты же знаешь, я никогда не был сибаритом!

И почти бегом умчался занимать новое место.

Восьмое светозарня

Княжеский бриг «Алый альбатрос»

Гард

Ранним утром судно вышло в залив и резко свернуло влево. Там, в восьми часах хода отсюда, находился Каймт, самый ближний к южной границе портовый город Форандии. А на подходе к нему, в старинном королевском замке, стоящем на нависшей над прибоем скале, его величество Эршель назначил регенту княжны тайную встречу.

Но вот в ее особую секретность Тровенг и магистры верили меньше всего. Ну какие могут быть тайны, если за ними следят экипажи двух шхун и толпы королевских гвардейцев, открыто снующих по палубам форандских кораблей? Ведь не заставишь же их молчать? Да матросы в первом же порту, подвыпив, по секрету расскажут всем официанткам и танцовщицам, как гнали в порт Каймта нового правителя Онзирии!

– И ведь абсолютно уверены, что никуда нам от них не сбежать и не скрыться, – желчно ворчал Гард, наблюдая, как выплывают из рассеивающегося утреннего тумана увенчанные белыми кипами парусов шхуны.

Сегодня они держались намного ближе к «Алому» и вели себя с соответственной наглостью.

– Пускай думают что хотят, – равнодушно ответил Звен. – Могут и поближе подойти. Но не стоит даже мечтать нас разозлить. Демонстрировать им свои силы никто не собирается.

– А их хватит... сил? – Разумеется, Тровенг знал, что ковен готовился очень серьезно, просто пока даже приблизительно не представлял, на что способны в бою живущие рядом с ними маги. Уже более пятисот лет они хранили нейтралитет и никогда не ввязывались ни в какие сражения. Однако Тровенг и прежде догадывался, что магистры бдительно следят за тем, чтобы никаких войн никто не начинал. А теперь был в этом абсолютно уверен.

– Не беспокойся, – ободряюще улыбнулся магистр, – мы не самоубийцы. Да и вам пообещали защиту, а свое слово мы держим. А как там Ланс?

Звен осведомился про дознавателя небрежно, словно между делом, но обмануть Гарда не смог. А может, и не хотел. В любом случае регент услышал в его голосе истинную заботу.

– Почует в каютке для камеристки. Лита обещала подумать о защите... – Гард смолк, не желая строить никаких предположений.

Но в глубине души был всецело уверен, что вольнолюбивая девчонка придумает какой-нибудь совершенно неожиданный выход. И если совсем уж честно, ожидал ее появления с некоторой опаской.

– Я ей верю, – невпопад заметил Звен и с чувством выдохнул: – И от всей души сочувствую.

Никому не пожелаю однажды оказаться в оковах или путах. Самое мерзкое ощущение, какое может испытать человек. В Серанзии был правитель... гнилой разумом человечешко. Он очень любил связывать своих подданных и рабов, а потом издеваться. Изощренно, почти не оставляя следов на теле, но беспощадно калеча душу. Однажды во дворец привезли случайно оставшегося без запаса магии молодого мага, и хан два дня пытался его сломить. А на третий день маг наконец собрал полный резерв...

– И поделом ему, – скрипнул зубами Гард, знавший окончание этой истории.

Лет пятьдесят назад неожиданно вспыхнул летний дворец хана Серанзии. Огонь был настолько яростным, что остановить его не удалось целой армии слуг и нукеров, вычерпавших подчистую три десятка окружавших строение бассейнов и фонтанов. Хан любил прохладу.

К счастью, сумели спастись все жены, дети, гости и даже рабы. Сгорел только хан. Его скелет нашли на пепелище привязанным цепями к металлической клетке, в которой правитель имел привычку запирает провинившихся. Подданные настолько впечатлились этим зрелищем, что не стали восстанавливать дворец на прежнем месте, а перенесли в другой угол сада.

– Но Разне ведь не грозит такое наказание? – спросила неслышно подошедшая ведунья и еле заметно улыбнулась, отметив, что мужчин не удивило ее внезапное появление.

Значит, нашли способ как-то следить.

– Мы никогда не наказываем наших братьев, – твердо сказал Звен. – Просто помогаем осознать неверность своих поступков и измениться. Иногда достаточно нескольких бесед и наглядных примеров, но в некоторых случаях приходится работать годами. Люди все разные и ситуации – тоже. А почему ты не отдыхаешь?

– Пришла позвать вас на чай, Лита хочет сообщить нечто важное. Только вам двоим и еще Лансу.

– Надеюсь не особенно удивиться. – Гард уже стоял рядом с женой, бережно приобняв за плечи.

– Надейся, – загадочно пообещала Дилли, даря ему нежный взгляд, и ненавязчиво потянула мужа за собой.

Лита сидела за круглым столом в столовой их покоев, мрачно разглядывая крупную землянику, но видела явно не ее. Рядом, на расстоянии локтя, уже устроился Ланс, исподтишка следя за действиями девушки и морщась как от боли.

– Садитесь, – предложила Дилли, усаживаясь с другой стороны от сестры, и Тровенг тотчас занял соседнее место.

Звен сел напротив Литы, окинул ее лицо внимательным взором и начал понимать, какая боль кривит губы дознавателя.

Слегка нахального и дерзкого, но жизнерадостного и насмешливого Чижика больше не было.

Перед ними сидела молодая женщина, испытывавшая на своей шкуре жизненную

несправедливость и подлость и вышедшая из последней схватки с тяжелыми потерями. При взгляде на нее сердце начинало сочиться горечью невозвратной утраты, хотелось одновременно гладить девчонку по голове и кормить конфетами или встрянуть как следует, прикрикнув, чтобы не принимала близко к сердцу каждый выпад.

– Дилли, – тихо и устало попросила Лита, по-прежнему не поднимая глаз, – объясни ты...

– Как скажешь, – Дилли сочувственно кивнула сестре и внимательно оглядела насторожившихся магов: – Так вот... все не так, как вы считали. Но не судите нас строго. Я ничего не могла рассказать вам раньше, это не моя тайна. И не Литы, хотя именно ей мать отдала право решать, когда и кому открывать этот секрет и открывать ли вообще.

Она снова обвела взором сидящих за столом мужчин, но они хранили упорное молчание. Лишь Гард ободряюще гладил напряженное плечо жены.

– Лита – родная дочь Ясвены, – скупно сообщила ведунья, сделала небольшую паузу и коротко добавила: – И Эршеля.

Все продолжали молчать, лишь брови хмурили да неверяще поджали губы. И только через минуту Звен осторожно поинтересовался:

– Значит, его величество хотел получить именно ее?

– Скорее нашу мать, – едва заметно пожала плечами Дилли. – Они встречались несколько раз и всегда расставались из-за несогласия в важных вопросах. Не могу точно назвать все, но один знаю. Мать пообещала, что в Форандии не будет ни одной ведуньи, пока там можно отдавать девушек замуж в пятнадцать лет.

– Прошлым летом в королевстве вышел указ, – задумчиво поведал Звен. – Теперь запрещено принуждать девушек к замужеству против воли и до достижения семнадцатилетия.

– Значит, он некоторое время ждал, – первым высказал очевидный вывод Трвенг, – а потом решил выманить ее любым способом.

– Мать не могла сразу оставить семью, – пояснила Дилли. – У них как раз появились новые младенцы. Да и Лите еще не было семнадцати. А до этого на наших сестер напали, пытались куда-то увезти силой. Девушки, конечно, ушли, но далось это непросто. Вот тогда матери решили затаиться, переждать тревожное время. Но халгирцы нашли семью даже в Мшарье, и им пришлось бежать и разделиться, так проще прятаться. Я получила приказ жить тихо и незаметно, однако назойливый колбасник все испортил.

– Я у него в долгу, – пошутил Гард, но его глаза были абсолютно серьезны.

– Слушая твои объяснения, я в какой-то момент почувствовал себя назойливым простаком, – хмуро усмехнулся Ланс. – Оказывается, Лита ехала к королю по приказу матери, а не по собственному капризу, а я всячески ей мешал. Но теперь начинаю хвалить свою интуицию, ведь, по сути, получается, ваша мать откупила дочь, чтобы король оставил в покое всех остальных ведуний?

– Так может думать только непосвященный, – с сочувствием вздохнула Дилли, – не ведающий, что у нас никто и никогда никого ни к чему не принуждает. Мы все свободны выбирать свой путь и свою судьбу. И Лита сначала не хотела ехать, отец ей не интересен, да она его и отцом не признаёт. Но потом передумала, и никто не вправе ей запретить.

– Но раз она не считает его отцом и не желала видеть, – упрямо сжигал все мосты перед собой Ланс, – зачем так рисковать?

– Просто потому, – терпеливо, как для малышей, пояснила Лита, – что, кроме меня, никто не сможет его убедить. Или остановить. Но эту тайну я открыла вам неспроста... Теперь, воочию увидев, в кого превращает людей ревность, я начала бояться за Ланса. Там, в королевском дворце, мне, возможно, придется кокетничать и любезничать с разными людьми, а ему будет неприятно. Нужно найти способ...

– Можно провести для вас ритуал соединения судеб, – осторожно предложил Звен. – Мы имеем право. Ланс получит возможность на законных основаниях все время находиться рядом с тобой.

– И сможет охранять тебя днем и ночью, – подумав, добавил Гард. – А тебе не придется ни с кем любезничать.

– Это не самый лучший выход, – неожиданно заупрямилась Лита. – Я имела в виду совсем другое. К примеру, оставить его на корабле или вообще вернуть в Брагод.

Гард со Звеном замерли, не решаясь даже взглянуть в лицо дознавателя, а Дилли смотрела только на сестренку, упрямо стиснувшую губы.

– Ты понимаешь, – наконец печально спросила она младшую ведунью, – что он никогда тебе этого не простит?

Лита только крепче сжала побелевшие кулачки.

– Даже если раскусит... – Дилли многозначительно помолчала, – ради чего ты это придумала?

– Уже понял, – на удивление спокойно произнес маг. – Не совсем уж безнадежен. И очень благодарен тебе за заботу, Чижик. Ты ведь опасаясь, что королю может не понравиться твой выбор и он постарается меня устранить? Лучше уж сама отправишь меня куда подальше и побезопаснее. Но такой способ не для меня. Я никогда не оставлю свою невесту в чужой стране при таких обстоятельствах. И вообще покидать не намерен. Тем более не стану оскорбляться и фыркать, как малолетний щенок, выяснив, что дорогая мне девушка решила спасти меня любой ценой. Поэтому самый лучший выход – провести ритуал. Я все равно собирался на тебе жениться, как только ты согласишься в искренность моих намерений. А свое отношение ты только что доказала этим абсурдным, но очень самоотверженным предложением.

– Нет! – вскочив с места, резко выкрикнула девушка, на миг став похожей на прежнего Чижика, но тут же взяла себя в руки. – Ты его недооцениваешь. Он прожженный интриган, азартный игрок, а такие не любят проигрывать... Даже больше – они ненавидят все, что мешает их планам. И он уже сделал первый ход, вынудив нас прибыть сюда, прямо в тщательно подготовленную им ловушку. Иначе быть не могло, и можно не сомневаться, что игра продумана и просчитана на пять шагов вперед. Нам просто не позволят сейчас шагнуть не туда, куда нужно ему. Поэтому необходимо его опередить, сломать все заготовленные варианты, навязать свои условия.

– Ты хорошо разбираешься в азартных играх, – задумчиво пробормотала Дилли.

– Два года наблюдала, как играли тайные короли рынка, – мрачно усмехнулась Лита, оглядела сумрачных мужчин и устало опустилась на свое место. – И поняла одну важную вещь: если садишься играть с такими умельцами, лучше не иметь за спиной никаких слабостей. Бить станут именно туда. Поэтому ритуала не будет, и никого охранником ко мне не приставляйте. Я не хочу стать причиной чьих-то бед.

– А я не могу позволить тебе рисковать жизнью, – так же категорично заявил Ланс. – Поэтому обязательно пойду вместе с вами, но следить буду издали. Прости, любимая, такой уж я человек.

– Значит, пока придерживаемся прежнего плана, – подвел итог Звен и оглянулся на Дилли: – А про чай ты пошутила?

– Сейчас принесут, – дернул звонок Тровенг, хмуро поглядывая на притихшую жену. Теперь он не сомневался, что и она тоже не против отправить супруга в безопасное местечко. И собирался, как только останутся вдвоем, объяснить любимой, как обидно внезапно узнавать такие секретные планы.

Восьмое светозарня

Княжеский бриг «Алый альбатрос»

Дилли

К полудню погода начала незаметно портиться. Небо затянули облака, становившиеся все плотнее и темнее, ветерок осмелел и гнал к берегу тяжелые водные валы. Они били судно в бок, грозя перевернуть, и оно вынуждено было рыскать, постоянно меняя галсы. Но шхуны не

отставали, а в какой-то момент одна умудрилась обойти «Алого» по дуге и оказаться впереди. Теперь бриг шел в клещах, но никого из магистров это, похоже, особо не волновало. Дилли, во всяком случае, не заметила на их лицах ни тревоги, ни озабоченности.

– Полагаю, форандцы намерены прижать нас к берегу и заставить переждать непогоду в какой-нибудь бухточке, – задумчиво произнес Гард, сидевший на плетеном кресле в обнимку с женой. Жара давно спала, воздух был сырым и прохладным, но ни один из них не спешил уйти в каюту. Дилли было жаль нарушать связывающее их особое, доверительное тепло, терять драгоценные минуты на устройство на новом месте. Интуиция подсказывала, что им теперь не скоро удастся посидеть вот так мирно и беззаботно, не думая о чужих желаниях и планах.

– Но мы ведь не будем сопротивляться? – с насмешкой предположила она, теснее прижимаясь к груди любимого мужчины.

– Только если их намерения покажутся Звену слишком агрессивными. – Гард старался говорить иронически, но в голосе против его воли звучало беспокойство.

Не так-то приятно ощущать себя загнанной дичью, на всех парусах несущейся в полную охотников ловушку. Хотя ковен предусмотрел, казалось, любые варианты, но Лита сегодня сказала правду. Эршель был слишком опытным интриганом, чтобы не просчитать все их возможности.

Ну, разумеется, те, о которых знал. Как выяснил регент всего два дня назад, даже он сам не догадывался о тайных умениях магистров. Да и до сих пор ему открыли далеко не все.

– Можно? – деликатно кашлянул появившийся на палубе Ланс.

Последние часы он провел в каютах братьев по ковену и никому не собирался докладывать, чем там занимался.

– Конечно, – кивнул другу Гард. – Но если ты надолго, то лучше перейдем в каюту. Дилли уже замерзла.

– В каюту переходить придется в любом случае, – серьезно ответил маг. – Пора переодеваться. От передней шхуны отошла шлюпка под белым флагом. К нам плывет парламентар.

– Скорее очередной посланник, – усмехнулся Гард, поднимаясь с кресла, и потянул к себе Дилли. – А Лите ты сам скажешь?

– Звен сейчас придет, – помрачнел дознаватель. – Меня она не замечает.

Через десять минут, переодевшись и сделав все предусмотренные планом безопасности приготовления, пассажиры «Алого» стояли у борта, наблюдая за бесстрашно летящей по волнам шлюпкой. Шестерка мускулистых гребцов слаженно работала веслами, пассажир в темном походном костюме и матросском платке сидел на корме, крепко вцепившись в борт.

– Сразу видно, что это сухопутная крыса, – буркнул наблюдательный Ланс. – Лучше бы привязался.

– Значит, привез письмо и собирается подняться на борт, – предположил Звен. – А я надеялся, что он просто прочтет нам приказ Эршеля.

И он угадал. Едва шлюпка подошла на безопасное расстояние и матросы, вполголоса костерившие самоубийц, сбросили им штормтрап, пассажир в черном довольно ловко полез наверх.

– Я прибыл к лорду Шрагену, – едва оказавшись на палубе, заявил он и оглянулся на шлюпку, уже отошедшую от брига. – У меня к нему секретное послание.

– Давай. – Посол уже стоял позади пассажиров, подозрительно разглядывая их дорожные костюмы.

Письмо он прочел тут же, показал Гарду и сразу же сжег огненным амулетом. Затем повернулся к спутникам и уверенно, словно был тут самым главным, приказал:

– Отсюда ваше судно повернет направо. В семи часах пути на юго-восток расположено несколько островов, в бухте одного из которых ждет второй посыльный. Шхуны сейчас уйдут, им туда приближаться запрещено. Вот карта.

– Карта? – Звен недоверчиво смотрел на свиток, который посол вытащил из рукава. – Значит, она была у вас с самого начала?

– И вы вели нас в ловушку, утверждая, что сопровождаете на встречу с королем, – прямо обвинил лорда Брэн. – Потому что королю на этих богом забытых островках делать совершенно нечего. А тем более незачем оставлять там посыльного, письмо мог передать и первый курьер.

– Первого могли припугнуть, подменить, отобрать письмо, – сухо бросил лорд Шраген.

– Да? – едко фыркнул Ланс. – А какие у нас гарантии, что всего этого не было?

– Я, – заявил посол. – У меня есть точно такое же письмо. Если бы в привезенном им пакете была подделка, я обнаружил бы ее сразу же.

– Бред, – объявил Гард. – Откуда нам знать, что написано в вашем письме? И почему нельзя было отдать его сразу?

– Вот оно. – Шраген достал из-за обшлага запечатанный пакет. – Можете сравнить. Я специально открывал полученное послание на виду у всех и сжег после прочтения регентом.

– Там было лишь распоряжение следовать полученным от него устным указаниям, – пояснил спутникам Гард, и Дилли, успевшая прочесть короткие фразы, подтвердила:

– Да. Но почерк у короля довольно своеобразный, и вот его стоит сравнить. Пусть откроет второй конверт.

Форандский лорд смерил ведунью пронзительным взором и с холодной усмешкой разорвал свой пакет. Достал из него точно такой же листок и, не читая, подал регенту, одновременно незаметно отступая к борту.

– Куда? – ласково спросил Звен, разглядывая окутавшие посла разноцветные всполохи сгоравших щитов. – Ты же хотел проводить нас до места?

Тот только прохрипел нечто невразумительное, последним отчаянным рывком попытался перевернуться через борт и стих на палубе, спеленатый ловчей сетью Ланса.

– Он предатель, – тихо произнес пристально наблюдавший за происходящим посланец. – Его карта привела бы вас на мель.

– А ты откуда знаешь? – заинтересовался Ланс.

– Настоящая карта у меня, – еле слышно признался курьер, окидывая стоящих неподалеку моряков настороженным взором.

Но все они были совершенно спокойны, даже равнодушны, словно прямо перед ними не творилось ничего странного.

– Идем в нашу каюту, – мгновенно понял его сомнения Гард. – Сравним письмо и карты. А капитан пока пусть поворачивает к островам.

Вскоре все расположились вокруг стола, изучая полученные документы и словно позабыв про притулившегося на краешке дивана курьера. Но тот не обольщался, отлично понимая, что маги продемонстрировали ему свои возможности далеко неспроста. Скорее это было предупреждение, обозначение границ, переступать которые не рекомендовалось.

– Как тебя зовут? – неожиданно в упор спросила его старшая ведунья.

– Леарон, – с едва заметным вздохом произнес мужчина, догадываясь, что за этим последует.

– Лорд Леарон Батенд, уже четыре года личный секретарь Эршеля? – изумленно поднял бровь регент.

– Да.

– Как-то не очень похож, – с сомнением прищурился Варгус.

Но вовсе не внешность курьера смущала магистра, а его совершенная незащитность. В нескольких подвесках и кольцах, скудно украшавших его руки, не было ни грана магии. А умение самого магистра определять малейшую ложь словно исчезло, не открывая ни одной тайны посланца.

– Есть хочешь? – спросила Дилли курьера, словно невзначай коснувшись его руки, и, не обращая внимания на подозрительно примолкших магов, вынесла вердикт: – Пообедаешь, потом все расскажешь.

– Лучше наоборот... – Леарон как-то резко расслабился, и сразу стало заметно, как утомлен и почти изможден молодой мужчина. – Если сначала поем, могу сразу уснуть. Да и рассказывать почти нечего... старый хитрец переиграл самого себя. Запутался в интригах, поверил не тем, теперь сидит в тайном убежище в наследственной короне и с печатью на шее, пытаясь отсрочить свое отречение.

– А кто на троне? – нахмурился Гард.

– Его двойник. Сам выбирал, сам учил ходить и говорить. Я один различаю, кто настоящий.

– Тогда почему тот двойник отпустил тебя на шхуну? – еще сомневался Ланс, а Лита, забрав у стюарда поднос с едой, уже поставила его перед секретарем, заботливо подвигая вилку.

– Так ему же об этом неизвестно, – торопливо черпая суп, пробормотал странный курьер. А через несколько минут, словно вспомнив, что его ответа ждут семь человек, поднял на дознавателя взор: – Он верит, что я считаю его настоящим и полностью предан.

– Даже не знаю, – озадаченно усмехнулся Звен, – когда еще мне приходилось так удивляться. Но теперь должен спросить у Дилли...

– Нужно плыть туда, куда он скажет, – не дожидаясь вопроса, твердо заявила ведунья. – Похоже, король действительно в большой беде. Хотя по своей воле я не сделала бы для него ни шага, но всем сердцем ненавижу всевозможные перевороты, захваты и самозванцев. Простому люду они обычно не приносят ничего, кроме горя.

– Мы относимся к этому точно так же, – заверил ее старший магистр. – Но сначала я хочу понять, как ты определила, что это истинный секретарь?

– Он ни разу не солгал, – пожала плечами Дилли и скупо пояснила: – У нас есть способ точно определять.

– Вот теперь понятно, – выдохнул Ланс, и маги, получившие веское подтверждение собственных выводов, сразу как-то повеселели. – И все же хотелось бы знать еще одно. Эти шхуны...

– Флот почти полностью на стороне Эршеля, – запив еду взваром, сообщил секретарь. – Они с адмиралом дружат с детства и узнают друг друга по воспоминаниям о юношеских проделках. Некоторые военные части тоже с королем. Остальные не верят в подмену и предпочитают считать самозванцем того из королей, который сидит где-то в норе. По их мнению, нормальный правитель никогда не оставил бы свой дворец на какого-то шута. А раз профукал – значит, не так и ценил, как следовало.

– Вполне здравое суждение, – засмеялся Гард, наконец найдя для себя объяснение всех вопросов, за исключением мелких деталей. – Тогда показывай, в чем различие ваших карт. Надеюсь, мы успеем добраться до бухты, пока не разгулялся шторм.

– Шхуны ушли к берегу, там есть где укрыться, – серьезно сообщил Леар. – Вам бы тоже лучше бы пойти туда, но есть одна тонкость. За лордом Шрагеном должна прийти халгирская барка. Когда сгорали его защитные амулеты, шаманы получили сигнал. Двойник короля никому не доверяет полностью, я должен был проверить действия Шрагена и остаться с вами до самой ловушки, а халгирцы следили за мной. И едва поймут, что я предал, сожгут дом помогавших мне людей и казнят их самих.

– Как же ты решился их оставить? – снова встревожился Гард.

Люди, которых к чему-то принудили шантажом, редко имеют возможность рассуждать и действовать здраво.

– Они уже ушли, – усмехнулся секретарь, – а в доме стоит ловушка. Я тоже не терплю насилия и самозванцев.

Десятое светозарня

Княжеский бриг «Алый альбатрос»

Гард

К утру шторм, перепутавший все планы и надежды путешественников, стих, но выяснить, куда их занесло, моряки могли, лишь дождавшись появления солнца или звезд. Стоящие в княжестве магические маяки не отзывались, видимо оказавшись слишком далеко. Поэтому «Алый» лег в дрейф, и в его каютах воцарилась сонная тишина. Спали измотанные бесконечной вахтой матросы, спали почти двое суток не смыкавшие глаз магистры и

державшиеся наготове подчиненные Гарда, назначенные в этот рейд стюардами, коками и юнгами.

Бодрствовали лишь сменявшиеся каждый час команды дневальных, состоящие из мага, рулевого и впередсмотрящего. Да еще выпавшие за это время впрок обитатели княжеских кают. Они сидели в снова расставленных по верхней палубе креслах, наслаждаясь тишиной и свежестью постепенно разгоравшегося дня.

Небо еще было укутано пеленой облаков, но бледные просветы уже брезжили между ними, даря уверенность в их скором исчезновении.

Ланс и поздоровевший на вид королевский секретарь, кутавшийся в тонкий плед, тоже были здесь, молча пили горячий взвар вместе с черствым хлебом и сухой, как камень, колбасой, принесенной дознавателем с камбуза.

Вчера повара не готовили ничего горячего, хотя у магов имелись свои способы. Однако по негласному уговору все сохраняли энергию на самый нежеланный крайний случай. Но высшие силы уберегли, не допустили еще одной беды, и через час-два можно будет дернуть шнурок звонка и получить полную корзинку горячих пирожков, мяса, омлетов и прочих простых, но сытных блюд. А пока Леар с завидным аппетитом грыз колбасу и заедал сырыми овощами.

– Не стесняйся, жуй, – подвинув к нему тарелку, с легкой улыбкой предложил Ланс и, ведомый интуицией, вдруг поинтересовался: – Не кормили они тебя, что ли?

– Почти, – кивнул тот, прожевал кусок и нехотя пояснил, чуть кривя в небрежной усмешке губы: – Ведь все моряки преданы адмиралу и знают правду об Эршеле. А меня считали не совсем предателем – скорее заблудшим лопухом, служащим не тому хозяину. И всячески пытались открыть мне глаза и наставить на путь истинный. Но я не поддавался, на шхуне есть настоящий шпион Дейса, и мне нельзя было ни в чем им уступить. В конце концов все признали меня безнадежным тупицей и отстали, но все чаще начали забывать позвать на обед. А кок давал только горелые корки да вчерашние объедки. Мне, конечно, льстило такое признание моего лицедейского таланта и умиляла верность моему королю, только желудку это никакой радости не добавляло.

– Ничего, мы тебя откормим, – ободряюще улыбнулась Дилли и мимолетно коснулась локтя секретаря.

Очень легко, почти неприметно, но в сердце Гарда неожиданно вонзились острые и смертельно ядовитые зубы извечной змеи по имени «ревность». Вот вроде нет никакой причины подозревать жену в кокетстве и тем более ветрености, но чем-то задевает ее внезапное доверие и сочувствие совершенно незнакомому мужчине. И колют душу ее откровенная забота и теплые улыбки, неусыпное внимание к несчастьям молодого курьера. На вид Леару было не более двадцати трех, но регент помнил, сколько тот прослужил секретарем. Эршель никак не мог назначить на это место совсем уж зеленого парнишку. Значит, ему самое малое двадцать шесть, почти ровесник Ланса. И внешность самая обычная, но обе ведуньи почему-то с умилением смотрят ему в рот, позабыв про любимых мужчин.

– А у Эршеля есть продукты? – неожиданно для себя спросил Гард.

– Да, не волнуйтесь. Там скалистый островок, на котором когда-то, лет пятьсот назад, было тайное пиратское убежище. Потом один из прадедов короля выловил морских бандитов и переделал их владения в каземат для самых отчаянных преступников. Ста годами позже очередной правитель передал убежище монастырю. Однако монахи долго там не продержались, на камнях трудно что-либо вырастить, а от приносящих подаяния почитателей слишком далеко. Кто-то из королей основал там форт «Скальный» на случай нападения каких-нибудь врагов, но и эта идея оказалась неудачной. Враги попросту обходили форт стороной. Эршель превратил руины в место для морских пикников и каждое лето проводил там самые жаркие декады. Там удобная бухточка, крепкие стены и полные продуктов погреба... и все это превратилось в надежную тюрьму для него самого. Во всех бухтах Форандии стоят войска, а флот Эршеля прячется в устье Ресны и болтается у берегов Серанзии. Дома их встречают пушки и шаманские снаряды.

– А какой помощи он ждет от Онзирского княжества? Нападения на лжекороля и шаманов? Разумеется, Гард не считал, что секретарь располагает сведениями о тайных планах и намерениях своего господина. А если что-то и знает, то вряд ли начнет откровенничать. Просто регенту хотелось услышать еще одну версию, сами они за два дня придумали несколько, от самых банальных до совершенно безумных.

– Нет, конечно, он просто хотел поговорить с ведуньей о своих личных делах. – Взор Леара был кроток и честен, однако Тровенг интуитивно чувал, что курьер чего-то недоговаривает. Определить с помощью перстня, несущественная это деталь или нечто важное, было невозможно. Тровенгу очень хотелось устроить курьеру дотошный допрос, но поступить так с человеком, которого Дилли с Чижиком почему-то опекают, он не решился.

– А как ваши суда находят этот «Скальный»? – поинтересовалась Лита, подливая секретарю взвара.

– По карте. Но как только солнце полностью взойдет, я покажу точное направление, – невозмутимо пообещал тот, подтягивая поближе очередной кусок.

Ланс скептически ухмыльнулся и тайком заговорщицки подмигнул другу, но тот пока не спешил насмехаться над самонадеянным гостем. Парень явно был темной шкатулкой с секретами; следовало терпеливо выждать и посмотреть, как развернутся события.

Десятое светозарня

Королевский форт «Скальный»

Дилли

Он не лгал, ведунья ощущала это очень отчетливо. И все же сквозило в его словах что-то неверное – не то недосказанность, не то искаженность. Совсем незначительная, почти незаметная, но меняющая смысл так же непреложно, как откровенная ложь. Про таких говорят – «скользкий тип», но Леару это определение не подходило абсолютно. С ним вообще что-то было неправильно, и они с Чижиком усердно крутились рядом, стараясь как можно чаще словно случайно касаться рук или спины курьера, чувствуя странно знакомый отклик. Гард, конечно, пару раз заметил эти действия и теперь недовольно хмурился, совершенно справедливо полагая, что его жена не имеет права вести себя с подобным легкомыслием. Дилли с досадой вздохнула. Менее всего ей хотелось огорчить мужа, сделать ему больно. И Ланс тоже не заслужил пытки ревностью, хотя удивительно терпеливо сносил все выходки Чижика и, похоже, искренне намеревался доказать ей свои чувства.

Но теперь сестрам нескоро удастся откровенно поговорить с любимыми мужчинами, «Алый» неспешно, но уверенно входил в узкую расщелину в скалах, ведущую в крохотную бухточку, запертую со всех сторон скалистыми берегами.

Леар действительно безошибочно нашел путь, едва из низких облаков ненадолго выглянуло бледное солнце. И смотрел вовсе не на небо и не в карты, а перегнулся через борт и вгляделся в темную глубь зеленоватой морской воды.

– Туда, – заявил уверенно, указав рукой направление, и потом еще пару раз проверял то ли себя, то ли капитана, начинавшего кружить на месте.

И каждый раз опытный моряк изумленно хмурился, обнаружив, что рука курьера, не имевшего ни дара, ни амулетов, неизменно показывает одно и то же направление.

– Ты уже оделась? – заглянул в спальню покинувший мостик Тровенг, и Дилли ринулась к нему, помня, что на все объяснения у нее есть всего жалкая пара минут.

– Родной, ты все неверно понял! Нам нужно прикоснуться к человеку, чтобы разгадать, лжет он или нет.

– И что ты поняла? – еще прохладно осведомился Гард, но его руки уже обвили талию жены, а губы потянулись к ее губам.

